

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

ЯЗЫКОВЫЕ КАТЕГОРИИ И ЕДИНИЦЫ

Сборник научных статей

к 85-летию профессора Августа Борисовича Копелиовича

Владимир, 2014

Языковые категории и единицы: Сборник научных статей к 85-летию А.Б. Копелиовича. – Владимир: ВлГУ, 2014. – 391 с.

Статьи, включенные в сборник, посвящены актуальным вопросам теории языка и русского языкознания и отражают круг проблем, которыми занимаются коллеги, последователи и ученики доктора филологических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации **Августа Борисовича Копелиовича**.

Сборник предназначен для широкого круга специалистов в области языкознания, научных работников, преподавателей вузов, аспирантов и студентов.

Редакционная коллегия:

ст. преп. Е.А. Абрамова, доц. К.М. Богрова (отв. секретарь), доц. Е.Н. Варюшенкова, проф. М.В. Пименова (отв. ред.), доц. Н.А. Сафронова, ст. преп. Г.И. Столбунова, доц. Н.В. Целикова.

ISBN 978-5-8311-0875-0

© Владимирский государственный университет, 2014

© Коллектив авторов, 2014

КОПЕЛИОВИЧ Август Борисович

Предисловие

Сборник статей подготовлен к 85-летнему юбилею **Августа Борисовича Копелиовича**, доктора филологических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации.

Сборник составлен из написанных коллегами, последователями и учениками А.Б. Копелиовича статей, отражающих главным образом те аспекты теории языка и русского языкознания, которые интересовали и продолжают интересовать юбиляра: проблемы категории рода и именной категории лица в их взаимодействии (Р.В. Буробин, С.В. Вертиев, А.А. Негрышев, М.Р. Новикова), вопросы словообразования и морфемики (В.Н. Немченко, А.В. Андропова, Л.В. Рацибурская), межсловных связей в синхронии и диахронии (М.В. Артамонова, Ю.С. Иванова, Н.В. Иосилевич, В.Т. Малыгин, С.В. Мещеряков, М.В. Пименова, В.И. Фурашов), синтаксических....

В.И. ФУРАШОВ (*Владимир, Россия*)

К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПРОФЕССОРА А.Б. КОПЕЛИОВИЧА

Август Борисович Копелиович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Владимирского государственного университета, заслуженный работник высшей школы РФ, родился 14 декабря 1929 г. в Минске. Он рано лишился родителей: мать Августа Борисовича в 1935 г. была репрессирована, отец в первые дни войны ушел добровольцем на фронт и в 1942 г. погиб в бою с фашистскими захватчиками.

В Астрошинском городке под Минском Август Борисович заканчивает среднюю школу и в 1947 г. поступает в Минский педагогический институт на русское отделение факультета языка и литературы. В течение 14 лет, с 1951 по 1965 гг., работает учителем русского языка, завучем и директором в сельских школах Белоруссии.

В 1965 г. Август Борисович с семьей (женой Софьей Борисовной, верной спутницей его поистине подвижнической жизни, и тремя детьми) приезжает во Владимир, где продолжает учительствовать: работает воспитателем в Пигановской школе-интернате и учителем в школе-интернате № 1 г. Владимира, директором вечерней школы № 5.

В 1964 г. заведующий кафедрой русского языка Владимирского пединститута Анатолий Михайлович Иорданский (1907-1974) защищает в Институте русского языка АН СССР докторскую диссертацию «История двойственного числа в русском языке» и вскоре открывает аспирантуру. А.Б. Копелиович становится одним из первых аспирантов известного ученого-

слависта и, не оставляя учительского труда, с 1966 по 1970 гг. сдает кандидатские экзамены и готовит к защите диссертацию «Семантико-грамматическое развитие категории рода в современном русском языке», которую вскоре защищает в Московском государственном пединституте им. В.И. Ленина (1971).

Август Борисович, уже будучи кандидатом филологических наук, еще в течение четырех лет продолжает трудиться в школе, что было в те времена большой редкостью (за свою ученую степень он получал надбавку к окладу учителя в размере 10 рублей в месяц).

С 1975 г. начинается преподавательская деятельность Августа Борисовича в высших учебных заведениях страны. Учительской работе он отдал без малого четверть века, а в вузах трудился 37 лет. В 1975/76 учебном году Август Борисович работает в Мичуринском пединституте (Тамбовская область), а с 1976 по 1993 гг. – в пединституте в г. Комсомольске-на-Амуре. Преподавание в вузе он сочетает не только с общественной и административной работой, но и с напряженным и каждодневным трудом ученого-языковеда.

В 1990 г. А.Б. Копелиович успешно защищает в Москве, в Институте языкознания АН СССР, докторскую диссертацию «Проблемы диахронии грамматического рода индоевропейских языков в синтагматическом аспекте» и становится одним из ведущих специалистов в данной области лингвистического знания.

В 1993 г. Август Борисович избирается на должность заведующего кафедрой русского языка Владимирского педуниверситета, возвращается во Владимир на кафедру, где

прошли его аспирантские годы и первое приобщение к большой науке. В 2000 г. по состоянию здоровья А.Б. Копелиович оставляет заведование кафедрой и избирается на должность профессора, становится заслуженным работником высшей школы РФ (2001).

Ученый с разносторонними научными интересами, А.Б. Копелиович на протяжении почти полувека настойчиво и целеустремленно занимается проблемами категории рода и именной категории лица в их взаимодействии – в синхронии и диахронии. Эта проблематика находит освещение в его монографиях: «Очерки по истории грамматического рода» (1988), «Происхождение и развитие индоевропейского рода в синтагматическом аспекте» (1995), «Именная категория лица в ее отношении к грамматическому роду» (1997). Докторская диссертация и монографии А.Б. Копелиовича представляют значительный интерес, вносят существенный вклад в науку, закладывая основу для нового направления в исследовании ряда сложных, во многом дискуссионных вопросов общего и индоевропейского языкознания.

В сфере научных интересов Августа Борисовича проблемы лексикографии, терминоведения, словообразования и морфемики, синтаксиса, а также вопросы нормы и кодификации языковых явлений: «К вопросу о кодификации имен существительных общего рода» (1977), «Личные существительные как проблема лексикографии» (1993), «Род личных существительных как проблема диалектного словаря» (1988), «Принципы составления словаря лингвистических терминов (на материале раздела «Фонетика»)» (1997), «Проблема деривационного форманта при сложении» (1997),

«Деривационное гнездо и гнездо родственных слов в сопоставительном аспекте» (1998), «Правило йотированной буквы при морфемном анализе» (2000), «К вопросу о морфемной структуре производной основы» (2002), «Конфиксоид как деривационный формант» (1999).

В работах последних лет А.Б. Копелиович обратился к проблеме межсловных синтаксических связей. Одна из фундаментальных идей лингвистики XX века – «все, в чем выражено данное состояние языка, надо уметь свести к теории синтагм и к теории ассоциаций» (Ф. де Соссюр) – осмысливается А.Б. Копелиовичем как элемент диалектики («Методологическое единство синтагматического и парадигматического анализа», 1995). Профессор настаивает на строгом разграничении синтагматики форм и синтагматики значений: «Синтагматика форм. Согласование и параллелизм» (2000), «Синтагматика форм и синтагматика значений (еще об управлении)» (2003), «Подчинительные связи адъективных слов» (2004) и др.

А.Б. Копелиович – автор 119 научных и научно-методических работ, опубликованных в центральных лингвистических изданиях, сборниках и материалах международных, межгосударственных, республиканских, межвузовских конференций. Ждет опубликования его очередная монография «Введение в общую теорию грамматического рода». Доклады Августа Борисовича на научных конференциях разных уровней всегда вызывают живой интерес и отклик у аудитории, являясь предметом научных дискуссий.

При изучении научных трудов А.Б. Копелиовича нельзя не отметить их характерных особенностей. Первая из них – это выношенная автором убежденность в адекватности полученных в

результате тщательного анализа богатейшего языкового материала выводов и обобщений реальному положению вещей, - по крайней мере, в тех языках, которые оказались в сфере лингвистического исследования, - от индоевропейских до языков Африки (Август Борисович на протяжении многих лет сотрудничает со своими коллегами из Сектора африканских языков Института языкознания РАН). Вторая особенность – это полемическая заостренность изложения, напрямую связанная с нетрадиционной трактовкой автором проблем, которые, казалось бы, давно обсуждаются в лингвистике. Именно нетрафаретность решений постоянно понуждает автора вести с полемикой с расхожими мнениями по обсуждаемым вопросам. Обладая завидной эрудицией и многообразным материалом из языков разных систем, А.Б. Копелиович никогда не позволяет себе отступить от принципов ведения научных диспутов, принятых в подлинной науке, всегда с уважением относится к суждениям оппонентов, неизменно корректен, что благотворно воздействует на воображение читателя, склоняя его к объективному восприятию выдвигаемых решений.

Генрик Бирнбаум, славист и индоевропеист с мировым именем, ознакомившись с работами Августа Борисовича о происхождении и развитии индоевропейского рода, заметил в одном из писем: «Может быть, Вы правы с Вашей синтагматической теорией рода». Отечественные русисты давно отмечали самобытность и оригинальность подходов к решению проблемных вопросов в публикациях А.Б. Копелиовича (проф. Л.Д. Чеснокова), умение увлекательно, живо, стилистически безупречно излагать самые трудные вопросы грамматики (проф. Е.С. Скобликова).

Будучи заведующим кафедрой русского языка Владимирского педуниверситета, А.Б. Копелиович проявил себя как умелый руководитель коллектива, создавший на кафедре деловую, творческую атмосферу, организовал проведение международных научных конференций по проблеме «Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект» (1995, 1997, 1999, 2001, 2003, 2005, 2007, 2009, 2011, 2013), материалы которых вышли в свет в виде солидных сборников, инициировал первый выпуск Владимирского областного словаря (см.: *Канунова Р.С.* Владимирский областной словарь. Название грибов в говорах Владимирской области. Вып. 1. – Владимир: ВГПУ, 1999).

Как ведущий преподаватель кафедры русского языка А.Б. Копелиович многие годы читал лекции по профилирующему курсу «Современный русский язык», вел семинары и практические занятия, специальный курс по проблемам категории рода в индоевропейских языках, спецсеминар по вопросам русского словообразования, руководил проблемной группой студентов, курсовыми и дипломными работами. Все эти виды занятий он проводил творчески, на высоком теоретическом и методическом уровне, с учетом новейших достижений лингвистики и собственных научных разысканий. Подача материала на занятиях всегда была глубоко продумана, логически выверена, выводы отличались четкостью, а изложение – доступностью.

Много и плодотворно работал А.Б. Копелиович со студентами, проявляющими интерес к науке, руководил аспирантским объединением и аспирантурой, готовя квалифицированные кадры для высшей школы. Находясь на заслуженном отдыхе, Август Борисович не теряет связи с

кафедрой русского языка ВлГУ, продолжает консультировать аспирантов и молодых преподавателей, регулярно участвует в конференциях разных уровней. Написанные под его руководством кандидатские диссертации вполне успешно защищаются в МГУ им. М.В. Ломоносова и в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

Август Борисович – исключительно трудолюбивый, дисциплинированный, ответственный, порядочный, требовательный к себе и другим человек, глубоко преданный науке, делу народного просвещения, широко эрудированный филолог, тонко чувствующий слово, тактичный, чуткий ко всему новому, нетривиальному. Он сочетает в себе требовательность с доброжелательностью, скромность с удивительной твердостью и последовательностью, когда дело идет о дорогих ему морально-этических и научных ценностях. Его жизнелюбие, энтузиазм и творческая активность с годами не только не затухают, но все более и более возрастают (достаточно сказать, что на последние 15 лет приходится добрая половина его публикаций).

Таким видится А.Б. Копелиович не только родным, близким, товарищам по работе, но и – что весьма ценно – студентам университета. В газете «Владимирские ведомости» от 17 декабря 2004 года, в связи с 75-летием Августа Борисовича, студенты филологического факультета так отозвались о глубоко уважаемом ими профессоре: «Один из корифеев нашего университета, прекрасный преподаватель»; «Строгий, но справедливый, настоящий рыцарь»; «Интеллигентный, тактичный, эмоциональный человек»; «Очень душевный человек, всегда отстаивает свою точку зрения»; «Всегда объективен по отношению к студентам – всем воздает по заслугам».

Влюбленный в поэзию, А.Б. Копелиович всю жизнь пишет стихи, которые печатались в республиканских и областных газетах, в журналах «Советская отчизна» и «Смена». Пять лет назад дети, внуки и друзья Августа Борисовича убедили его издать поэтический сборник («Если рядом со мной идешь...»), в котором есть строки, удивительно точно характеризующие юбиляра и его отношение к жизни: «Давайте же гореть день ото дня! Сильней пылать сердцами молодыми. Вот говорят: нет дыма без огня, А я хочу, чтоб был огонь без дыма!».

Преподаватели, аспиранты, студенты и сотрудники филологического факультета ВлГУ, его ученики и последователи сердечно поздравляют Августа Борисовича с юбилеем, желают ему доброго здоровья на долгие годы и неиссякаемой творческой энергии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грамматические категории и единицы: Сборник научных статей к 75-летию А.Б. Копелиовича. Владимир: ВГПУ, 2004. 224 с.
2. Копелиович Август Борисович // Кто есть кто в современной русистике. М., Хельсинки, 1994. С. 134.
3. Копелиович Август Борисович // Кто есть кто в лингвистике XX века. Автобиблиографический справочник. Т.1 / Сост. С.В. Лесников. Сыктывкар, 1999. С. 48.
4. Михайлов В. Один из корифеев // Владимирские ведомости (Владимир). 2004. 17 декабря.
5. Пименова М.В., Фурашов В.И. К юбилею кафедры русского языка филологического факультета ВлГУ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». 2013. № 1. С.96-106.
6. Список трудов профессора А.Б. Копелиовича. Кандидатские диссертации, выполненные под руководством А.Б. Копелиовича // Грамматические категории и единицы: Сборник научных статей к 75-летию А.Б. Копелиовича. Владимир: ВГПУ, 2004. С.211-221.
7. Флегонтов М. Как решить теорему Ферма // Молва (Владимир). 1999. 14 декабря.
8. Фурашов В.И. К 50-летию кафедры русского языка Владимирского государственного педагогического университета // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы пятой международной конференции. Владимир: ВГПУ, 2003. С. 3-12.
9. Фурашов В.И. Август Борисович Копелиович (к 75-летию со дня рождения) // Вестник Владимирского государственного педагогического университета. Серия «Естественные и гуманитарные науки». 2005. Вып. 10. С. 104-107.

10. Фурашов В.И. Путь, открытый взорам (к 80-летию Августа Борисовича Копелиовича) // Вестник Владимирского государственного гуманитарного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2010. Вып. 23-24. С. 252-255.
11. Фурашов В.И., Негрышев А.А. Август Борисович Копелиович // Грамматические категории и единицы: Сборник научных статей к 75-летию А.Б. Копелиовича. Владимир: ВГПУ, 2004. С. 5-9.
12. Фурашов В.И., Пименова М.В. К 60-летию кафедры русского языка // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: Материалы десятой международной конференции (Владимир, 24-26 сентября 2013 г.), посвященной 60-летию кафедры русского языка. Владимир: Транзит-ИКС, 2013. С.4-14.

А.А. НЕГРЫШЕВ (Владимир, Россия)

О ШКОЛЕ А.Б. КОПЕЛИОВИЧА

Юбилей профессора Августа Борисовича Копелиовича – это прекрасный повод для добрых слов, коих, без сомнения, будет сказано много в адрес «виновника торжества». В качестве же «малой лепты» со своей стороны хочется предложить несколько строк о *школе* профессора А.Б. Копелиовича, тем более что «почетный статус» *первого аспиранта* особенно к этому располагает. А поскольку формат юбилейного сборника допускает отступление от сугубо научного стиля, то и речь мы построим *от первого лица* в единственном числе.

Понятие *школы*, как известно, имеет особое наполнение, когда речь идет об отношениях *профессор – аспирант*. С одной стороны – это *школа* как научное направление, объединяющее под началом руководителя всех тех, кто развивает его идеи. С другой стороны – это *школа* как «традиция ремесла», то, что называется «пройти школу» такого-то профессора. Если в первом значении *школа* достаточно «мобильное» в плане «личного состава» образование, принадлежность к которому может ограничиваться лишь временем обучения в аспирантуре, то второе – это уже, так сказать, навсегда. Любой аспирант, в какое

бы направление он ни подался после аспирантуры, все равно остается в той или иной мере «научным чадом» своего наставника, и чем крупнее личность учителя, тем под большим влиянием, осознанно или бессознательно, находится его ученик. И дело здесь не столько даже в научных идеях, сколько в стиле мышления, подходе к материалу, к самому творческому научному процессу – все то, что можно было бы назвать «духом школы». Этому нельзя научить, это передается каким-то неуловимым образом – через беседы, через обсуждение первых опусов, через вчитывание в труды руководителя и многое другое.

Школа А.Б. Копелиовича в первом значении этого слова, безусловно, состоялась. Защищенные кандидатские диссертации, объединенные общей темой «родоискательства» (© термина – А.Б.К.), место их защиты (МГУ, головные институты РАН), отзывы коллег-ученых – все это достаточно свидетельствует об «идейно-тематическом» единстве и о признании школы. Однако это предмет отдельного научного обзора, начало которому было положено некоторое время тому назад [1], здесь же хотелось бы о другом и по-другому, как было заявлено выше – *от первого лица*.

Мои творческие отношения с Августом Борисовичем – это как раз тот случай, когда ученик не стал «продолжателем дела» своего учителя в плане темы исследования, но, хочется надеяться, перенял хоть в какой-то мере дух его школы. И за это я ему безмерно благодарен! Так уж сложилось, что то идейное «поле», на котором я работал в аспирантуре, перестало удерживать меня после защиты диссертации, да и «хозяин» распахивал его со всё большим размахом и интенсивностью, так что поспевать за ним уже не было никакой возможности. И я

нашел свою «делянку» на других полях, в других направлениях, сменил, что называется, тему.

Но школу, которую я прошел у Августа Борисовича, «сменить» невозможно. И если попытаться в двух словах охарактеризовать дух этой школы, выделить доминанту «научной личности» А.Б. Копелиовича, то я бы сформулировал это так: стремление к математической законченности теории в гармоничном сочетании с «насыщенностью», наглядной образностью изложения. Эта особая эстетика формы, чем-то даже напоминающая поэзию, неизменно бросается в глаза при знакомстве с теориями А.Б. Копелиовича. Думается, в этом же ключе следует рассматривать и метод моделирования, столь характерный для его работ, поскольку научная модель включает в себе возможность синтезировать математическую строгость и эстетическую «стройность», объемность образа и линейность слова, абстрактность термина и «живость» метафоры. А ведь давно замечено, что глубокая мысль должна звучать красиво!

Все остальное, что можно сказать, характеризуя школу А.Б. Копелиовича, является производным от того духа, о котором было сказано выше. Это и постоянный научный поиск, где «нет предела совершенству», это и тщательность в работе с материалом, когда «под лупой» рассматривается каждое слово, каждый языковой пример, это и беспредельный такт, осторожность в отношении «научной личности» ученика, для которого учитель авторитет, но без оттенка авторитарности. И многое-многое другое, что выходит уже за границы науки и переходит в сферу человеческих отношений.

Надо ли говорить, что пройти такую школу – это подарок судьбы. Мне посчастливилось получить такой подарок, и думаю,

мои коллеги-аспиранты скажут то же самое. Конечно, «работать по Копелиовичу», писать в его духе, о котором я говорил – это эталон, достичь или даже приблизиться к которому едва ли когда удастся. Но тем не менее, даже находясь в «свободном плавании» на «просторах» других научных направлений, далеких от кандидатской диссертации, я продолжаю ощущать себя «внутри традиции». Той «классической» традиции, преемственность которой обеспечена надежной школой моего дорогого профессора-наставника Августа Борисовича Копелиовича.

ЛИТЕРАТУРА

1. Негрышев А.А. К истории формально-согласовательного направления в изучении категории рода (о месте теории А.Б. Копелиовича в ряду современных синтагматических концепций рода) // Грамматические категории и единицы: Сборник научных статей к 75-летию А.Б. Копелиовича. / Отв. ред. М.В. Пименова. Владимир: ВГПУ, 2004. С. 76-85.
2. Список трудов профессора А.Б. Копелиовича. Кандидатские диссертации, выполненные под руководством А.Б. Копелиовича // Грамматические категории и единицы: Сборник научных статей к 75-летию А.Б. Копелиовича. / Отв. ред. М.В. Пименова. Владимир: ВГПУ, 2004. С. 211-221.

Е.А. АБРАМОВА, Г.И. СТОЛБУНОВА
(Владимир, Россия)

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ СОЧИНЕНИЮ (к вопросу об итоговом сочинении в школе)

Аннотация. В статье предлагаются к рассмотрению основные этапы работы над текстом сочинения; даются рекомендации по подготовке к итоговому сочинению выпускников школ 2014-15 учебного года.

*Доктору филологических наук, профессору
Августу Борисовичу Копелиовичу,
проработавшему в школе 24 года, посвящается.*

Важной частью лингвистического образования в целом, одним из ведущих компонентов в практике преподавания русского

языка в школе является обучение учащихся сочинению, направленное на предмет, выделяемый как составная часть курса развития речи от начального класса до выпускного. В 2014-15 учебном году выпускники школ аттестуются по этой дисциплине впервые за долгие годы проведения ЕГЭ, тем самым в обществе актуализируются такие общеобразовательные задачи, как определение уровня речевой культуры школьника, его личностной зрелости, проверка речевых компетенций в работе с литературным материалом.

Работа в школе по подготовке текста сочинения многоплановая и должна включать в себя следующие необходимые в её проведении этапы:

1) **анализ темы** сочинения (заключен ли в ней основной тезис рассуждения, тема предполагает один или несколько вариантов рассуждения, включает ли название темы литературоведческое понятие, предполагается ли между темой и основным текстом эпиграф, характер его взаимодействия с элементами текста и т.д.);

2) определение **вида интеллектуально-речевой** деятельности;

3) **объем** сочинения (факты литературного произведения и жизненного опыта пишущего, направленные на полное раскрытие темы);

4) **жанр** сочинения (на основе правильного анализа темы и выбора вида речевой деятельности);

5) выделение **классификационного типа** сочинения, устанавливающего совокупность и последовательность положений, лежащих в основе составления плана;

6) вид **плана** и работа над ним;

7) **композиция** сочинения, обоснование вида вступления и заключения, решение вопроса соответствия частей сочинения, в том числе и в количественном отношении;

8) **речевое воплощение** сочинения (композиционно-стилистическое как выбор абзацев определенного типа, их размещение и взаимосвязь, выделение основных фраз, подчиненных раскрытию микротезисов, реализующих смысловое содержание главного тезиса; стилистическая доминанта текста, особенности взаимодействия различных стилистических сфер, стилистические и жанровые ограничения, вопрос об индивидуальном авторском стиле; стандартные и экспрессивные речевые средства, направленность оценочно-описательных и оценочно-характеризующих средств на создание смысловых и экспрессивных доминант и т.д.);

9) **редактирование** текста сочинения (приемы редактирования).

В этом перечне возможны и другие пункты (например, «подбор необходимых цитат», «работа над заключительными выводами», «указание на основание для сравнения в сочинении-сопоставлении», «система аргументации», «использование разных структур рассуждения», «особенности рассуждения-размышления, рассуждения-доказательства и рассуждения-объяснения» и др.), однако они носят более частный характер, хотя нельзя отрицать их значимости в процессе работы над текстом сочинения. Выделенные уровни как этапы подготовительной работы над сочинением предполагают такие важнейшие качества при создании единого смыслового и речевого целого, как подчиненность, взаимосвязь и продуманность отдельных компонентов, в целом реализующих

умение обращаться к литературному материалу, обнаруживая при этом высокие интеллектуальные, духовные и личностные качества. Например, тема сочинения **«Женские образы в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети»»** предположительно намечает следующие этапы ее осмысления:

тема сочинения: тема-понятие (не содержит в своей формулировке тезиса рассуждения), может быть раскрыта через литературоведческое понятие «система», тема однозначная, т.к. предполагает один тип логического рассуждения);

вид интеллектуально-речевой деятельности: аналитический;

объем сочинения: подбор всех женских персонажей в романе И.С. Тургенева, выявление главных, второстепенных, эпизодических, внесюжетных и др. лиц, установление отношений между ними;

жанр сочинения: литературно-критическая статья;

классификационный тип: система персонажей (как одно из художественных средств отражения жизни общества определенного временного отрезка – возможный заключительный вывод);

трехчастная **композиция**: во вступлении (теоретико-литературоведческом) утверждается основной тезис рассуждения, поясняются опорные понятия: система, основания деления персонажей, системообразующие факторы и т.д.); в основной части выделяется главная героиня, объясняется, почему именно она главная, каковы её взаимоотношения с другими персонажами, называются второстепенные и эпизодические персонажи, раскрывается замысел автора в отношении этих героинь, а также поясняются принципы и приемы

их противопоставления и сопоставления [см. подробнее: 2: 50-52], заключение (историко-литературное) содержит рассуждение о том, почему автор выстраивает именно такую систему персонажей, каким целям она служит;

вид **плана** (возможны: тезисный, конспектный);

речевое воплощение: рассуждение как ведущий функционально-смысловой тип речи, подчиняющий себе элементы описания и повествования; возможно как рассуждение-доказательство (доказательство истинности тезиса, что женские образы романа И.С. Тургенева объединены в единую систему) или как рассуждение-размышление, опирающееся на объяснение и доказательство, сопоставление и противопоставление, выявление причинно-следственных связей и т.д. [см. об этом: 6: 87-88];

текст сочинения основывается на научном и публицистическом стилях с ограниченными элементами разговорного стиля, достаточно большое количество устойчивых, стандартных оборотов речи, т.к. используется аналитический вид деятельности, оценочность предполагает экспрессивные формы речи на всех языковых уровнях.

Взаимосвязь уровней подготовительной работы к сочинению можно пояснить следующим образом: в сочинениях литературно-творческого типа увеличивается доля публицистических рассуждений (размышлений об экономических, политических, философских, нравственных вопросах), здесь важно отражение позиции автора к анализируемой проблеме (сопоставление с собственным мнением), стиль же таких работ «может быть открыто тенденциозным, полемическим, эмоциональным, допустимо использование приемов ораторской речи

(риторических вопросов, восклицаний, инверсий, повторов, градаций)» [3: 11].

Любой текст, в том числе и текст сочинения, обусловлен прагматической установкой автора, одним из средств выражения которой является композиционно-стилистическое членение текста. Абзац – это не только новая «позиция» смысла, переход от одной микротемы к другой, но и способ развертывания рассуждения, организации аргументации, выделения вывода, выражения эмоционально-оценочного плана. Понимание основ классификации абзацев способствует появлению у учащихся представления о текстообразующих функциях. Их осуществляют абзацы: **аналитико-синтетический абзац, синтетико-аналитический рамочный, абзац - композиционный стык, абзац – стержневая фраза**, последний из которых, например, может выражать вывод, обобщение или переход к новой теме [1: 63-64].

Абзац облегчает восприятие текста, помогает логическому и эмоциональному его развитию, интерпретационному движению, выделению значимых частей рассуждения. Важно правильное использование абзаца по выполняемой им в тексте функции: **логико-смысловой, экспрессивно-эмоциональной и акцентно-выделительной** [1: 69; 7: 156-160]. Однако не следует забывать о связи членения на абзацы с объемом текста, жанровыми особенностями, общей стилистической тональностью, авторской манерой пишущего. Процесс создания текста может потребовать конкретизации следующих понятий: алогизм речи, внутренняя аналогия, аргументирование, ассоциативные связи слов, безэмоциональность изложения, ведущий уровень речевой деятельности, гипотеза, двусмысленность, изобразительность,

иллюстрация, инверсия, ирония, композиционная стратегия, объяснение-пояснение, объяснение-толкование, оценочность, период, перспектива коммуникативная, повтор сквозной, приемы межстилевой связи, связность текста, синонимия экспрессивная, скрепа текстовая, словесный образ, словесный ряд, смысл, стык (анадиплосис), сцепление, текст в тексте, убеждение, умолчание, умозаключение, целенаправленность текста, цельность текста, цепочка (эпитетов, метафор), цитата, цитатное заглавие, экспрессия, эллипсис, эмотивность, плеоназм, сказовый стиль, сравнение, стереотипность, стилизация, тавтология, текстовая аллюзия и др.

Основное условие итогового сочинения в школе – обязательная опора на произведения русской и мировой литературы. Особую трудность представляют сочинения по нескольким произведениям разных авторов (так называемые сочинения обзорного характера). Как отобрать и организовать литературный материал? Что может объединять одно произведение с другими? Каковы композиционные сочинения такого типа?

Наиболее типичный подход к анализу целого ряда произведений – обобщение литературных фактов либо их сравнение [5: 64], причем на основе какого-то определенного аспекта (развития, трактовки образа, проблемы, темы, определенного этапа в развитии литературы и т.д.).

Исследователи указывают на необходимость отбора тех произведений, в которых «с наибольшей художественной силой раскрывается вопрос, обозначенный в теме сочинения», отражаются «существенные стороны таланта, раскрывающие важнейшие эстетические, философские, политические установки

автора произведения», выявляется место произведений в «творческой эволюции писателя», указывается на «основные закономерности и тенденции освещаемого периода, на традиции и «то новое, что внес каждый автор в решение той или иной проблемы» [3: 8-9]. В сочинениях подобного типа не должно быть излишней иллюстративности, вступление и заключение относятся по смыслу к каждой части основного содержания сочинения [5: 66]. Напротив, единицей анализа в сочинении может быть эпизод, выбираемый учащимися вполне сознательно как важнейший компонент организации текста, раскрывающий художественный замысел или позицию автора, отдельный элемент текста может быть включен в цепь ассоциативных представлений, служить основой сопоставления, выделения его как ключевого фрагмента в рассуждении и т.д. Рекомендуется определить место и роль эпизода в анализируемом произведении, «охарактеризовать содержательную сторону эпизода», его анализ носит более тщательный характер, так как «чем меньше текстовое пространство, тем значимее в нем оказывается каждая деталь, каждая фраза, каждое описание» [4: 57].

Формулировки тем итогового сочинения 2014-15 уч.г. призваны нацеливать выпускников школ на размышления о своеобразии творчества М.Ю. Лермонтова, особенностях проблематики его произведений, характерных чертах героев писателя, а также касаются актуальных, «вечных» вопросов человечества («Вопросы, заданные человеку войной», «Чем люди живы?», «Спор поколений: вместе и врозь», «Человек и природа»). Может показаться, что сочинение-размышление имеет более «размытые» границы, а требования, предъявляемые к тексту подобного типа, нечетки, «размыты». Но вот как об этом

пишут специалисты: «Сочинение данного типа, с одной стороны, предлагает свободу в изложении материала, так как автор должен представить свои мысли, возникающие после прочтения того или иного произведения. С другой стороны, непонимание своеобразия жанра сочинения-размышления таит в себе опасность превратить работу в эмоционально-оценочную» [4: 52].

Кроме оценки пишущего (следует ограничивать ее от позиции автора), сочинение-размышление основывается на аргументированности собственной позиции, при этом аргументами будут являться «факты» мировоззрения писателя, его художественной картины мира, основанные на глубоком знании творчества писателя в целом и отдельного произведения в частности, понимании художественного текста и как эстетической структуры, и как способа осмысления какой-либо общественно значимой проблемы, решения спорных вопросов.

Сочинения-размышления содержат дополнительный материал, позволяющий «проводить параллели с различными произведениями не только русской, но и мировой литературы, а также с творениями других видов искусства», а главное «отражают сознание автора работы, его внутренний мир»; кроме тезиса и доказательств, в таком сочинении есть выводы, обобщение [4: 52-53]. Ведущим функционально-смысловым типом речи сочинения-размышления является рассуждение, предполагающее подчеркнутую аргументированность тезиса (или тезисов), при этом важно продемонстрировать правильность фактического и иллюстративного материала, целесообразность использования цитат. Учащиеся должны обнаружить умение использовать разные **типы** аргументов, владеть разными **способами** аргументации; выводы и обобщения требуют

обоснованности, им отводится особое место в композиции текста, им свойственны особые речевые формы воплощения.

В качестве практической подготовительной работы могут быть использованы произведения русской критики (статьи В.Г. Белинского «Сочинения Александра Пушкина», Ю.М. Лотмана «Своеобразие художественного построения романа «Евгений Онегин», Н.А. Добролюбова «Забитые люди», Д.И. Писарева «Мотивы русской драмы» и др.), при этом в работе можно опираться на следующие аспекты: какая сторона художественного произведения интерпретируется, какие литературоведческие понятия являются ключевыми (тема, проблема, конфликт, художественный или словесный образ, роль детали и т.д.), формулировка общественно значимой проблемы, нашедшей отражение в произведении, художественно-изобразительные и художественно-выразительные речевые формы, способы истолкования и оценки, наличие точки зрения автора, способы утверждения точки зрения критика, присутствие эмоционально-оценочного плана, связь с адресатом и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валгина Н.С. Теория текста. М., 2004.
2. Грекова Елена. Алгоритм сочинения. Пособие для абитуриентов и школьников, или как научиться писать сочинения без репетитора и шпаргалки. М., 1995.
3. Жаравина Л.В. Сочинение по литературе. Методическое пособие для поступающих в вузы № 2. Волгоград: Учитель, 2003.
4. Коган И.И. Экзаменационные сочинения разных жанров для выпускников и абитуриентов: Учебное пособие. М., 2007.
5. Лимонад Т.В. С сочинением на «ты»: Пособие для старших школьников и абитуриентов. М., 2001.
6. Любичева Е.В. ЕГЭ – 2009. Русский язык. На пути к экзамену: Сдаем без проблем. М., 2008.
7. Педчак Е.П. Русский язык. Изд. 2-е. Ростов-на-Дону, 2006.
8. Мартыанова И.А., Сергеева Е.В. Сочинение: пишем на «отлично». М., 2002.
9. Мещеряков В.Н. Жанры школьных сочинений. Теория и практика написания. М., 2000.

И.Ю. АБРАМОВА (Владимир, Россия)

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В СТРУКТУРЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

(на материале произведений владимирского писателя
С. Никитина)

*«Каждое имя, названное в произведении,
есть уже обозначение, играющее всеми
красками, на которые только оно способно»
Ю. Тынянов*

Творчество писателя, его авторская личность, его герои, темы, идеи и образы воплощены в его языке и только в нем и через него могут быть постигнуты [2: 6]. В выборе того или иного имени персонажа, его этимологии и словообразовательных связях всегда проявляется авторская модальность (или авторская позиция), в тексте могут актуализироваться символические смыслы имени собственного и отдельных его компонентов, рассмотрение имени собственного позволяет выявить особенности авторского отношения к персонажам и систему их связей в тексте, более того, анализ семантики и символических смыслов, присущих именам собственным, в ряде случаев дает возможность рассмотреть специфику авторской модели мира [6: 167, 195].

В творчестве владимирских писателей структурно-семантические особенности номинационных цепочек, приложимых к главным и второстепенным персонажам произведений малых жанров (повестей и рассказов), выполняют существенную, художественно значимую роль. В рассказе С. Никитина «Собственный дом» имя героини – *Олимпиада Сергеевна* – характеризуется целым рядом мотивационных

цепочек, учитывающих многозначность имени собственного в художественном тексте и обнаруживающих множественность смыслов, воплощаемых в этом имени контекстуально: *В молодости вдова Олимпиада Сергеевна была очень хороша собой; смуглая, гибкая, с грациозно ленивыми движениями сытого зверя; вызывала между парнями мордобития и более серьёзные столкновения.* Сема 'красота' как высшая степень проявления основного признака (*очень хороша*) в дальнейшем раскрывается автором не однозначно, а посредством смысловой многомерности [6: 196], так как абстрактная семантика номинативной единицы по своей природе предполагает обязательную конкретизацию в рамках коммуникативного целого [4: 48]. Это достигается, во-первых, сниженной коннотацией через сравнения героини с *сытым зверем*; во-вторых, определённого рода отношениями мотивации между именем собственным (*Олимпиада*) как производным и именем нарицательным, выступающим в качестве производящего (мотивирующего): «олимпиада – сущ. ж.р. – состязание, имеющее целью выявить наиболее достойных из числа участников» [СРЯ, Т. 2, 1986: 615]. Таким образом, автором имплицитно используются стилистические приёмы сравнения (со зверем) и опредмечивания в характеристики героини, которые «накладываются» на основные семантические значения текста, служат средством выражения различного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов [1: 203-204], в данном тексте – негативных: 1) сравнение человека со зверем, 2) употребление стилистически сниженного слова-просторечия *мордобитие* (*вызывала между парнями мордобития*) в качестве контекстного синонима слова «олимпиада». Заложённое автором в имени известное

противоречие усиливается и в том случае, если рассмотреть в целом регистр имени – *Олимпиада Мурыгина*: высокое (имя) – сниженное (фамилия), при этом следует отметить, что производные отношения фамилии достаточно прозрачны: *Мурыгина* рассматривается в качестве производной единицы производящему (мотивирующему) глаголу «мурыжить» (простореч.), обозначающему «причинение неприятности, досаждение, мучение» [СРЯ, Т. 2, 1986: 312].

В дальнейшем лексико-семантическое поле слов-характеристик героини доказывает выделенные нами смыслы контекстуально, так как в структуре художественного текста слово только тогда может нечто обозначать, когда оно будет включено в подобный контекст в рамках систематической связи как на уровне словосочетания, так и на уровне предложения. Семантическое поле персонажа создаётся путём сближения актуализированных сем (в том числе и на основе словообразовательных отношений) путём сближения с другими семантическими единицами текста. В смысловой структуре главной героини произведения С. Никитина наиболее заметна сема «воля», проявляющаяся в целом ряде синтагматических единиц. Значение «власть над другими, право распоряжаться по своему усмотрению» [СРЯ, Т. 1, 1985: 209] выполняет роль доминанты, организующей (на основе оппозиции) целый ряд важнейших в смысловом плане контекстов, например: *жених – белокурый ясноглазый великан, смотревший на мир с радостным изумлением – воля (жены) привела его к тому, что стал он прижималой и живоглотом*. Неслучайно употребление автором в описании героя не личного имени, а номинаций-существительных, где 1-й член оппозиции – «великан» мотивирован прилагательным с положительной коннотацией,

которая дополнена рядом определений с положительной оценочностью (*белокурый, ясноглазый*), интересно отметить, что данный ряд однородных членов актуализирует тему 'свет', безусловно связанную с формированием глубинного уровня текста (свет – тьма); 2-й член оппозиции – с отрицательной коннотацией, которая проявляется стилистически, а также на словообразовательном и лексическом уровнях (*прижимала, живоглот*). Номинации-существительные героя образованы посредством выразительных словообразовательных отношений: 1) глагол прижимать – сущ. *прижимала*, где деривационный формант суф. -л-, присоединяясь к основе глагола, стилистически маркированного как слово разговорной лексики в значении «ставить в крайне стеснённое положение, притеснять других» [СРЯ, Т. 3: 1987: 408], привносит в слово отрицательную оценочную семантику, характеризующую субъект; 2) существительное *живоглот* имеет стертую внутреннюю форму, вызывающую, однако, определенные устойчивые ассоциации у читателей (*живо-* – 1-я составная часть сложных слов, соответствующая по значению слову живой [СРЯ, Т. 1, 1985: 481]), мотивирующий глагол *глодать* читателем интерпретируется в переносном лексическом значении как «мучить, терзать (о чувствах)» [СРЯ, Т. 2: 315]. В этом случае можно говорить о важнейшей эстетической единице художественного текста – рефлектирующем слове, способном преобразовать его внутреннюю форму в художественно значимую величину текста.

Отношения мотивации проявляются в тексте между именем героини – *Липа* (усечённой формой слова от полного имени Олимпиада) и именем нарицательным «липа» в качестве производящего (мотивирующего) слова: «липа – сущ. ж.р. –

фальшивка» [СРЯ, Т. 2, 1986: 185], то есть обман. Данное слово семантизируется, будучи заключённым в структуру определённого контекста, единицы которого также представлены как двучленная оппозиция на основе ключевой для текста в целом доминанты – *воля* (Олимпиады Сергеевны), которая в отдельных эпизодах дополняется глаголом *понуждала*, реализующим ту же сему: 1-й член оппозиции – *капитан речного катера, **стройный, широкоплечий, мускулистый** капитан*; доминантный компонент – *Липа взглянула на работу мужа по-иному, всеми хитрыми бабьими средствами понуждала капитана укорачивать ленты билетов*, то есть обманывать (*капитан оскорблялся, ссорился с женой, <...> потом уступил*); 2-й член оппозиции – *через три года это был **совсем больной человек** <...> и кончил тем, что замёрз пьяный в рубке катера*.

Таким образом, имя персонажа и приложимые к нему определения выступают в качестве ключевых единиц художественного текста как важнейший знак, который, наряду с заглавием, актуализируется по мере прочтения произведения. По мнению Ю. Тынянова, в тексте, как правило, не бывает «неговорящих», «незначащих» имен [8: 17], при этом коннотации авторских номинаций выражают субъективные наполнения разного рода: экспрессивность, интенсификация значений с отрицательной коннотацией, грамматическая образность (метафоричность), эмоциональный эффект [9: 35].

Текст всегда организован той или иной точкой зрения, реализуется в форме лирического монолога, диалога, повествования, ведущегося с позиции определенного субъекта (субъектов) речи и отражающего сферу его сознания. Рассказ «Серпантин» С. Никитина представляет собой

автобиографический текст, основными признаками которого являются:

1) установка на достоверность изложения, фиксация пространственно-временной позиции субъекта повествования (*в тот, теперь уже далёкий, год я жил на тихой улице тихого города в домике с яблоневым садом*),

2) его сложные отношения с «точкой зрения» других персонажей (*есть один писатель с птичьей фамилией... ну, скажем, Ястребов <...> мы познакомились с ним ещё зимой в жарко натопленной и прокуренной редакции районной газеты*),

3) особая субъективность (модальность), основанная на актуализации тождества системы оценок повествователя и автора.

Субъективная оценка повествователя в отношении другого персонажа выражена главным образом посредством имени собственного – фамилии *Ястребов*, причём эта информация даётся уже в первом предложении, когда «задаётся» субъект повествования, достаточно чётко обозначенный нарочито созданной ситуацией выбора – *ну, скажем* (использование в несобственно-прямой речи рассказчика-наблюдателя вводного слова *скажем* в значении «например» [СРЯ, Т. 4, 1988: 101]). Последующие особенности организации текста доказывают закономерность выбора и выделения именно этой номинации рассказчиком, чья система оценок тождественна авторской, раскрывает художественный замысел. В данной единице актуализируются периферийные и ассоциативные семы имени собственного, их семантика постепенно усложняется и обогащается: *ястреб* – «хищная птица с длинными острыми когтями» [СРЯ, Т. 4, 1988:] – *Гришка Ястребов выделялся своей*

волевой внешностью, могучим натиском в спорах, выход у студента книги был событием в институтской жизни, мы прониклись к Гришке завистью, почтением и восторгом. В лексико-семантическом поле слов-характеристик Гришки преобладают языковые единицы с семами 'воля', 'сила', 'мощь', которые «сокрушали»: **поработала** нас мощь Гришкиной уверенности в себе, то есть полностью подчиняла своей власти, влиянию, ставила в **зависимое положение** [СРЯ, Т. 3, 1987: 300]. Предложения-характеристики грамматически дополняют актуализированную семантику: герой чаще всего является активным субъектом действия: *Гришка уже напечатал рассказ*. С каждым последующим текстовым эпизодом в смысловой структуре героя актуализируются семы 'достижение', 'успех': *появился с романом о волжской стройке <...> усталый, счастливый, хмельной, жена у Гришки была под стать ему – крупная и вся какая-то яркая женщина, стал жить у жены в просторном светлом доме*, а также сема 'работа – результат': *романы печатались, имели **видимость остроты***. Единица «видимость» как внешний вид, производящий обманчивое впечатление [СРЯ, Т. 1, 1985: 174], выражает ироничную авторскую оценку в отношении работы Гришки и его жены-опекунши, подтверждаемую словообразовательным повтором лексико-семантического поля слова «работа»: **перепечатка рукописей, подшивание газет, отыскивание книг** <...> доставляло ей (Гришкиной жене) истинное наслаждение. Суффикс -ний- в этом ряду отглагольных существительных имеет семантику отвлечённого процессуального признака [З: 296], характеризует действия обоих героев как «механические». Отрицательное значение, сопровождающее это «механическое»

писательство, даётся в произведении через авторскую оценку, выраженную посредством словоизменения фамилии героя в речевом поведении его жены – Ястребочек. Регулярная и продуктивная словообразовательная единица – суффикс *-чик-*, образующая существительные с уменьшительно-ласкательным значением, по своей семантике является оппозитивной семантике лексической единицы «ястреб», формируя комический эффект при их сопоставлении: с одной стороны, «хищная птица» (ястреб – Ястребов), а, с другой стороны, употребление в обращении к герою номинации с уменьшительно-ласкательным значением (Ястребочек) и внутренняя фокализация (последовательное использование точки зрения этого персонажа, который выступает одновременно и как воспринимающий субъект, и как участник действия) служит средством выражения оценки героем своего положения – *курятником пахнет*. Учитывая, что важнейшую роль в развёртывании повествования играет точка зрения персонажа, в тексте произведения устанавливается динамическое соотношение разных субъектно-речевых планов, наблюдается корреляция речи повествователя и речи героев, которая может быть представлена в разных формах (прямая речь, полупрямая речь, живописная косвенная речь, внутренняя речь, несобственно-прямая речь). Таким образом, получаем такую семантическую цепь номинаций героя в тексте рассказа: 1) *Ястребов* (ястреб – «хищная птица», а герой *напористый, с ироничкой, сокрушит*) – 2) Ястребочек (сниженная номинация персонажа сочетается с разг. *литературообразная стярпня; романы, сработанные как по колодке*) – 3) *просторный дом с мезонином, где курятником пахнет* (курица – домашняя птица, а герой – опекаемый в просторном доме с мезонином: *объезл,*

появилась новая привычка - опираться на суковатую палку, я словно серпантин жую, <...> а оборвать уже духу нет), которая функционирует как психологическая точка зрения персонажа, отображает в повествовании особенности его мировосприятия (*не будь её (жены), не будь этого дома, и я писал бы совсем по-иному*).

Так, входя в художественный текст семантически недостаточным, имя собственное выходит из него семантически обогащенным и выступает в качестве сигнала, возбуждающего обширный комплекс определенных ассоциативных значений [5: 106].

Таким образом, имена собственные играют важную роль в структуре текста и образной системе рассмотренного рассказа. Они не только определяют существенные особенности характеров героев, но и отражают основные сюжетные линии произведения, устанавливают связи между разными образами и ситуациями. Имена собственные связаны с пространственно-временной организацией текста. Они «обнажают» скрытые смыслы, важные для интерпретации текста; служат ключом к его подтексту, выполняют важнейшую текстообразующую функцию, выделяют разные планы произведения (бытовой, философский), неизменно подчёркивая их взаимодействие.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз., 1973, № 1.
2. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1959.
3. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. 2-е изд., испр. М.: АСТ: Астрель, 2005.
4. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. М., 1980.
5. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М., 1988.
6. Николина Н.А. Филологический анализ текста М., 2003.

7. Словарь русского языка: В 4-х тт. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1985 – 1988.
8. Тынянов Ю.Н. Архаисты и новаторы. Л., 1929.
9. Шендельс Е.И. Многозначность и синонимия в грамматике (на материале глагольных форм современного немецкого языка). М., 1970.

Т.А. АЛИЕВ (*Владимир, Россия*)

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ НЕКОТОРЫХ СИНОНИМОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В процессе развития любого языка в синонимических рядах происходят определенные изменения, связанные с возникновением новых слов-синонимов. «Нередко возникновение синонимов обусловлено проникновением и освоением заимствованных слов, близких или тождественных по значениям русским» [4: 83]. Усвоению иноязычных слов иногда способствует влияние двуязычия, массовое распространение которого происходит в ходе этнолингвистических процессов, являющихся важнейшей составной частью социального и экономического развития общества. Своеобразное «русско-иноязыковое» контактирование является следствием длительных связей в области экономики, политики, культуры и социальной жизни.

Каждый из контактирующих языков располагает своей речевой культурой, которая регламентирует и нормализует употребление языка внутри себя.

Элементы одного языка переходят в другой со своими особенностями употребления и могут расходиться с действующими в данном языке нормами. Происходит борьба этих двух норм, в которой преобладающей оказывается та, которая связана с большей употребительностью, доступностью и другими

признаками. При равносильности норм возможно существование двух элементов в одной функции.

Заимствованные слова, употребляясь параллельно с собственными номинациями, пополняют синонимический ряд принимающего языка. В русском языке немало таких слов-синонимов, которые встречаются в речи известных людей, в СМИ и на интернет-сайтах. Рассмотрим некоторые из них:

СПЛОЧЕННОСТЬ – КОНСОЛИДАЦИЯ.

СПЛОЧЕННОСТЬ. Второе значение глагола *сплотить* синонимично первому значению *консолидировать* «Добившись единства, сплоченности, объединить. С. коллектив». От прилагательного *сплоченный* (дружный, единомышленный, организованный) образовано *сплоченность*: «Владимир Путин: «Главный итог выборов – общество продемонстрировало свою *сплоченность* перед различными вызовами», «И народ России показал такую зрелость и такую силу, своей *сплоченностью* поддержал соотечественников», «Президент РФ Владимир Путин призвал депутатов укреплять *сплоченность* российского общества», «Биатлонистки РФ выдержали «экзамен на *сплоченность*», «Эстафета – это всегда проверка на прочность характера, на командную *сплочённость*, на умение бороться с полной отдачей», «*Сплоченность* многонационального народа – величайшее наследие Победы»; «Медведев призвал укреплять *сплоченность* стран ШОС», «Медведев и Лукашенко проводят в Белоруссии смотр совместных учений, демонстрируя *сплоченность* во время кризиса отношений», «...российский тандем Путин-Медведев подтвердил свою *сплоченность*», «Медведев: спортивные победы показывают *сплоченность* и силу России», «И народ России показал такую

зрелость и такую силу, своей *сплоченностью* поддержал соотечественников».

КОНСОЛИДАЦИЯ. Одно из значений глагола *консолидировать*, от которого образовано существительное женского рода *консолидация*, – «сплотить (сплачивать) для усиления деятельности (книжн.). *К. силы борцов за права человека*». В СМИ встречаются такие сочетания: «*консолидация* политических сил, общества»; «*консолидация* сил по самым разным направлениям ВПК», «дальнейшая *консолидация* российского общества», «Миронов: *консолидация* общества вокруг Путина повлияла на итоги выборов», «После Крыма вокруг Путина произошла беспрецедентная *консолидация* всего российского общества», «Выборы президента привели к *консолидации* российского общества», «Премьер-министр РФ Дмитрий Медведев считает необходимой *консолидацию* сил в ОПК», «Медведев: *консолидация* профсоюзов поможет защитить интересы россиян», «Премьер-министр России Дмитрий Медведев считает необходимыми *консолидацию* сил в оборонно-промышленном комплексе».

ДОБРОВОЛЕЦ – ВОЛОНТЁР.

ДОБРОВОЛЕЦ. В современном русском языке слово употребляется в значении «тот, кто добровольно взял на себя какую-н. работу»: «Добровольцы из Осетии едут в Украину!», «*Добровольцы* приходят и записываются в отряды самообороны», «Путин – это угроза, нам надо вооружить добровольцев», «На Донбасс приезжают все новые *добровольцы*, которые хотят воевать против «глобальной олигархии».

ВОЛОНТЁР. В последние годы вместо слова «доброволец» часто употребляется слово «волонтёр» – «то же, что

доброволец», которое имеет разговорный вариант женского рода – **волонтёрка** и прил. волонтёрский, -ая, ое» [1]. «Владимир Путин призвал *волонтеров*, которые будут работать на Олимпиаде в Сочи, запастись чувством юмора, терпением», «Волгоградский *волонтер* провел два рабочих дня с Путиным», «*Волонтеры* устроили Путину каверзу», «Путин и Бах похвалили волонтеров», «Владимир Путин поблагодарил болельщиков и *волонтеров* Олимпиады в Сочи», «Путин отвечал на вопросы *волонтёров* и призвал их только к положительным эмоциям на Олимпийских Играх», «В законе – на 100% надо использовать, конечно, слово *доброволец*, потому что слово *волонтер* – оно пока не является общеупотребительным в стране». Такое мнение в рамках встречи с активом «Единой России» высказал премьер-министр РФ Дмитрий Медведев. В ходе встречи одна из ее участниц поинтересовалась у Медведева, какое слово – «доброволец» или «волонтер» – ему больше нравится. «Я считаю, что добровольческое движение, безусловно, нужно, и добровольцы, волонтеры – я не знаю, как правильно их называть – это люди с очень серьезной мотивацией», – сказал премьер-министр... Участница встречи, в свою очередь, сказала, что «для русского уха» приятнее слово «доброволец». «Ну, наверное, согласен», – сказал глава правительства». «Напомним, Совет Федерации планирует внести в Госдуму законопроект «О добровольчестве (волонтерстве)» в конце февраля», «*Волонтер* ВГУЭС Карина Субботина сопровождала премьер-министра Дмитрия Медведева в Олимпийской деревне.

ОСЛАБЛЕНИЕ – ДЕВАЛЬВАЦИЯ.

ОСЛАБЛЕНИЕ. По отношению к денежным единицам употребляются как абсолютные синонимы. Вот несколько

примеров: «Ослабление рубля может остановить только ЦБ?», «Ослабление рубля поддерживает правительство», «Ослабление рубля: кто выиграет?», «Ослабление рубля поможет России избежать трудностей», «Не исключено дальнейшее *ослабление* рубля»; «*Ослабление* рубля на 5% за чуть более чем две недели не требует срочных действий властей страны», «*Ослабление* рубля на 5% за две недели не требует срочных действий властей страны, считает пресс-секретарь Владимира Путина», «Президент РФ Владимир Путин считает, что в *ослаблении* в последнее время курса рубля есть как *настораживающие* моменты».

ДЕВАЛЬВАЦИЯ. «Осуществляемое в законодательном порядке уменьшение золотого содержания денежной единицы или понижение курса национальной валюты» [1]; «...2) в понижении официального курса обращающихся бумажных денег» [2], «уменьшение официального золотого содержания денежной единицы страны или снижение его курса по отношению к валютам другой страны, осуществляемое в законодательном порядке» [3]: «На встрече с главой ЦБ Эльвирой Набиуллиной во вторник Путин не обсуждал возможную *девальвацию* рубля», «Путин отменил вариант новой *девальвации* рубля», «Слухи о возможной *девальвации* появились на фоне резкого *ослабления* рубля», «*Девальвация* рубля продолжится. 50 рублей за евро и 40 за доллар – уже вполне ожидаемые показатели конца года», «Газпром» теряет от *девальвации* рубля».

НЕСОСТОЯТЕЛЬНЫЙ – БАНКРОТ.

НЕСОСТОЯТЕЛЬНЫЙ. «Не имеющий денег для оплаты своих обязательств, материально не обеспеченный». «Индивидуальный предприниматель по решению суда

признается несостоятельным (банкротом), если он не способен удовлетворить связанные...»: «Государственная корпорация или государственная компания может быть признана *несостоятельной* (банкротом), если это допускается федеральным законом».

БАНКРОТ. «Несостоятельный должник, отказывающийся платить своим кредиторам вследствие разорения»: «Российский президент Владимир Путин призвал принять закон о *банкротстве* физических лиц, так как это поможет дисциплинировать ...».

ГЛАЗНИК – ОКУЛИСТ.

ГЛАЗНИК. «(разг.) То же что окулист» [1]; «(разг.) Врач по глазным болезням» [2]; «(разг.): «Вам следует немедленно отправляться к *глазному* врачу, если внезапно возникает симптом «красных глаз», «Городской диагностический центр № 7 (*глазной*) (Санкт-Петербург)».

ОКУЛИСТ. «Врач – специалист по глазным болезням»: «Услуги *окулиста* необходимы большому количеству наших сограждан, так как по статистике более 60% людей имеют те или иные проблемы...», «Запись на прием к *окулисту* ...», «Многие откладывают визит к *окулисту*, если нарушения зрения не доставляют особого дискомфорта».

Особое значение имеет стилистическое различие между синонимами, определяющие уместность того или иного слова в конкретной ситуации, его привязанность к определенной эпохе, к определенному типу текстов (книжных, официальных, деловых, публицистических). Например, такими качествами отличается слово *Конфиденциальный* (синоним к *доверительный*, *секретный*).

Как известно, при переходе из одного языка в другой заимствованные слова не всегда сохраняют все свои лексические значения.

Приведенные слова-синонимы не функционируют в русском литературном языке, это своеобразный стилистический прием, наметившийся в литературном языке и разговорной речи. Эти слова, получив те или иные оттенки значений в русском языке, способствуют новой эмоционально-эспрессивной окраске.

Важно помнить, что в синонимические отношения вступают отдельные значения каждого многозначного слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 тыс. слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: А ТЕМП, 2008.
2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / Под ред. проф. Л.И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и образование». 2009. 1360 с.
3. Словарь иностранных слов. 10-е изд., стереотип. М.: Рус.яз., 1983. 608 с.
4. Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология: Учебник для ин-тов и ф-тов инстр. яз. 2-е изд, испр и доп. М.: Высш. школа. 1983.

С.В. БАКАЛОВА (*Муром, Россия*)

ПАРАЛЛЕЛИЗМ КАК СПОСОБ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СВЯЗИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности параллелизма как способа синтаксической связи, выявляется его объем, состав категорий, по которым устанавливается параллелизм, называются разновидности параллелизма.

В современной научной литературе термин «параллелизм» не имеет общепринятого понимания и используется в самых разных областях филологической науки – в поэтике, стилистике, синтаксисе. Так, в ряде работ параллелизм определяется как

прием поэтической техники древней народной поэзии [14: 99 – 132], как способ синтаксического построения поэтической речи, подчеркивающий ее членение [1: 33]. В других работах параллелизм рассматривается как конструктивный прием экспрессивного синтаксиса, лежащий в основе создания стилистических фигур [12: 210; 5: 114]. В области функциональной стилистики параллелизм привлекает внимание исследователей как особый способ организации научной, публицистической, художественной речи [9; 3].

Весьма неединообразно термин применяется при изучении синтаксиса. Параллелизм может пониматься как средство связи предикативных единиц в составе сложных предложений [2; 6], как средство связи простых предложений в тексте, в сложном синтаксическом целом [11: 278 – 279], как особое положение компонентов синтаксической структуры, «когда ее члены не зависят друг от друга и имеют совпадающие линии синтаксических связей» [8: 43].

Все многообразие весьма различных лингвистических фактов, подводимых под явление параллелизма у разных авторов, объединяется общим инвариантным признаком. И в поэтике, и в стилистике, и в синтаксисе в качестве основы параллелизма выделяется повтор, аналогия, сходство, общность, соответствие, подобие элементов разной природы, например, подобие частей определенной конструкции (в синтаксисе и стилистике) или повторение словесных систем, мотивов, композиционных и содержательных элементов (в поэтике).

В сфере исследования синтаксических связей термин «параллелизм» впервые стал использовать Д.Н. Овсяннико-Куликовский, отмечавший особый характер связи приложения с

определяемым словом [7: 232], а вслед за ним и другие лингвисты, отрицающие согласование между компонентами аппозитивных конструкций [13: 9; 10].

На наш взгляд, сфера употребления термина «параллелизм» нуждается в уточнении. Представляется целесообразным понимать под параллелизмом способ синтаксической связи, выражающийся в подобии граммем сочетающихся компонентов, и относить к этому способу связи такие синтаксические конструкции, члены которых демонстрируют формальное сходство при условии их одинакового соподчинения некоторому внешнему центру.

В современной синтаксической науке признак повторения, соответствия, общности грамматических форм сочетающихся компонентов часто называется в качестве дифференцирующего признака согласования.

Действительно, по своему формальному выражению межсловный параллелизм в значительной степени сближается с согласованием: и в том, и в другом случае мы наблюдаем грамматическое подобие, полное или частичное сходство граммем сочетающихся слов. Таким образом, предлагая новое употребление термина «параллелизм», мы встаем перед проблемой разграничения параллелизма и согласования, а также перед задачей уточнения границ согласования.

Дифференциация явлений параллелизма и согласования может быть произведена при помощи принципа разграничения внутренней и внешней синтагматики синтаксически организованной единицы [4: 5]. К сфере внутренней синтагматики относится то, что в случае непосредственного соединения двух слов друг с другом в составе минимальной синтаксической

конструкции выбор формы сочетающихся единиц определяется особенностями структуры самой модели сочетания. Так, согласовательная модель (*жаркое лето*) предполагает, что выбор формы рода и числа зависимого слова определяется грамматическим значением господствующего существительного (*лето*). В аппозитивной конструкции (*письмо-ответ*) ни одна из непосредственно сочетающихся единиц не играет никакой роли в выборе формы другой единицы.

При вхождении сочетания в состав более сложной синтаксической конструкции внутренняя синтагматика непосредственно сочетающихся единиц определенным образом начинает соотноситься с внешними связями, сочетание получает знак внешних отношений. См.: *вспоминать* → [*о жарком лете*], *написал* → [*в письме-ответе*]. Совпадение грамем падежа у сочетающихся компонентов синтаксической конструкции является результатом действия внешних синтагматических связей, выступая следствием одинакового соподчинения общему управляющему слову, находящемуся за пределами непосредственно сочетающихся единиц.

Таким образом, при согласовании уподобление сочетающихся единиц – «это средство выражения (экспликации) синтаксической связи, относящейся к внутренней компетенции синтаксической конструкции» [4: 6]. Механизм согласования лежит в сфере внутренней синтагматики, а само согласование можно определить как формальную синтаксическую связь, выражаемую выбором зависимым словом флексии рода и числа в зависимости от грамматических категорий определяемого слова. Разграничение внутренней и внешней синтагматики субстантивно-адъективного сочетания показывает, что категория падежа не

входит в число согласуемых категорий. Доказательством того, что падеж прилагательного не мотивируется согласованием с именем существительным, в отличие от рода и числа, может служить сопоставление конструкций типа:

- 1) *встретить* → [*старого друга*]
- 2) *встретить* → [*старую подругу*]
- 3) *встретить* → [*старых друзей*].

В приведенных сочетаниях прилагательное имеет одинаковую форму винительного падежа, при изменении значений рода и числа форма падежа остается неизменной. Падежная форма прилагательного и существительного изменится только при изменении управляющего компонента:

- 1) *встретить* → [*старого друга*],
- 2) *встретиться* → [*со старым другом*],
- 3) *вспоминать* → [*о старом друге*].

Следовательно, форма рода и числа адъективного слова зависит от соответствующих форм имени существительного, а выбор формы падежа и адъективного, и субстантивного слов обусловлен управляющим словом, чью валентность реализует адъективно-субстантивное словосочетание, когда входит в состав более сложной конструкции.

В отличие от согласования параллелизм относится к сфере внешней синтагматики. При параллелизме грамматическое соответствие – «это результат соподчинения однородных единиц, грамматическое подобие которых предопределено внешним по отношению к конкретному сочетанию однородных единиц фактором» [4: 6].

Совпадение параллельных форм сочетающихся компонентов всегда обусловлено действием внешнего фактора. И

этот признак отличает параллелизм, с одной стороны, от согласования, а с другой – от случайного, ничем не мотивированного подобия грамматических форм. Так, к параллелизму не имеет никакого отношения совпадение граммем рода у компонентов аппозитивных сочетаний (*письмо-заявление, покупка-мечта*) или у членов однородного субстантивного ряда (*купили тетрадь, газету, книгу*).

В качестве внешнего центра соподчинения может выступать 1) определенный компонент структуры предложения, в которое входит сочетание; 2) определенное явление экстралингвистического характера. В первом случае можно говорить о структурно обусловленном параллелизме, во втором – о референтно обусловленном параллелизме.

Важной особенностью параллелизма, отличающей его от согласования, является и то, что он объединяет не только категории рода, числа и падежа, но и категории вида и лица. В зависимости от того, какие грамматические категории объединяются параллельными отношениями, можно выделить такие разновидности параллелизма, как: а) падежный параллелизм членов именной однопадежной группы; б) параллелизм форм по категории числа; в) параллелизм форм по именной категории лица; г) параллелизм глагольных форм по категории вида; д) параллелизм форм глагольно-местоименной категории лица.

Падежный параллелизм – совпадение граммем падежа – есть результат соподчинения членов синтаксической конструкции единому управляющему центру. Соподчиненные члены синтаксической конструкции выступают как целостный комплексный управляемый компонент предложения, образуя

равнопадежную именную группу. Падежный параллелизм охватывает наибольшее число языковых конструкций, что можно объяснить огромной ролью, которую играет категория падежа в организации связной речи.

Падежный параллелизм возникает между членами аппозитивной конструкции, которые одинаково зависят от общего управляющего члена предложения (восхищаться → *художниками-импрессионистами*): *Используя преимущество своих длинных рук, он брезгливыми ударами-толчками отбрасывал Колю...* (Ф. Искандер. Стоянка человека); *Таня, бросив последний взгляд на карету и дружелюбно кивнув красавице-голландке, пошла в деревню* (Э. Казакевич. Весна на Одере).

Одинаковое падежное оформление свойственно компонентам однородного субстантивного ряда. Падежный параллелизм однородных субстантивов обусловлен их одинаковым соподчинением общему слову – имени или глаголу (принесли → *газету, журналы и письма*): *Он размышлял о суете, ненужности, о пошлой фальши всего человеческого* (И.С. Тургенев. Вешние воды); *Не заспишь таким сном ни усталости, ни тревожных мыслей...* (В. Кондратьев. Селижаровский тракт).

Одинаковое падежное оформление свойственно членам синтаксической конструкции «адъективное слово + субстантивное слово», которое выступает как целостное описательное наименование актанта [4: 15]. Адъективное слово выступает атрибутом к предметному слову в любой функции и образует с ним однопадежную именную группу, реализуя одну и ту же глагольную валентность (гуляли → *по осеннему лесу*): *Мысль и*

чувство привыкли к **тесной, тяжелой обстановке** предрассудков и догматов ... (М. Горький. В людях); Чиновник в нем взял решительный перевес над художником (И.С. Тургенев. Дворянское гнездо).

Структурно обусловленный падежный параллелизм устанавливается между компонентами количественно-именных сочетаний, представленных моделью «количественное числительное + имя существительное» (пакет → с **пятью тетрадями**): *Кривой старик исчез и тотчас же вернулся с бутылкой воды и **двумя стаканами*** (И.С. Тургенев. Хорь и Калиныч); *Книга была невиданно роскошной, отпечатана в **трехстах экземплярах** и снабжена дарственной надписью издателя* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).

Параллелизм форм числа – совпадение граммем числа – устанавливается между компонентами аппозитивной конструкции (референтно обусловленный параллелизм, связанный с отражением реальной единичности или множественности предметов): *Провожая бабочку взглядом, **медведь-разведчик** царапнул весеннюю грязь, ветка хрустнула у него под ногой* (Комс. правда, 28 апреля 2005); *...Произошло это во время занятий, когда она раздавала прописи для лабораторной **студентам-вечерникам*** (Л. Улицкая. Искренне ваш Шурик). В ряду однородных адъективных и глагольных форм параллелизм числа носит структурно обусловленный характер и связан с механизмом согласования: *Она бросила на него **робкий, но жадный, вопросительный взгляд*** (И.А. Гончаров. Обломов); *Старик нас не любил и **придирался*** (А. Крон. Бессонница).

Между членами аппозитивных сочетаний, представленными одушевленными существительными, устанавливается

референтно обусловленный параллелизм, связанный с обозначением естественного пола лица: *Вышла из подъезда девушка-студентка из их института (Е. Долгопят. Гардеробщик); А может, поинтересоваться и мнением мужчин-пассажиров? (Комс. правда, 7 февраля 2007).*

В ряду однородных глагольных форм устанавливается соответствие по категории вида, имеющее референтно обусловленный характер: выбор глагола совершенного или несовершенного вида определяется особенностями протекания действия в реальной ситуации: *Я много **видел**, много **размышлял**, **читал**, у меня были свои соображения (Е. Долгопят. Гардеробщик).*

Совпадение граммем лица у компонентов предикативного сочетания *я пишу, ты читаешь* является результатом одинакового, самостоятельного соотношения местоимения-подлежащего и личного глагола-сказуемого с участником речевой ситуации, а не результатом уподобления друг другу.

Таким образом, можно утверждать, что межсловный параллелизм – весьма распространенный способ синтаксической организации речи. Относясь к уровню синтагматики форм, параллелизм в области межсловных связей находится вне оппозиции «подчинение – сочинение», он сопровождает и подчинительные, и сочинительные связи, устанавливаемые в предложении, образуя как бы второй план синтагматической организации речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаспаров М.Л. Русский стих начала XX века в комментариях. М.: Академия, 2001. 272 с.
2. Карпакова Т.П. Параллелизм как средство связи бессоюзных предложений (на материале французского языка) // Предложение и текст. Рязань, 1992. С. 31 – 39.

3. Ключкова Т.И. Синтаксический параллелизм как один из способов организации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rusnauka.com/12.APSN_2007/Philologia/20394.doc.htm (дата обращения: 25. 09. 2014).
4. Копелиович А.Б. Род и грамматика межсловных синтаксических связей. М., Владимир: Ин-т языкознания РАН, ВГГУ, 2008. 146 с.
5. Кузнецова А.А. Стилистические фигуры, построенные по принципу синтаксического параллелизма в современном русском литературном языке // Вестник КрасГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2005. № 6. С. 114 – 117.
6. Мамедов Н.Ш. Лексико-синтаксический параллелизм между частями сложного предложения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1994. 21 с.
7. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. СПб., 1912. 312 с.
8. Прияткина А.Ф. Русский синтаксис: Синтаксис осложненного предложения. М.: Высшая школа, 1990. 176 с.
9. Разинкина Н.М. Об одном из способов синтаксической организации научной прозы (стилистический прием параллелизма) // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков: сб. ст. М.: Наука, 1976. С. 37 – 62.
10. Скобликова Е.С. Согласование и управление в русском языке. М.: Ком Книга, 2005. 240 с.
11. Солганик Г.Я. Параллельные синтаксические строфы // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.
12. Формановская Н.И. Стилистика сложного предложения. М.: Русский язык, 1978. 240 с.
13. Цыганенко Г.П. Приложение в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 1954. 16 с.
14. Якобсон Р.О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 99 – 132.

Е.Н. БЕКАСОВА (*Таганрог, Россия*)

СИНТАГМАТИЧЕСКАЯ И ПАРАДИГМАТИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ГЕТЕРОГЕННОСТИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматривается феномен совмещения генетически соотносительных рефлексов праславянских сочетаний в системе русского языка и доказывається важность синтагматического и парадигматического подхода к выявлению закономерностей взаимодействия и закрепления восточнославянских и южнославянских единиц в истории русского языка.

Вопрос о языковой основе – один из сложнейших и спорных в истории русского литературного языка. С учётом того, что

«сопряжение церковнославянской и великорусской стихии, будучи основной особенностью русского литературного языка, ставит этот язык в совершенно исключительное положение» [13: 125], вопрос о генезисе русского литературного языка становится не только «вечным» вопросом, но «камнем преткновения» русистики [2]. Отсюда и постоянное внимание к достоверным показателям южнославянского и восточнославянского происхождения, к которым относятся рефлексы праславянских сочетаний.

Феномен соотношения «славянских» форм «росским», отмеченный ещё Памвой Берындой в его «Лексиконе славянороссийском, имен толкование» (Киев, 1627), пристально изучается в XIX–XX вв. как в плане онтогенеза рефлексов в праславянский период, так и представленности в памятниках древнерусской письменности и современной системе русского языка. Это обусловило два основных направления в изучении праславянских рефлексов: исследование причин, времени и особенностей расхождения в славянских языках и особенностей фиксации в памятниках письменности как фонетико-фонологического и лексикализованного явления. Отсюда и традиция констатации наличия соответствующих по происхождению рефлексов или лексем с данными рефлексами при анализе памятников письменности. Нередко на основании таких статистических данных делается вывод о принадлежности памятника к древнерусскому или церковнославянскому языку. Более того, распространённость в церковнославянских памятниках восточнославянского рефлекса ж<dj даёт основание перечислять его в «специфическую черту русской церковнославянской орфографии» (Б.А. Успенский).

Такое свободное «жонглирование» «явлениями, которыми отдельные славянские языки отличаются друг от друга» [9: 77], не даёт ответа на целый ряд вопросов, в том числе связанных с сохранностью исключительно в системе русского языка рефлексов южнославянского происхождения в корреляции с восточнославянскими соответствиями и особенностями взаимодействия и отбора тех или иных диагностических признаков.

С другой стороны, поиски причин отбора в коррелирующих парах, где научный приоритет, безусловно, принадлежит *torot-* и *trat-*лексемам, также весьма затруднены, потому что «церковнославянские и русские элементы в различных древнерусских текстах представлены в столь различных пропорциях и взаимосвязях (последние, впрочем, почти не изучались), что одни учёные, наблюдая эти элементы, с полной убеждённостью говорят о церковнославянской основе русского литературного языка, а другие, наблюдая то же самое, с не меньшей убеждённостью говорят об исконно русской основе русского литературного языка» [5: 95]. Выдвижение семантического критерия отбора членов коррелирующих пар в качестве ведущего не выясняет причины их отбора в древнерусском языке и закрепления в современном русском (ср.: *берег* – *влага*, *дерево* – *древесный*, *вред* – *привередливый* и *под.*). Также остаётся без надлежащего объяснения высокая степень гетерогенности и совместной встречаемости ряда корреляций типа *город* – *град*, *свеча* – *свеща*, *одежда* – *одежа*, *един* – *один* в рукописях, в том числе и в тесно связанных контекстах, а также сохранность генетически неоднородного оформления ряда корней в современном русском языке.

Такое положение свидетельствует о том, что требуется другой подход к изучению судьбы генетически соотносительных рефлексов в русском языке, поскольку, как ещё отметил И.А. Бодуэн де Куртенэ, «развитие науки (другое дело – проповеди и мечты идеалистических деятелей) состоит из вопросов «почему?» (а не «для чего?») и из ответов: «потому что» (а не «для того, чтобы») [Бодуэн де Куртенэ 1963, с. 59].

Если подходить с этой точки зрения к феномену взаимодействия генетически неоднородных рефлексов праславянских сочетаний, то возникает необходимость перенесения акцентов с констатации наличия тех или иных элементов в определённый период развития восточнославянского и старорусского языков на определение механизмов включения южнославянских рефлексов и их взаимодействия в системе другого языка, которые и определили в конечном итоге ту гетерогенность, которая свойственна современному русскому языку.

В связи с этим, наибольшей объясняющей «силой», на наш взгляд, обладает концепция А.Б. Копелиовича о взаимодействии синтагматики и парадигматики как «организатора» различных отношений языковых единиц в определённых языковых системах и целостного представления об этих системах с учётом «онтологически адекватных характеристик её элементарных составляющих» [6; 7; 8]. При таком подходе главным становится осмысление положения рассматриваемых праславянских рефлексов в системе языка. Являясь принадлежностью фонемно-фонетического и морфонологического уровней старославянского (южнославянского в своей основе) и восточнославянского языков, данные рефлексы прежде всего вступают в жёсткие отношения

соположения [6: 116]. В условиях другой системы данные единицы должны были пройти определённый этап фонетической адаптации, которая не была тождественной для различных групп рефлексов. В восточнославянский язык без каких-либо ограничений входит неполногласие, поскольку законы соположения в словах типа *глава*, *град* и *глаза*, *трава* были одинаковыми. Однако чужеродность южнославянских рефлексов *tj, *kt, *gt, *dj требовала адаптации на фонетическом уровне, которая происходила с различной скоростью и с разными результатами. Ассимиляция южнославянских рефлексов *tj, *kt, *gt произошла достаточно безболезненно и привела к тому, что в восточнославянском языке «уже в конце XI в. стало употребляться исключительно щ вместо шт и устраиваться собственно русское правописание» [12: V]. Вхождение южнославянского рефлекса *dj в систему русского языка было настолько сложным, что до сих пор в научной литературе не определено ни его «звуковое» качество, ни время закрепления на русской почве (подробнее см. [4]).

Указанные различия обусловили специфику корреляции в группах рефлексов. Отсутствие запретов на неполногласные сочетания в восточнославянском языке определило его лексикализацию, в результате чего основной характеристикой слова в генетически неоднородной огласовке становится его функционирование в текстах различной языковой принадлежности и соответствующий семантический и стилистический «шлейф». При этом оппозиции типа корнесловов *град* – *город*, *злато* – *золото* свободно варьируют, в том числе и в пределах тесно связанного контекста, становясь показателем гетерогенности древнерусского текста как принципиальной

особенности его организации. Ср.: «Оно ти сѣдит *вран* черныи, иди, ими и» Он же, поклонивъся ему до землѣ, шедъ я *ворона* и принесе ему предо всѣми повары [11: 84] – *А ѿ сидит на дубу тут ведь чорный вран. А ѿ сам-то вран он чорным черен, А крылья у ворона белым белы* [10: 29] и др. (подробнее см. [3]). Такие случаи имеются и в реконструкции А.А. Шахматовым текста Древнейшего Киевского свода 1039 г. в редакции 1073 г.: а мьнѣ буди си *сторона* <...> Ярославъ прия сию *страну* [15: 426–427]. Следует подчеркнуть, что А.А. Шахматов, «имея в виду показания рукописей», «допустил в своём тексте всё то разнообразие, какое замечается в русских памятниках XI–XII вв.» [14: LXIV], однако подобная совместная встречаемость разной генетической огласовки слов, включая морфонологические дублиеты, характеризует исключительно *torot-* и *trat-*лексемы.

Варьирование других групп рефлексов, несмотря на их фонемно-фонетическую адаптацию, была существенно ограничена законами сочетаемости на неноминативном уровне – морфонологическими предпочтениями и запретами на соположение морфем в принимающем языке. Это особенно показательно, когда синтагматика корректируется парадигматическими отношениями. В частности, наиболее значимой группой для реализации рефлексов *tj и *dj являются взаимосвязанные системные образования – глагольные формы и отглагольные образования, представляющие полную парадигму морфонологических чередований. В этом случае выбор того или иного по происхождению рефлекса, находящегося в корневой финали, строго регулируется последующим морфом – чаще всего суффиксом. Действие морфонологического фактора усиливает цепь однокоренных образований, которые в свою очередь также

вливают на избирательность того или иного по происхождению альтернанта. Наличие разнообразных суффиксов и моделей, часть которых активизировалась в старославянском языке, становится своеобразным фильтром распределения гетерогенных рефлексов, а системность связей способствует сохранению генетической чистоты по всем звеньям образований (подробнее см. [1]).

Нередко позиция жёстко регламентировала предпочтительность (например, жд и щ перед суффиксом -ени[jj]-) или запреты (жд и щ перед -ива-; жд перед -у) использования гетерогенных альтернантов, что в свою очередь намного снижало уровень морфонологической дублетности и фактически способствовало генетическому размежеванию рефлексов в формо- и словообразовательных цепочках, ср.: *выкрутить* – *выкручу*, *выкручивать*, *выкрученный*, *выкручивание* и *насытить* – *насыщу*, *насыщать*, *насыщенный*, *насыщение*; *погладить* – *поглажу*, *поглаживать*, *поглаженный*, *поглаживание* и *принудить* – *принужу*, *принуждать*, *принуждённый*, *принуждение* и под.

Расхождения в функционировании рефлексов *tj и *dj, обусловленные сложностью адаптации южнославянского /жд/, во многом определили их разную степень зависимости от морфонологических критериев, вследствие чего была разрушена симметричность их реализации, достаточно показательная в формах 1 лица единственного числа настоящего (простого будущего) глаголов с исходом на -*дить*, где по литературной норме фиксируется альтернант только исконного происхождения (ср.: *освободить* – *освобождать*, *освобождённый*, *освобождение*, но *освобожу*).

Таким образом, «встраивание» генетически соотносительных языковых элементов связано со «структурированием синтагматики и прежде всего её уровневой стратификацией» [6: 116]. С одной стороны, беспрепятственное вхождение в систему русского языка неполногласия, закрепившегося в структуре слова, способствовало корреляции с неполногласными лексемами, а затем и семантической и стилистической дифференциации возникших дублетов и вариантов. С другой стороны, необходимость прохождения фонетического, морфонологического и морфологического «фильтров» южнославянскими рефлексами *tj, *dj определило их статус в современном русском литературном языке как «рудиментарных» и асимметричных между собой, а также значительное расхождение с исконными рефлексами в формо- и словообразовательном плане.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бекасова Е.Н. а) О морфонологической обусловленности отбора гетерогенных рефлексов праславянских сочетаний в истории русского языка // Язык и речь в синхронии и диахронии: мат-лы пятой Международной науч. конф., посвящённой памяти проф. П.В. Чеснокова. В двух частях. Часть I. Таганрог: Изд-во Таганрог. ин-та им. А.П. Чехова, 2014. С. 59–66.
2. Бекасова Е.Н. Проблема происхождения русского литературного языка. Очерк гипотез и концепций: монография. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2008.
3. Бекасова Е.Н. Генетический фон древнерусского текста: монография. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. 208 с.
4. Бекасова Е.Н. б) Фонетический фактор в судьбе праславянских рефлексов // Научное обозрение: гуманитарные исследования. № 2. М., 2014. С. 56–63.
5. Горшков А.И. Теоретические основы истории русского литературного языка. М.: Наука, 1983. 163 с.
6. Копелиович А.Б. О разграничении формы и значения в синтагматике // Грамматические категории и единицы: мат-лы Международной конференции. Владимир: Изд-во ВГПУ, 1997. С. 116–118.
7. Копелиович А.Б. Происхождение и развитие индоевропейского рода в синтагматическом аспекте: монография. Владимир. гос. пед. ун-т. Владимир: Изд-во ВГПУ, 1995. 124 с.

8. Копелиович А.Б. Феномен падежного параллелизма // Язык и речь в синхронии и диахронии: мат-лы пятой Международной науч. конф., посвящённой памяти проф. П.В. Чеснокова. В двух частях. Часть I. Таганрог: Изд-во Таганрог. ин-та им. А.П. Чехова, 2014. С. 343–346.
9. Мейе А. Общеславянский язык / под ред. С.Б. Бернштейна. 2-е изд., перераб. М.: Инostr. лит., 1951. 492 с.
10. Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. В 3 т. / подгот. текста и комментарий А.И. Никифорова. Изд. 4-е. Т. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
11. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку 1377 г. / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва. / Изд-е 2-е, испр. доп. СПб.: Наука, 1996.
12. Срезневский И.И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках // Сб. отделения русского языка и словесности Императорской АН. СПб., 1874. Т. XII. № 1. С. XLI–LXXX.
13. Трубецкой Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 114–134.
14. Шахматов А.А. Повесть временных лет и её источники. Т. 1: Вводная часть. Текст. Примечания / Изд-е Императорской Археографической комиссии – Пг.: Типография А.В. Орлова, 1916. 260 с.
15. Шахматов А.А. Разыскания о древнерусских летописях. М.: Академический Проект, Жуковский: Кучково поле, 2001. 880 с.

К.М. БОГРОВА (*Владимир, Россия*)

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ СРАВНЕНИЯ,
ПОДОБИЯ, ТОЖДЕСТВА
(на материале древнерусских текстов)

Понятие «сравнение» в широком смысле употребляется для выражения отношений между явлениями, понятиями, языковыми единицами; в узком смысле – для обозначения средства воплощения этих отношений.

В современной лингвистике существует несколько определений сравнения как средства воплощения сравнительных отношений: во-первых, сравнение понимается как равенство-неравенство, большая или меньшая степень качества, находящие выражение как в грамматической категории степеней сравнения прилагательных и наречий, так и в лексике и фразеологии [2: 449];

во-вторых, сравнение представляет собой фигуру речи, состоящую в уподоблении одного предмета другому, у которого предполагается наличие признака, общего с первым [Там же: 450]; в-третьих, сравнение – стилистический прием, основанный на образной трансформации грамматически оформленного сопоставления [13: 534].

Способы выражения сравнительных отношений в современном русском языке представляют собой широкий спектр: от минимальных языковых единиц (морфем) до сложного предложения. Так, на морфемном уровне сравнение выражается посредством включения в лексему части *-подобный, -образный* (*медведеподобный, медведеобразный*); на морфологическом уровне сравнительные отношения выражены степенями сравнения (*выше, более высокий, самый высокий, высочайший*); на синтаксическом уровне сравнительные отношения оформляются по-разному: во-первых, сравнительным оборотом (*здоровый, как бык*), во-вторых, творительным сравнения (*дождь льется ручьями*), в-третьих, отрицательным сравнением (*То не ветер ветку клонит, Не дубравушка шумит – То мое сердечко стонет, Как осенний лист дрожит*), в-четвертых, различными типами сложных предложений (*Лететь самолетом быстрее, чем ехать поездом; Это дерево такое же большое и ветвистое, как и все другие; Идет сильный дождь, как будто из ведра льет*). В древнерусском тексте наиболее распространенным способом выражения сравнительных отношений является сравнительный оборот.

Предметом нашего исследования является сравнительный оборот, который понимается как «часть предложения, состоящая из словоформы существительного, прилагательного или наречия

– одиночная или с зависимыми словами, которая вводится сравнительными союзами *как, что* (устар.), *чем, нежели, как и* или союзами, придающими сравнению модальную окраску, – *словно, точно, будто, как будто (бы), словно как*» [13: 534].

В древнерусском тексте сравнительные обороты вводятся союзами *аки, акы, яко, якоже*: ...*в нутрьнѣйши странѣ ихъ чловѣкъ ядуще и страньствующихъ убиваху, паче же ядятъ яко пси* (ПВЛ: 32). По словам В.В. Колесова, такие обороты являются типичной формулой сравнения, которое основано на сопоставлении двух предметов / явлений действительности по общему признаку [6: 204]. Обороты, имеющие в качестве формального показателя сравнительные союзы, обладают синкретичным значением, выраженным узуально закрепленными в языке формами нескольких лексико-грамматически связанных слов [12: 50], например: *нападати яко звѣрие лютии* – ‘жестoko’; *кровь яко река сильная* – ‘большое количество’; *идти яко овца на заколение* – ‘смиренно, кротко’.

Исследование устойчивых сравнений в диахронии необходимо проводить в синтагматическом аспекте, поскольку анализируемые лексические единицы относятся к синкретемам синтагматического структурно-семантического типа [12: 58-60]. О необходимости синтагматического подхода при диахронном изучении грамматических категорий, в частности грамматической категории рода, писал А.Б. Копелиович: «Проблемы диахронии грамматического рода могут получить удовлетворительное разрешение лишь при условии ее освещения в синтагматическом аспекте» [7: 109].

Сравнение, основанное на сопоставлении двух понятий, предметов, явлений, представляет собой процесс, определяющий

тип отношений между объектами. Результатом такого процесса выступают отношения подобия¹ или тождества, причем «тождество устанавливается в акте идентификации², сходство – в акте уподобления³» [1: 294].

При разграничении тождества и подобия исследователи предлагают опираться на общность признаков сравниваемых предметов. Сходство⁴ возникает в случае «наличия хотя бы одного общего признака у изучаемых предметов [5: электронный ресурс]. Совпадение всех признаков объектов в результате сравнения приводит к тождеству, «представленному в естественном языке либо в форме «а (есть) то же, что и *b*» или «а тождественно *b*» [3: электронный ресурс].

Тождество и подобие являются предметом исследования в работах многих ученых (см. [1; 3; 8; 9; 10; 11; 14]).

Н.Д. Арутюнова в монографии «Язык и мир человека» определяет дифференциальные признаки тождества и подобия. Во-первых, отношения подобия субъективны, то есть сходство предметов возникает на основе впечатлений, следовательно, подобие может быть преходящим; тождество же константно, так как входит в сферу точных (фактических) знаний. Во-вторых, сходство образует шкалу, в начале которой находится отсутствие сходства, переходящее в конце в понятие одинакового, неразличимого; тождественность соотносится с нетождественностью, между ними нет переходных ситуаций.

---

¹ Подобие понимается как «то же, что сходство, аналогия, родственность и т.п. [Аверинцев, 1999: 294].

² Идентификация (лат. *identifico* – отождествляю) – уподобление, отождествление с кем-чем-л. [НФС, 2009: электронный ресурс].

³ Описывая, изображая, сравнить, сопоставить с кем-чем-л. [Кузнецов, 1998: электронный ресурс].

⁴ Термины «подобие» и «сходство» мы используем как синонимичные, что связано с толкованием подобия через сходство, а сходства через подобие.

В-третьих, сходство возможно между предметами не только одного класса («обыденное сходство»), но и разнородных предметов («поэтическое уподобление»), в то время как тождественными становятся лишь объекты, принадлежащие одному классу. В-четвертых, для объектов (разных классов), между которыми возникают отношения сходства, характерна асимметрия (A похож на $B \neq B$ похож на A), отношения тождества всегда симметричны (A есть $B = B$ есть A) [1: 275-278].

Несмотря на различительные особенности тождества и подобия, их гибридизация приводит к созданию тропов, фигур речи, прежде всего метафоры, при которой «подобию придается вид тождества» [Там же: 279]. Предлагаем представить соотношение сравнения как мыслительной операции и тождества и подобия как результата этой операции в виде схемы (рис. 1).

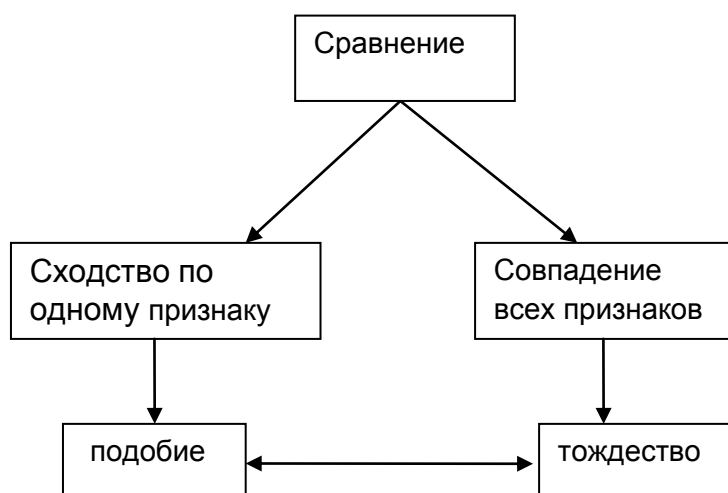

Рис. 1. Соотношение сравнения, тождества и подобия

Итак, одним из способов грамматического оформления сравнения в древнерусском тексте является сравнительный оборот, обладающий синкретичным значением, вводимый в текст сравнительными союзами *аки*, *яко* и др. Опорное слово в

сравнительном обороте представляет собой эталон сравнения, который сопоставляется с предметом сравнения по общему признаку, в результате чего между ними возникают отношения подобия / сходства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
3. Васюков В.Л. Тождество // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Под ред. В.С. Степина. М.: Мысль, 2001 // <http://dic.academic.ru> (дата обращения 24.08.2011).
4. Жанатаева З.О. О подобии в сравнении // <http://pglu.ru> (дата обращения 24.08.2011).
5. Ивин А.А., Никифоров А.П. Символ // Словарь по логике: словарь-справочник. М.: Владос, 1997 // <http://dic.academic.ru> (дата обращения 29.08.2011).
6. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002. 448 с.
7. Копелиович А.Б. Происхождение и развитие индоевропейского рода в синтагматическом аспекте. Владимир, 1995. 125 с.
8. Лапшина О.А. Семантическая категория подобия в современном русском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Симферополь, 2010. 246 с.
9. Мамонтова Т.Н. Аналогия, сходство и эквивалентность как основа противоречий некоторых языковых явлений // <http://kursksu.ru> (дата обращения 24.08.2011).
10. Петров А.В. Логическая структура сравнения в лексических единицах со значением подобия (на материале научных и научно-популярных текстов) // Язык и ментальность: сборник статей. СПб.: СПбГУ, 2010. С. 304-311.
11. Петрович М.А. Роль предикатов, эксплицирующих сходство, в конструировании текстовой картины мира сказки (на материале македонского и болгарского языков) // Ars grammatica. Грамматические исследования: тезисы докладов 4-й Международной научной конференции. Минск, 2-3 ноября 2012 г. / Ред. Д.Г. Богушевич. Минск: МГЛУ, 2010. С. 136-138.
12. Пименова М.Вас. Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Владимир: ВГПУ, 2007. 415 с.
13. Русский язык: Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Дрофа, 1998. 704 с.
14. Южакова Ю.А. Семантические варианты конструкций тождества в русском языке // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: Материалы IX Международной конференции. Владимир: ВГГУ, 2011. С. 562-565.

ИСТОЧНИКИ

ПВЛ – Повесть временных лет / Подгот. текста О.В. Творогова, пер. Д.С. Лихачева // ПЛДР. XI – начало XII вв. М., 1978. С. 28-232.

Р.В. БУРОБИН (*Владимир, Россия*)

НЕЙТРАЛИЗАЦИИ РОДОВЫХ ФОРМ АТРИБУТА В
СОГЛАСОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЯХ: ПОТЕНЦИАЛ ПАРАДИГМЫ
И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В ТЕКСТАХ

(на примере готских и древнеанглийских моделей с указательным местоимением)

Аннотация. В статье представлена методика исследования нейтрализации родовых противопоставлений, основанная на сравнительном анализе представленности нейтрализаций в парадигме склонения атрибута, входящего в согласовательную модель, и представленности в текстах соответствующих согласовательных моделей с формами нейтрализации.

1. При исследовании категории грамматического рода в рамках синтагматического подхода наименьшей единицей рода признается согласовательная модель (СМ). Изучение формального аппарата категории рода, понимаемой как аналитическая категория, позволяет рассматривать систему согласовательных моделей в качестве самостоятельной проблемы «для типологических штудий и диахронических сопоставлений» [3: 91].

Ранее наше внимание было сосредоточено на инвентаризации СМ в древнегерманских языках. На основании исследования готских, древнеанглийских и древнеисландских текстов была разработана классификация СМ, в качестве параметров которой выступают структура, синтаксическая функция и лексико-грамматическая характеристика атрибутивной части СМ. Засвидетельствованная в письменных памятниках система СМ в указанных языках включает не только атрибутивные согласовательные модели, но также предикативную согласовательную модель и такие типы СМ, в которых представлено опосредованное согласование атрибута с субстантивом (выделительную и анафорическую СМ).

Проведенный анализ распределения по склонениям и падежам позиций нейтрализации родовых форм атрибута, согласованного с субстантивом, позволил отметить в родовой ситуации готского, древнеанглийского и древнеисландского языков некоторые типологически значимые особенности. Так, наиболее последовательное выражение родовых противопоставлений наблюдается на материале готского языка, где в СМ с атрибутами, изменяющимися по образцу прилагательного, имеется лишь одна сильная нейтрализация родов (нейтрализация, включающая все три родовые формы атрибута). В контексте исторического развития категории рода в германских языках такая родовая ситуация на диахронической оси могла бы предшествовать той, которая засвидетельствована в памятниках древнеисландского и древнеанглийского языков, где имеется соответственно 6 и 9 сильных нейтрализаций родов в склонениях прилагательных (подробнее в [2]).

Однако анализ степени представленности нейтрализаций грамматических родов в парадигмах склонений частей речи, составляющих атрибутивную часть согласовательных моделей, может быть дополнен анализом представленности СМ с формами атрибута, вступающими в отношения нейтрализации по роду, в корпусе СМ, полученном в результате сплошной выборки из исследуемого текста. В данной статье это будет сделано на примере СМ с указательным местоимением в готском языке и уэссекском диалекте древнеанглийского языка. Материалом для исследования послужила картотека СМ нашей диссертационной работы [1]. Поскольку объем выборки СМ с указательным местоимением из текстов на данных языках не был равным (470 готских и 134 древнеанглийских СМ), а сами тексты, хотя и

относятся к библейским переводам, но не являются переводами одной и той же книги, статистику и выводы, представленные в данной статье, следует считать предварительными в плане типологической значимости для сравнения родовой ситуации в привлекаемых для анализа языках.

2.1. Как известно, указательные местоимения являлись генетической базой для развития определенного артикля в германских языках. Учитывая факт неравномерной представленности артикля в письменных памятниках древних германских языков, а также необязательность его употребления при имени существительном в этот период, в настоящем исследовании не разграничивается артикль и указательное местоимение в СМ готского и древнеанглийского языков.

Нейтрализации грамматических родов в формах указательного местоимения в готском языке отражены в таблице 1.

Таблица 1. Нейтрализации родовых форм в склонении готского указательного местоимения *sa* 'этот', *þata* 'это', *so* 'эта'

	муж. р.	ср. р.	жен. р.	Слабые нейтрализации муж. р. – ср. р.	Сильные нейтрализации
им. п. ед. ч.	<i>sa</i>	<i>þata</i>	<i>so</i>	—	—
род. п. ед. ч.	<i>þis</i>	<i>þis</i>	<i>pizos</i>	+	—
дат. п. ед. ч.	<i>þamma</i>	<i>þamma</i>	<i>pizai</i>	+	—
вин. п. ед. ч.	<i>þana</i>	<i>þata</i>	<i>þo</i>	—	—
им. п. мн. ч.	<i>þai</i>	<i>þo</i>	<i>þos</i>	—	—
род. п. мн. ч.	<i>þize</i>	<i>þize</i>	<i>þizo</i>	+	—
дат. п. мн. ч.	<i>þaim</i>	<i>þaim</i>	<i>þaim</i>	—	+
вин. п. мн. ч.	<i>þans</i>	<i>þo</i>	<i>þos</i>	—	—

В парадигме склонения готского указательного местоимения слабая нейтрализация охватывает 6 форм из 24 – мужской и средний роды нейтрализуются в родительном и дательном падежах единственного числа, а также в родительном падеже множественного числа. Например: род. п. ед. ч. муж. р. **þis fairhwaus** ‘сего мира’, ср. р. **þis raznis** ‘сего дома’; дат. п. ед. ч. муж. р. **in þamma stada** ‘на этом месте’, ср. р. **bi þamma razna** ‘на этот дом’; род. п. мн. ч. муж. р. **þize fiske** ‘(этих) рыб’, ср. р. **þize lambe** ‘(этих) овец’. Единственная сильная нейтрализация родообразующих противопоставлений охватывает 3 формы из 24 – формы дательного падежа множественного числа. Например: муж. р. **us þaim siponjam** ‘из (этих) учеников’, ср. р. **þaim silubreinam** ‘(этим) сребренникам’, жен. р. **þaim manageim** ‘(этим) толпам’. (Примеры приводятся по [4]).

Таблица 2. Количество и процент форм, вступающих в отношения нейтрализации в склонении готского указательного местоимения

Сильная нейтрализация		Слабая нейтрализация	
п	%	п	%
3	12,5	6	25
Всего форм: 24			

При интерпретации подобных данных (особенно в рамках сопоставительного анализа родовой ситуации в нескольких языках) важно не забывать о том, что вряд ли стоит ожидать равного статистического распределения падежных форм в речи / тексте. Анализируя степень представленности нейтрализаций грамматических родов в парадигмах склонений частей речи, составляющих атрибутивную часть согласовательных моделей, исследователь получает в результате картину функционирования нейтрализации в родовой системе того или иного языка, которую, очевидно, нельзя считать абсолютно достоверным отражением

языковой действительности. Проблема соотношения падежных форм в речи / тексте (а именно в форме текстов нам доступны для изучения древние / мертвые языки) ставит перед нами ряд вопросов. Насколько значительно / незначительно представленность в речи (применительно к древним языкам – в текстах) согласовательных моделей с нейтрализацией родов будет отличаться от представленности нейтрализаций в парадигмах склонений атрибутов, входящих в СМ? Будет ли процент нейтрализаций в текстах больше или меньше процента нейтрализаций в парадигмах? Будет ли соотношение первого и второго приблизительно одинаковым у родственных языков? И т.д. Без соответствующих исследований текстов ответить на эти вопросы не представляется возможным.

Результаты анализа нейтрализаций родообразующих противопоставлений в выборке готских СМ с указательным местоимением приводятся в следующей таблице.

Таблица 3. Количество и процент готских СМ с формами указательного местоимения, вступающими в отношения нейтрализации

СМ с формами сильной нейтрализации		СМ с формами слабой нейтрализации	
n	%	n	%
16	3,4	114	24,3
Всего СМ: 470			

Полученная статистика показывает, что в выборке готских СМ с указательным местоимением процент моделей, демонстрирующих нейтрализации родов, ниже, чем процент форм, вступающих в отношения нейтрализации в склонении готского указательного местоимения. И если доля слабых нейтрализаций в СМ, извлеченных из текстов (24,3%), лишь немного ниже доли слабых нейтрализаций в парадигме склонения

указательного местоимения (25%), то доля сильных нейтрализаций в общем числе СМ (3,4%) более чем в три с половиной раза ниже доли сильных нейтрализаций, наблюдаемой в анализировавшейся парадигме (12,5%). Последний результат существенно дополняет картину функционирования нейтрализации в готских СМ с указательным местоимением *sa*, *þata*, *so*, сложившуюся на этапе анализа парадигмы его склонения.

2.2. Количество и распределение по падежам позиций нейтрализации грамматических родов в склонении древнеанглийского указательного местоимения отражено в таблице 4.

Таблица 4. Нейтрализации родовых форм в склонении древнеанглийского указательного местоимения *se* ‘этот’, *þæt* ‘это’, *seo* ‘эта’

	муж. р.	ср. р.	жен. р.	Слабые нейтрализации муж. р. – ср. р.	Сильные нейтрализации
им. п. ед. ч.	<i>se</i>	<i>þæt</i>	<i>seo</i>	—	—
род. п. ед. ч.	<i>þæs</i>	<i>þæs</i>	<i>þære</i>	+	—
дат. п. ед. ч.	<i>þam</i>	<i>þam</i>	<i>þære</i>	+	—
вин. п. ед. ч.	<i>þone</i>	<i>þæt</i>	<i>þa</i>	—	—
им. п. мн. ч.	<i>þa</i>	<i>þa</i>	<i>þa</i>	—	+
род. п. мн. ч.	<i>þæra</i>	<i>þæra</i>	<i>þæra</i>	—	+
дат. п. мн. ч.	<i>þam</i>	<i>þam</i>	<i>þam</i>	—	+
вин. п. мн. ч.	<i>þa</i>	<i>þa</i>	<i>þa</i>	—	+

В единственном числе слабая нейтрализация охватывает те же формы, что и в парадигме склонения готского указательного местоимения: род. п. ед. ч. муж. р. *þæs cyninges* ‘(этого) царя’, ср.

р. *þæs temples* ‘(этого) храма’; дат. п. ед. ч. муж. р. *mid þam engle* ‘с (этим) ангелом’, ср. р. *of þam temple* ‘от (этого) храма’. Однако во множественном числе в склонении древнеанглийского местоимения *se, þæt, seo* обращает на себя внимание полное элиминирование противопоставления родов во всех падежах. Ср., например, в дательном падеже: муж. р. *on þam dagum* ‘в эти дни’, ср. р. *of þam treowum* ‘с (этих) деревьев’, жен. р. *of þam byrgenum* ‘из (этих) гробов’. Примеры приводятся по [5].

В таблицах 5 и 6 представлены результаты подсчетов, аналогичных проведенным для материала готского языка.

Таблица 5. Количество и процент форм, вступающих в отношения нейтрализации в склонении древнеанглийского указательного местоимения

Сильная нейтрализация		Слабая нейтрализация	
n	%	n	%
12	50	4	16,7
Всего форм: 24			

Таблица 6. Количество и процент древнеанглийских СМ с формами указательного местоимения, вступающими в отношения нейтрализации

СМ с формами сильной нейтрализации		СМ с формами слабой нейтрализации	
n	%	n	%
30	22,4	29	21,6
Всего СМ: 134			

Приведенные данные позволяют отметить следующее сходство готского и древнеанглийского: представленность в текстах согласовательных моделей с формами указательного местоимения, вступающими в отношения сильной нейтрализации родообразующих противопоставлений, в этих языках существенно меньше, нежели представленность форм с сильной нейтрализацией в парадигмах склонений соответствующих

местоимений. Доля сильных нейтрализаций в общем числе СМ, извлеченных из древнеанглийских текстов (22,4%), более чем в два раза ниже доли сильных нейтрализаций, наблюдаемой в парадигме склонения указательного местоимения **se, þæt, seo** (50%).

Однако процент моделей, демонстрирующих слабую нейтрализацию родов, в древнеанглийском материале оказывается несколько выше (а не ниже, как в готском), чем процент форм, вступающих в отношения слабой нейтрализации в склонении указательного местоимения: доля слабых нейтрализаций в выборке древнеанглийских СМ составляет 21,6% против 16,7%, которые приходятся на формы со слабой нейтрализацией в парадигме склонения местоимения **se, þæt, seo**.

3. Полученные результаты позволяют считать целесообразным при изучении распространенности в языке форм сильной нейтрализации как участков нулевого рода проводить исследование в три этапа: 1) количественный анализ представленности нейтрализации в парадигме склонения атрибута, входящего в тот или иной тип согласовательной модели (оценка потенциала нейтрализации, заложенного в парадигме склонения атрибута); 2) количественный анализ представленности в текстах соответствующих СМ с формами атрибута, вступающими в отношения нейтрализации грамматических родов (анализ реализации потенциала нейтрализации в текстах); 3) сравнительный анализ результатов двух предшествующих этапов исследования.

Преимуществом предлагаемого подхода можно считать то, что на втором из описанных этапов в поле зрения исследователя

вводятся языковые факты, остающиеся для него до тех пор недоступными по причине ограничений, диктуемых самим анализируемым материалом: если мы, признавая категорию рода аналитической и акцентируя внимание на атрибутивном компоненте СМ, рассмотрим нейтрализации родов лишь на уровне анализа парадигмы склонения атрибута, не обращаясь к языковому материалу, засвидетельствованному в текстах, мы останемся в рамках синтагматического подхода к исследованию категории рода, но полученные результаты все же будут допускать возможность дальнейшего уточнения. Например, ограничиваясь анализом парадигм склонения указательного местоимения в готском и древнеанглийском (сильная нейтрализация в первом охватывает 3 формы из 24, а во втором – 12 форм из 24), можно «прогнозировать», что в древнеанглийских текстах соответствующие СМ с сильной нейтрализацией родов будут встречаться *в четыре раза* чаще, чем в готском. Однако данные текстов свидетельствуют о том, что СМ с сильной нейтрализацией в выборке древнеанглийского встречаются *более чем в шесть с половиной раз* чаще, чем в выборке готского – 22,4% против 3,4% (при том, что объем выборки по древнеанглийскому материалу в три с половиной раза меньше, чем по готскому).

Предлагаемую в настоящей статье методику исследования нейтрализации родовых противопоставлений (с опорой на сравнительный анализ потенциала нейтрализации, заложенного в парадигме склонения атрибутивной составляющей согласовательной модели, и его реализации в текстах) можно рассматривать в качестве одной из возможных формальных процедур как для оптимального описания системы СМ в отдельно

взятом языке, так и для сопоставительного анализа родовой ситуации в нескольких языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буробин Р.В. Родовая ситуация в готском, древнеанглийском и древнеисландском языках (с привлечением сравнительного материала латинского, древнегреческого и славянских языков). Дис...канд.филол.наук. Владимир, 2001. 226 с.
2. Буробин Р.В. Сопоставительный анализ атрибутивных согласовательных моделей в готском, древнеанглийском и древнеисландском языках // LINGUA GOTICA: НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. Вып. 2 / отв. ред. д-р филол. наук Е.Б. Яковенко, д-р филол. наук А.Л. Зеленецкий. Москва-Калуга: Издательство «Эйдос», 2011. С. 189-198.
3. Копелиович А.Б. Род и грамматика межсловных синтаксических связей. М., Владимир: Ин-т языкознания РАН, ВГГУ, 2008. 147 с.
4. Streitberg W. Die gotische Bibel. Erster Teil: Der gotische Text und seine griechische Vorlage. Mit Einleitung, Lesarten und Quellennachweisen sowie den kleineren Denkmälern als Anhang. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1919. XLVII, 488 S.
5. Thorpe B. Analecta Anglo-Saxonica. A selection in prose & verse, from Anglo-Saxon authors of various ages; with a glossary. London: John and Arthur Arch, Cornhill, 1834. XII, 268 p.

Е.Н. ВАРЮШЕНКОВА (Владимир, Россия)

О СИНТАКСИЧЕСКИХ ФУНКЦИЯХ ИНФИНИТИВА ПРИ ОПОРНОМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОМ *МАНЕРА*

Тема собственно лексического значения, смыслового значения имени существительного в связи с поисками критериев определения синтаксических функций зависимого инфинитива далеко не исчерпана. Однако очень трудно бывает решить, каким образом, по какому принципу организуются иногда в лексико-семантические группы (ЛСГ) имена существительные, присоединяющие одинаковый по функции инфинитив, какой общей семой обладают эти существительные. Может быть, эта сема и не имеет названия. Справедливо заметила Э.В. Кузнецова: «Наличие у разных слов одних и тех же определителей можно

рассматривать как объективное свидетельство семантической близости слов» [3: 7].

Глагол-инфинитив в нашей конструкции является определителем различных по значению существительных. Особенно ярко проявляется отличие в происхождении существительных: одни по происхождению соотносятся с глаголами (желание – желать, старание – стараться), другие существительные образованы от прилагательных, кратких и полных (возможный – возможность, рад – радость). Считается, что сохранение существительным свойств глагола и прилагательного сочетаться с инфинитивом существенно влияет на синтаксическую функцию зависимого инфинитива. Например, объектный инфинитив при отглагольном существительном В.И. Фурашов не только относит к дополнению (*На стук его в дверь и на просьбы монахов выйти и поделиться с ним своей печалью он отвечал глубоким молчанием.* А. Чехов. [6: 89]), но и подтверждает трансформацией данного предложения в сложноподчиненное с придаточной изъяснительно-объектной частью. Естественно, автор находит в инфинитиве и оттенок определения, обусловленный отнесенностью инфинитива к опорному имени существительному как к части речи.

Если попытаться определить место инфинитива при существительных на шкале атрибутивной валентности (термин В.И. Фурашова), то ближе всего к определению окажутся инфинитивы, примыкающие к непроизводным существительным: мода, шанс, манера и др. Однако, имея в качестве основной определительную функцию, инфинитив при целом ряде существительных обнаруживает неожиданные смысловые оттенки, не отмеченные пока в лингвистической литературе.

Известна группа производных имен существительных, регулярно присоединяющих к себе инфинитив, который выполняет в предложении синкретичную функцию – определения с оттенком дополнения. Это существительные: манера, способ, повод, план, средство, проект, случай и др. Именно при этих существительных инфинитив не проясняет по смыслу всей полноты значения признака: *И эти чуть-чуть в одежде, сочетавшиеся с другими чуть-чуть, которые проявлялись в манере держаться и говорить, ... привлекали к Кудасову людей...*(А. Ананьев); *Способов проводить время было очень много в Воздвиженском...* (Л. Толстой); *Слышу голос твой, меня зовущий, – признаю усилия меня спасти...* (А.Пушкин); *Особенность его странной природы находила везде случай проявиться* (И. Гончаров); *Он дает повод высказаться не просто об удачных или неудачных режиссерских решениях* (Из газет); *Он получил чин и повышение и вслед за тем представил проект изловить всех контрабандистов* (Н. Гоголь).

Совершенно очевидно, что грамматический оттенок определения у инфинитива в данных примерах, безусловно, имеется. Нет понятийного, «вещественного» значения признака: какая именно манера, какие способ, усилие, случай и др. – в предложениях не сказано. Это может быть ясно из других компонентов предложения или текста. Объектное значение инфинитива во многих подобных примерах подтверждается возможностью трансформации его в существительное: **способ** – для чего? – **для проведения времени**; **усилия** – для чего? – **для спасения**; **случай** – для чего? – **для проявления себя**; **повод** – для чего? – **для самовыражения** и т.д. Однако некорректным выглядит способ трансформации в случае с существительным

манера: манера – чего? – **говорения** (?). Инфинитив **держаться** в данном значении вообще невозможно преобразовать в существительное, скорее оба инфинитива по смыслу могут быть приравнены к одному существительному: манера поведения.

На сочетании с этим существительным следует обратить особое внимание. Существительное **манера** часто употребляется с инфинитивом, который придает всему сочетанию значение «универсальной нормы поведения, которая может быть противопоставлена частным нормам поведения [Абдуразаков: 9]. Универсальная, общая для всех, но не одинаковая **манера улыбаться, говорить** и т.д.

Отметим, что именно в том случае, когда сочетание «существительное + инфинитив» становится близким по значению сочетанию «манера поведения», обнаруживается неполнота, недостаточность семантики признака. Сочетания подобного плана воспроизводятся в речи часто в готовом виде: **манера щуриться, смеяться, улыбаться, ходить, двигаться** и др. Это позволяет некоторым ученым причислять их к фразеологическим сочетаниями. Однако следует учесть тот факт, что сочетания встречаются и в другом виде: инфинитив в них обозначает не универсальные нормы поведения, а как раз индивидуальное поведение. Например: *У него был пристальный, задумчивый взгляд, манера лизать языком нижнюю часть усов и перекладывать ноги* (А. Грин); *Если же к этому прибавить появившуюся у администратора за время его отсутствия отвратительную манеру присасывать и причмокивать, резкое изменение голоса... – можно было смело сказать, что Иван Савельевич Варенуха стал неузнаваем* (М. Булгаков); *Было нечто крайне раздражительное в его горловом голосе,*

педантичной правильности слога, изысканной аккуратности, манере постоянно подравнивать ногти какой-то особой машиночкой (В. Набоков).

В приведенных примерах у инфинитива грамматически и по смыслу, безусловно, преобладает значение определения. В этой связи возникает необходимость назвать условия функционирования конструкции с существительным **манера**, при которых компонент с инфинитивом обозначает исчерпывающий признак. Это, во-первых, примеры, в которых инфинитив обнаруживает фразеологически или синтаксически обусловленную связь с зависимыми от него компонентами: *Долли знала эту манеру сестры перехватывать руками, когда она приходила в горячность* (Л. Толстой); *Иногда вспоминается манера покойной матери при слишком громких за столом ссорах делать плачущее лицо и хвататься за висок...* (В. Набоков); *Все ее ужимки ... ясно вспоминаются мне: манера чинить карандаш к себе...* (В. Набоков); *Привыкли и к Зимину, даже не сердились на его манеру пристально вглядываться в собеседника, вплотную приблизив лицо* (В. Ажаев); *Швед оставил прежнюю манеру низать одна на другую книжные фразы и щеголять утомительными, бесконечными периодами* (А. Макаренко) и др. Здесь справедливо заметить, что не сами синтаксически связанные сочетания, а их распространители придают инфинитивному обороту значение исчерпывающего признака. Ср.: *чинить карандаш – к себе; ставить задачи – такие пестрые и сложные*, но нельзя *делать лицо*, так как без распространителя инфинитивный оборот оказывается синсемантическим. Таким образом, выражение *делать плачущее*

лицо оказывается особенным среди оборотов, компоненты в которых синтаксически обусловлены.

Во-вторых, исчерпывающий признак находим в том случае, когда при инфинитиве употребляется отрицательная частица **не**: *Татарин, вспомнив манеру Степана Аркадьевича не называть кушанья по французской карте, не повторял за ним...* (Л. Толстой); *Молодая выслушала отказ тоже как будто спокойно, – она, разойдясь с Тихоном Ильичом, опять взяла манеру бесстрастно молчать, не глядеть ему в глаза* (И. Бунин).

На конструкцию с отрицанием при инфинитиве с господствующим существительным **манера** следует обратить особое внимание. Дело в том, что отрицание в конструкции с присубстантивным инфинитивом обыкновенно дает сигнал о присутствии в инфинитиве значения дополнения: нежелание – чего? – ответить; не имел смелости – на что? – перечить. Отрицание при инфинитиве и в обычную конструкцию вносит особый смысловой оттенок категоричности. В такой конструкции, где опорное существительное – манера, отрицательный инфинитив или инфинитивный оборот выполняет функцию определения без оттенка дополнения, так как таким способом выражается исчерпывающий по смыслу признак. Ср.: **манера глядеть в глаза – манера не глядеть в глаза**. Отрицание как бы сводит смысловое значение признака к нулю, оставляя главным грамматическое значение.

В-третьих, значение признака, атрибутивное значение инфинитива, обычно преобладает в обособленном инфинитиве (инфинитивном обороте). При существительном **манера** обособленный инфинитив – определение, не осложненное никакими иными значениями: *Тетя говорит, что будет брать*

туфли с собой в гости: теперь ведь новая манера – переобуваться (И. Гофф); У меня вообще дурная манера – улыбаться на фотографиях, и все как-то ехидно или лукаво (Из газет). В обоих случаях обособленный инфинитив примыкает к подлежащему в односоставном номинативном предложении. О том, что перед нами именно определение, свидетельствует следующий пример: *Он поправил подушку, перевернулся, навалился на нее грудь, и Люся отметила про себя, что это, видать, такая манера у него – валяться на кровати и почитывать книжечки либо мечтать о чем-то, – была такая манера (В. Астафьев).*

Итак, отдельные распространители в предложении или тексте, отрицание при инфинитиве (отсутствие признака – тоже признак, но однозначный), обособление инфинитива или инфинитивного оборота при существительном **манера** указывают на исчерпывающее значение признака, выражаемого компонентом с инфинитивом.

Само существительное **манера** обладает и другими интересными для нас особенностями. Оно многозначно и в разных значениях образует разные синонимические ряды. Ср.: **манера переобуваться – мода, традиция; манера улыбаться на фотографии – привычка.** Если **традиция** и **привычка** – существительные, которые могут считаться хотя бы стилистическими синонимами, то существительные **мода** и **привычка** становятся синонимами, только если существительное **мода** употребляется в переносном значении.

Заметим, что сопоставлены синонимичные существительные, которые имеют способность сочетаться с зависимым инфинитивом, и только одно из них, манера, способно

присоединять к себе инфинитив со значением неполноты признака.

Нельзя не отметить, что и существительные, присоединяющие к себе инфинитив со значением недостаточности смыслового признака, образуют разные соотносительные по коннотации ряды: манера – способ; способ – случай; средство – условие; усилие – старание (к непроизводным присоединяются и отглагольные) и т. д. Например: *Но никто так явно не нарушает этой манеры жить и думать, как вы, Юрий Андреевич* (Б. Пастернак); *Даже на способе выразиться это отразилось очень положительно* (А. Макаренко); *Но это был верный способ потерять его уважение* (В. Каверин); *Особенность его странной природы находила везде случай проявиться* (И. Гончаров); *Он предлагает мне недоверие как средство освободиться от абстрактного, безусловного уважения к книге* (К. Федин); *Дерсу и Ли Чан употребляли все усилия подвести плот возможно ближе к берегу* (В. Арсеньев); *Но все усилия обучить Одоевского перестукиванию оказались напрасными* (О. Форш); *Всякое старание размыть это защитное средство есть вред для народа* (А. Ананьев).

Внутри группы существительных, способных присоединять к себе зависимый инфинитив, не проясняющий смыслового значения признака, наблюдаем системные отношения: они способны строить синонимические ряды, не соотносительные по значению друг с другом, зато каждый по отдельности соотносительный с существительным-возможностью. Ср.: манера – способ – возможность; усилие – старание – возможность; средство – условие – возможность и т.д.

Все существительные названной группы можно распределить по известным в лингвистической литературе лексико-семантическим группам (см.: [4, 5, 2, 1 и др.]). Это приводит к выводу о том, что квалификация синтаксических функций присубстантивного инфинитива, различение оттенков функций с помощью отнесения господствующего имени существительного к какой-либо из известных лексико-семантических групп неправомерны и невозможны, что существительное необходимо рассматривать только в комплексе его значений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брицын В.М. Синтаксис и семантика инфинитива в современном русском языке. Киев: Изд-во АН УССР, 1990. 477 с.
2. Зуева Р.С. Словосочетания с приименным инфинитивом в современном русском языке: дис. ...канд. филол. наук. Алма-Ата, 1965. 300 с.
3. Кузнецова Э.В. О принципах и методах выделения объема семантических классов русских глаголов // Классы слов и их взаимодействие. Свердловск: Уральский ГУ, 1979. С.5-14.
4. Моисеев А.И. Употребление зависимого инфинитива в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1952. 446 с.
5. Павловская М.А. Синонимика приименного инфинитива и особенности его синтаксического употребления // Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 225. Л., 1962. С. 89-108.
6. Фурашов, В.И. Несогласованные определения в современном русском языке. М., 1984. 113с.

М.А. ВЕДЕНЕЕВА (*Владимир, Россия*)

ПРИСТАВОЧНО-СУФФИКСАЛЬНЫЕ И СЛОЖНОСУФФИКСАЛЬНЫЕ ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ ОБЩЕГО РОДА НА –А В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Статья посвящена описанию особенностей приставочно-суффиксальных и сложносуффиксальных имен существительных общего рода на -а в сопоставительном аспекте с целью выявления их структурно-семантического изоморфизма.

Интерес к именам существительным общего рода проявляли еще в XVI-XVII вв. Л. Зизаний и М. Смотрицкий, в XVIII в. – М.В. Ломоносов. Позднее к теории имен существительных общего

рода обращались В.А. Богородицкий, В.В. Виноградов, А.Б. Копелиович, Т.С. Павлова и др.

Так, Л. Зизаний и М. Смотрицкий в качестве основных признаков существительных общего рода называют такие, как: способность обозначать представителей обоих полов и наличие единого окончания. М.В. Ломоносов обращает внимание на формальные показатели общего рода – наличие единого окончания *-а*, а также на их глагольное происхождение. В отличие от М.В. Ломоносова, В.А. Богородицкий говорит о существовании отадъективных имен существительных общего рода [10: 10-12].

В.В. Виноградов, помимо формальных признаков, обращает внимание на оценочность и экспрессивность имен существительных общего рода. Об этом он пишет следующее: «Совмещение мужского и женского рода в общей части обозначений на *-а* оправдывается их резкой экспрессивностью. В категории общего рода преобладают эмоционально окрашенные слова, проникшие в литературный язык из живой устной речи и иногда носящие резкий оттенок фамильярности и даже вульгарного стиля» [2: 71].

В «Русской грамматике» авторы раздела, посвященного именам существительным общего рода, помимо таких признаков, как наличие у данных имен существительных в им.п. ед. ч. единого окончания *-а* и способности называть лиц (без относительности к полу) по характерному действию или свойству, выделяют также такую особенность, как «зависимость их синтаксической сочетаемости от пола называемого лица» [11].

Классической точки зрения на определение имен существительных общего рода придерживается Т.С. Павлова в своей диссертации «Существительные общего рода в русском

языке: семантика, грамматика, употребление», где она делает упор на семантическую структуру имен существительных общего рода и отмечает, что «семантическая структура существительных общего рода в качестве обязательных компонентов включает семы 'лицо', 'оценка' и 'характеристика', определяющие функционирование этих слов в языке», причем сема 'лицо' является самым важным семантическим признаком [10: 6, 17, 31]. К именам существительным общего рода она относит «двуродовые, немаркированные по признаку пола, в основном исконно русские существительные, имеющие окончание *-а(-я)*, характеризующие и оценивающие лицо по отличительным признакам и проявляющие конкретное значение пола в составе предложения» [10: 23], а также заимствованные слова типа *протеже, визави* [10: 18]. Т.С. Павлова исключает из этой группы имен существительных существительные типа *бездарь, нелюдь*, а также типа *врач, профессор* [10: 22, 25].

Иной точки зрения придерживается А.Б. Копелиович, относя к именам существительным общего рода не только имена существительные на *-а* типа *пройдоха*, но и имена женского морфологического рода на *-а* типа *судья* и мужского морфологического рода типа *врач, секретарь*, называющие лицо по профессии (должности) [3: 21; 4: 192; 8: 351], а также ряд существительных среднего рода типа *(ваше) величество*, женского рода с нулевым окончанием типа *сволочь* и существительные аморфного рода типа *протеже* [8: 351, 357]. Правомерность применения термина «общий род» к именам существительным мужского морфологического рода А.Б. Копелиович аргументирует следующим образом: «Большинство морфологических родовых пар ... построено по

принципу привативной оппозиции: немаркированный член (НМЧ) оппозиции, обозначающий лицо без указания на его пол, – маркированный член (МЧ) оппозиции, обозначающий лицо одного пола. Такие личные существительные, как *учитель, староста, шельма, умница, рабочий*, могут означать и мужчину, и женщину, в то время как их корреляты только или мужчину (*умник, шельмец*), или женщину (*учительница, старостиха, рабочая*). ... Разрушение корреляции – это процесс стилистического и семантического отталкивания маркированных коррелятов... Тот факт, что немаркированные формы на *-а* перешли в общий род, бесспорно, является результатом этого процесса. То же самое происходит в группе личных существительных типа *председатель – председательница, продавец – продавщица* и т.п. ... НМЧ развивают синтаксические средства корреляции, то есть переходят в общий род» [8: 97-102]. А.Б. Копелиович главным признаком имен существительных считает особенности синтаксической корреляции: «Сфера синтаксической корреляции является монополией имен существительных общего рода. Поэтому, быть может, целесообразно считать участие в синтаксической родополовой корреляции решающим, определяющим (диагностическим) показателем принадлежности личного существительного к общему роду» [8: 108].

Имена существительные общего рода могут быть как непроизводными (*тёзка*), так и производными (*брюзга ← брюзжать, грязнуля ← грязный и др.*). Придерживаясь точки зрения А.Б. Копелиовича на определение имен существительных общего рода, в данной статье мы описываем словообразовательные особенности только имен существительных общего рода на *-а*, образованных приставочно-

суффиксальным и сложносуффиксальным способом словообразования.

К приставочно-суффиксальным именам существительным относятся имена существительные, образованные путем одновременного присоединения к мотивирующей основе префикса и суффикса, которые, участвуя в едином акте словопроизводства, представляют собой особую словообразовательную единицу – конфикс, осложняющую производящую основу в пре- и постпозиции [1: 117; 9: 41]: **на-затыль-ник** ← *затылок* (конфикс *на-...-ник*), **без-рукав-к-а** ← *рукав* (конфикс *без-...-к-*). С помощью конфикса выражается словообразовательное значение (СЗ) мотивированного слова, которое передается двумя аффиксальными морфемами. Причем суффиксальная часть конфикса играет «классификационную роль показателя названия предмета, лица или абстрактного понятия», а префиксальная – роль конкретизатора (модификатора основного СЗ, т.е. несет уточняющую семантическую нагрузку) [12: 251].

Среди всех приставочно-суффиксальных имен существительных нами выявлено только 9 производных, которые относятся к именам существительным общего рода. Причем все они являются отглагольными и называют лицо (без относительности к полу) по характерному действию: *уметь* → **неумеха** – ‘тот (та), кто что-либо не умеет’; *понимать* → **не-понимай-к-а** – ‘тот (та), кто что-либо не понимает’).

В качестве суффиксальной части конфикса для обозначения лица употребляются суффиксы *-к-* (**не-знай-к-а**), *-х-* (**не-уме-х-а**), *-∅-* (**не-посед-∅-а**). В качестве префиксальной части употребляется префикс *не-*, при помощи которого выражается отрицательное

(негативное) значение. Таким образом, в приставочно-суффиксальных именах существительных общего рода при помощи конфикса выражается общее СЗ 'лицо (без относительности к полу), не способное совершить действие или подвергнуться действию, названному мотивирующим глаголом'.

Среди имен существительных общего рода, образованных приставочно-суффиксальным способом, нами выявлены следующие словообразовательные типы (СТ):

- СТ 1. не-+Verb+-к(а): **не-знай-к-а** ← *знать*, **не-понимай-к-а** ← *понимать*, **не-умей-к-а** ← *уметь*;
- СТ 2. не-+Verb+-х(а): **не-уме-х-а** ← *уметь*;
- СТ 3. не-+Verb+-ø(а): **не-посед-ø-а** ← *посидеть*, **не-улыб-ø-а** ← *улыбаться*, **не-умо[j-ø-а]** ← *умыться*, **не-довер-ø-а** ← *доверять*, **не-дотрог-ø-а** ← *дотрагиваться*.

Таким образом, мы видим, что приставочно-суффиксальный способ словообразования имен существительных общего рода не является продуктивным (в отличие от суффиксального способа). Возможно, это связано с тем, что для существительных общего рода не характерен префиксальный способ словообразования.

Не отличается продуктивностью и группа имен существительных общего рода, образованных сложносуффиксальным способом.

Сложносуффиксальные имена существительные образуются путем сложения основ с одновременной суффиксацией. Преюзитивная основа и суффикс участвуют в едином словообразовательном акте и представляют собой особую словообразовательную единицу, имеющую, подобно конфиксу, прерывистую структуру и, по аналогии с терминами *суффиксоид*, *префиксоид*, *аффиксоид*, заслуживающую название *конфиксоид*

[5: 32; 6: 90; 7: 69]. Причем препозитивная основа в подобных словах синкретична, так как совмещает функции служебной морфемы и компонента мотивирующей базы [6: 90]: **черн-о-книж-и[j-э]** ← *чёрный, книга* (мотивирующая база чёрн-...-книг-, конфликсоид черн-...-иj-); **народ-о-лю[б'-э]ц** ← *народ, любить* (мотивирующая база народ-...-люб'-, конфликсоид народ-...-эц). Суффикс в сложносуффиксальных производных, подобно суффиксу в приставочно-суффиксальных производных, выполняет классификационную функцию и является средством выражения основного СЗ (например, значения лица), а препозитивная основа выступает в роли конкретизатора основного СЗ.

Среди всех сложносуффиксальных имен существительных нами выявлено 11 производных, которые относятся к именам существительным общего рода. Причем у большинства существительных в качестве опорной выступает глагольная основа (**вс-е-знай-к-а** ← *всё, знать*), исключение составляет слово *лежебока*, где в качестве опорной выступает основа имени существительного (**леж-е-бок-ø-а** ← *лечь, бок*).

В качестве суффиксальной части конфликсоида для обозначения лица употребляются суффиксы **-к-** (**мал-о-еж-к-а**), **-ц-** (**ча[j-э]-пий-ц-а**), **-ø-** (**книг-о-нош-ø-а**). В качестве препозитивного компонента конфликсоида могут выступать основа имени существительного (**кров-о-пий-ц-а** ← *кровь, пить*), основа имени прилагательного (**сладк-о-еж-к-а** ← *сладкий, есть*), основа местоимения (**сам-о-уч-к-а** ← *сам, учить*), основа наречия (**много/знай-к-а** ← *много, знать*), основа глагола (**леж-е-бок-ø-а** ← *лечь, бок*). Большинство сложносуффиксальных имен существительных общего рода характеризуют лицо (без

относительности к полу) по совершаемому действию, названному опорным компонентом и имеющему отношение к тому, что названо препозитивным компонентом. Исключение слово *лежебока* (см. ниже).

Нами выявлены следующие словообразовательные типы (СТ) сложносuffixальных имен существительных общего рода:

- СТ с общим СЗ 'лицо (без относительности к полу), характеризующееся действием, названным мотивирующим глаголом (опорной основой) и направленным на объект, названный мотивирующим именем существительным (препозитивной основой)':

- СТ 1. **S+Verb+к(а)**: *бумаг-о-мара-к-а* ← *бумага, мара*; *сласт-о-еж-к-а* ← *сласть, есть*;
- СТ 2. **S+Verb+ц(а)**: *ча[ж-э]-пий-ц-а* ← *чай, пить*; *кров-о-пий-ц-а* ← *кровь, пить*;
- СТ 3. **S+Verb+∅(а)**: *книг-о-нош-∅-а* ← *книга, носить*.

- СТ с общим СЗ 'лицо (без относительности к полу), характеризующееся действием, названным мотивирующим глаголом (опорной основой) и направленным на объект, признак которого уточняется мотивирующим именем прилагательным или наречием (препозитивной основой)':

- СТ 4. **Adj+-o-+Verb+к(а)**: *сладк-о-еж-к-а* ← *сладкий, есть*;
- СТ 5. **Adv+-Verb+к(а)**: *мало/еж-к-а* ← *мало, есть*; *много/знай-к-а* ← *много, знать*.

- Среди сложносuffixальных имен существительных общего рода выделяются два типа имен существительных, построенных по модели **Pron+Verb+к(а)**:

- СТ 6. **1.Pron+Verb+к(а)**: *в[с'-э]-знай-к-а* ← *весь, знать*;
- СТ 7. **2.Pron+Verb+к(а)**: *сам-о-уч-к-а* ← *сам, учить*.

В обоих случаях имена существительные имеют основное СЗ 'лицо (без относительности к полу), характеризованное действием, названным мотивирующим глаголом (опорной основой)', а отличаются они значением препозитивного компонента: в первом случае препозитивная основа указывает на объект действия, во втором – на субъект действия.

- СТ 8. **Verb+S+∅(a)**: *ле[ж-э]-бок-∅-а* ← *лежать, бок*. Существительное данного СТ имеет СЗ 'лицо (без относительности к полу), характеризованное действием, названным мотивирующим глаголом (препозитивной основой), и используемое для совершения действия, то, что названо мотивирующим именем существительным (опорной основой)'. Как мы видим, данный тип отличается от СТ, перечисленных выше. В данном слове реализуется значение фразеологизма *лежать на боку* – 'лениваться'.

Таким образом, мы видим, что при образовании имен существительных общего рода приставочно-суффиксальным и сложносуффиксальным способом в качестве суффиксальной части конфикса или конфиксоида могут употребляться одни и те же суффиксы (-к- и -∅-). Суффиксальная часть конфиксов и конфиксоидов в рассмотренных именах существительных является средством выражения СЗ лица (без относительности к полу), а препозитивный компонент (префикс или препозитивная основа) конкретизирует это значение. Все это говорит о том, что приставочно-суффиксальным и сложносуффиксальным именам существительным общего рода свойствен структурно-семантический изоморфизм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балалыкина Э.А. Русское словообразование: Учебное пособие. Казань, 1985. 184 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 2001. 717 с.
3. Копелиович А.Б. Именная категория лица в его отношении к грамматическому роду. Материалы для спецкурса. Издание 2-е, исправленное. Владимир: ВГПУ, 1997. 96 с.
4. Копелиович А.Б. К вопросу о кодификации имен существительных общего рода // Грамматика и норма. М.: «Наука», 1977. С. 178-192.
5. Копелиович А.Б. Конфигуриды как особый словообразовательный формант // Славянские чтения: Материалы докл. и сообщ. регион. конф. Чебоксары, 1999. С. 32-34.
6. Копелиович А.Б. Некоторые спорные вопросы словообразования и синтаксиса: монография. Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та, 2011. 156 с.
7. Копелиович А.Б. Образование слов со сложными основами: проблема форманта // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы конференции. Владимир, 1999. С. 89-91.
8. Копелиович А.Б. Семантико-грамматическое развитие категории рода в современном русском языке: Диссертация ... кандидата филологических наук. Владимир, 1970. 377 с.
9. Николаев Г.А. Структура нового слова: учебное пособие. Казань: Изд-во Казанск. гос. ун-та им. В.И. Ульянова-Ленина, 2008. 56 с.
10. Павлова Т.С. Существительные общего рода в русском языке: семантика, грамматика, употребление: Диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01. М., 2011. 220 с.
11. Русская грамматика. В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1980. 784 с.
12. Шуба П.П. О компонентах конфига в русском языке // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. М.: Наука, 1975. С. 249-253.

Д.Г. ДЕМИДОВ (*С.-Петербург, Россия*)

ЧЕРЕДОВАНИЯ Ж//ЖД И Ч//Щ В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

(по следам открытого для критики исследования)

Аннотация. Благодаря исчерпывающему материалу, собранному С.П. Обнорским для исследования названных чередований в «Слове», и общему историческому ходу изменений в их соотношениях, удастся оценить вероятность появления «Слова» в то или иное время.

Работы А.Б. Копелиовича носят созидательный и открытый для критики характер. Поскольку сфера наших текущих интересов

лежит в области архаических форм русского языка XVIII века, обратимся к классическому труду другого ученого [1], выполненному в том же духе. Такие труды не позволяют филологической науке стоять на месте или двигаться в ложном направлении, но способствуют ее конструктивному поступательному движению ко всё более точно понимаемой истине. Остановимся на одном из самых формальных и трудно контролируемых при создании того или иного произведения вопросов – на исторических чередованиях, а именно славяно-русских чередованиях ж//жд и ч//щ.

Фонологические интерпретации преобразований $*tj > ч, щ$ и $*dj > ж, жд$ по одним признакам совпадают, по другим существенным признакам различаются. Оба исходных звука язычные, как и $*j$, поэтому они дают сокращение цепочки фонем с двух до одной; такое же сокращение, или фузия, происходит в преобразованиях $*gti, kti > чу, щу, чь, щь$.

В случае звонкого в общеславянский период происходит варьирование одной фонемы 1) $\langle ж'' \rangle, ж, жд', жд \rangle$, такова ситуация до падения редуцированных, ср. *жьдати* в 3 слога, *такожьде* в 4 слога. После падения редуцированных у восточных славян складывается щелевой $[ж'']$ с утраченным взрывным элементом. Южнославянская огласовка $[жд]$ дает аффрикату с хорошо выраженным взрывным элементом, но теперь она уже не воспринимается как вариант своей фонемы, а передается сочетанием 2) $\langle ж \rangle \langle д \rangle$. Прежняя передача южнославянской аффрикаты как щелевого (*рожьство*) теперь может заменяться книжным двухфонемным эквивалентом (*рождьство*).

В случае глухого восточные славяне получают не простой щелевой, а аффрикату $\langle ч'' \rangle, ч' \rangle$ (иначе, симметрично $ж''$, было бы

*ш”) с сохранением исходной смычки, что чисто фонетически сближает ее с другой аффрикатой, обозначаемой на письме буквой Щ. Но в фонологическом отношении уже до падения редуцированных следует считать <ш”т”ш”> самостоятельной фонемой на месте *sk, ср. *ske > *ще*: *щедрый*, *щека*, *щёлокъ* и *щелочь*, *щель*, *щемить* (ср. *оскомина*), *щенок*, *щепа* (ср. *скопец*). Пропорция <ч”> : <ш”т”ш”> = <ж”> : < ? > до падения редуцированных неразрешима.

Что касается соответствующего изменения в области звонких типа *розга* – *рождѣ*, то лексического материала здесь очень мало, да и тот зачастую по происхождению следует считать старославянизмами. Может быть, сюда следует добавить слова типа *дрожжи*, возможно, *вожжи*. Но они не дают фонемного статуса <жж>. В результате приходится говорить о трехфонемном ряде Т : Ч : Щ - *свѣта* : *свѣча* : *свѣща* и двухфонемном ряде Д : Ж/ЖД - *-водъ* : *вож/ждь*, распавшемся на исконное д//ж и церковнославянское д//жд, в котором на месте одной прежней фонемы возникают две.

Итак, более легкой и точной передаче старославянизмов в древнерусском языке в виде Щ способствовали два фактора: 1) наличие такого же фонетического взрывного элемента в Ч, как и в Щ; 2) наличие готовой самостоятельной фонемы <щ”> в ряду т : ч” : щ”, которой можно точно и осознанно передать старославянизм с сохранением семантико-стилистического различия типа *свѣта* : *свѣча* : *свѣща*. В ряду д : ж” у восточных славян фонологизации аффрикаты не происходило, поэтому складывались только попарные противопоставления типа *водъ* : *вожь* и *водъ* : *вождь*.

С.П. Обнорский рассматривает лексическую наполняемость этих чередований. Теоретически в разных текстах могут встретиться следующие соотношения:

- 1) преобладание Ч : преобладание Ж,
- 2) преобладание Щ : преобладание Ж,
- 3) преобладание Щ : преобладание ЖД,
- 4) преобладание Ч : преобладание ЖД.

Соотношение (1) характерно для русских рукописей, начиная с древнейших времен, особенно таких, в которых отражается разговорная стихия, напр., грамот. Соотношение (2) наблюдается в русских книжных рукописях до периода 2-го южносл. влияния. О таком соотношении имеется прекрасное исследование самого ак. С.П. Обнорского [2]. Любопытно, что среди словоформ, попавшихся на глаза С.П. Обнорскому, были те же, что и в «Слове», но в Минее – в русской огласовке (*вижду, даждь*), в «Слове» – в славянской (*вижду, даждь*). Соотношение (3) распространяется в книжных произведениях после 2-го южнославянского влияния. Исследователи не находят чисто математически возможной (4) ситуации. Однако именно о ней красноречиво свидетельствует материал, собранный С.П. Обнорским из «Слова» [1: 189].

Для Ч: *плечю, *птичь, злаченый, чюжь, горячюю, полечю, заворочаетъ, посвъчивая, меча; ночь* (2 р.), *полуночи, польночи*. Прич. *аркучи* (4 р.), *ищучи* (2 р.), *плещучи, лелгючи, мычючи, звонячи, дгльаче* (всего 10 употреблений причастий.). Слово *птичь*, в котором Ч не восходит к *t, придется исключить.

Для Щ: *хощу* (2р.), *трепещуть, аще* (3р.); *нощь* (2 р.), *полунощи, полунощы*. Прич. *стонущи, нарищуще*.

Для Ж: **вержени, чюжь, Дажьбожь*. Слово *вержени*, в котором Ж не восходит к *d, также придется исключить.

Для ЖД: *жаждею, нужда, вижду, побъждають, порождено, прихождаху, междю, Даждьбожь*.

Мы повторили проверку материала по тексту «Слова» [3] и не нашли ни одного пропуска. Лексический материал Обнорского убедительно показывает преобладание ЖД и Ч, то есть (4), трудновообразимое соотношение. Наш собственный материал по ближайшему к «Слову» тексту «Задонщины» показывает по разным спискам «Задонщины» преобладание Ж и Ч=Щ (примерно), то есть колебание между (1) и (2) случаями, типичными для древнерусского языка.

Как видим, преобладание вариантов с ЖД и Ч, установленное С.П. Обнорским для «Слова», противоречит какому бы то ни было периоду развития русского языка до к. XVII в. Соотношение Ч и ЖД появляется не ранее к. XVII в. и становится известным в речи малороссов – выпускников Киевской славяно-греко-латинской академии. При последовательном сохранении ЖД в церковнославянизмах, такие авторы, как Димитрий Ростовский, широко употребляли деепричастия на -учи и нек. др. формы с -ч-, при этом расширяя стилистические возможности сочетания ЖД. Так, в его речи встречается словоформа *вижду: вижду мертвы есмы мы* («Почтение в Неделю Страшнаго Суда», цит. по [4: 103]).

НКРЯ [5] на словоформу «*вижду*» дает 103 вхождения в церковнославянском подкорпусе, то есть показывает активное употребление в современных церковно-богослужебных текстах, всего 7 употреблений в старорусском подкорпусе и никаких вхождений в древнерусском подкорпусе. На словоформу «*вижу*»

имеется 101 вхождение в церковнославянском подкорпусе (столько же), 48 вхождений в старорусском подкорпусе (в 7 раз больше), 1 вхождение в древнерусском подкорпусе. В «Слове» встречается только форма *вижду* (*А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго* в «Мутном сне» Святослава), совсем отсутствующая в древнерусском, необычная для старорусского и вполне обычная для новоцерковнославянского. В двух списках «Задонщины» употребляется закономерный вариант *вижу*.

Наблюдения С.П. Обнорского над лексикой с чередованиями ч//щ и ж//жд целесообразно продолжить по разночтениям различных вариантов «Слова». Кроме текста на древнерусском языке первоиздания 1800 года (П1), имеется его перевод [3] (П2), а также список по-древнерусски, переданный Екатерине II не позднее 1795 года (Е1), вариант на подновленном языке в ее же архиве (Е2), вариант на подновленном языке в архиве князей Белосельских-Белозерских (ББ) [6] и другие рукописи, которые здесь не привлекаются.

Все разночтения можно распределить по следующим группам.

I. 1. Изменений практически нет (они могут быть на уровне орфографии или морфологии, реже – словообразования): *полечу* = *полечю*, *плечь* = *плечь* = *плечю*, *ночный* = *ночь*, *ночь*, *полночь* = *полуночи* = *пльночи*, *ища* = *ищучи* (2 р.), *чужіе* = *чужія* = *чюжи* = *чужи*, *побъждають* = *побъждають*.

I. 2. В одном или нескольких текстах на подновленном языке – то же морфонологическое решение при лексических разночтениях: *горячюю* (Е1, П1) = *горячіе* (Е2) = *яркое* (ББ) = *знойные* (П2), *плещучи* (Е1, Е2, ББ, П1) = *купаючись* (П2), *стонуци* (Е1, П1) = *возставшая* (Е2) = *устрашающая* (ББ) =

грозная, возставшая (П2), было порождено (Е1, П1) = рождено (Е2) = родилось (ББ, П2), междю (Е1, П1) = между (Е2, ББ) = сквозь (П2).

II. 1. В вариантах с подновленным языком (переводах) возможно иное морфонологическое решение: *полунощи (Е1, Е2) = полунощы (П1) = полуночи (ББ, П2), Даждь-Божа (Е1, П1) = дождя божева (ББ) = Даждь-Божевымъ (П2) = Дажбожеву (Е2), злачеными (Е1, П1) = златые (Е2) = позлащенные (ББ, П2), хощу (Е1, П1) = хочу (Е2, ББ, П2) (2 р. в точно таком же соотношении различий), нощь (Е1, П1) = ночью (Е2, П2) = ночь (ББ), нощь (Е1, П1) = ночь (Е2, ББ, П2), полунощи (Е1, П1) = полуночи (ББ, П2) = полночь (Е2), вижду (Е1, П1) = вижу (Е2, ББ, П2).*

II. 2. В одном или нескольких текстах на подновленном языке – лексические и морфологические замены: *заворочаетъ (Е1, П1) = обращаетъ (Е2) = назадъ ведетъ (ББ) = двигнулся с своими полками (П2), аркучи (Е1, П1) = глаголюще (Е2) = рекли (ББ) = приговаривая (П2), дгьяче (Е1, П1) = дгья (Е2, П2) = раздгьяя (ББ), лелгючи (Е1, П1) = лелгья (П2) = нося (ББ) = носить (Е2), нарищуце (Е1, П1) = рыская (ББ, П2) = дгьяя набегу (Е2), прихождаху (Е1, П1) = приходили (ББ) = стекались (П2) = навели (Е2), смагу мычючи (Е1, П1) = стали томить огнемъ (П2) = претя мечемъ (Е2) = съча и рубя (ББ).*

II. 3. В текстах на древнерусском языке представлена другая лексема, в текстах на подновленном языке лексических различий нет: *посвгчивая (Е1, П1) = блистая (ББ, П2) = блистаяся (Е2), меча (Е1, П1) = бросаю (Е2, ББ, П2), звонячи (Е1, П1) = гремя (Е2, ББ, П2), аркучи (Е1, П1) = приговаривая (Е2, ББ) = приговариваетъ (П2), трепещуть (Е1, П1) = сверкаетъ (ББ, П2) = сверкая (Е2), аще (Е1, П1) = хотя (Е2, ББ, П2), аще (Е1, П1)*

= *когда* (Е2, ББ, П2), *аще хотяше* (Е1, П1) = *когда хотѣль* (Е2, П2) = *желая* (ББ), *нужда* (Е1, П1) = *насиліе* (Е2, ББ, П2).

Основным признаком классификации разночтений было: I. Член славяно-русского чередования так или иначе сохраняется во всех вариантах «Слова». II. В каких-либо вариантах текста славяно-русское чередование действует.

В группу I.1. совсем не попали слова на Щ и преобладают слова на ЖД. Это означает, что закономерность, легко обнаруживаемая по материалам Обнорского с опорой только на первую публикацию текста на архаическом языке, в случае привлечения разночтений по вариантам текста проявляется еще более последовательно. Случайность здесь исключена: избегать Щ – это сознательная установка авторов (менее вероятно – редакторов) «Слова».

В группе I.2., как правило, сохраняется вариант, принятый в Е1. Модель на -учи настолько сильна, что при переводе слова *плещучи* деепричастие на -учи сохраняется. В екатерининском подновленном списке и в списке Белосельских-Белозерских действует несколько дев Обид, в архаическом варианте текста – одна. В опубликованном переводе – тоже одна, и в нем делается действительный перевод. Вся сцена приобретает несколько эротический вид. Это очень закономерно, так как, помимо плача Ярославны, готских дев, девы Обиды, девы Славы, ряд темных мест также можно объяснить как женскую тему. Если принимать во внимание версию Клауса Троста о том, что автором был Карамзин (см. [7]), сочинивший «Бедную Лизу», то мотивы будут вполне понятны.

Примеры на *купаючись* и *сквозь* ясно показывают, что перевод как таковой делался только в печатном варианте П2.

В этой группе нет преобладания Ч в чередовании ч//щ, поэтому сильны колебания по спискам. В чередовании ж//жд славянское сочетание ЖД вновь значительно преобладает.

В группе II.1. лексическое варьирование невелико: при сохранении лексемы меняется только ее огласовка. Примеры славянизации *хощу, ночь, полунощи* и *вижду* объясняются стремлением к архаизации текста. Что касается варианта *злачеными*, его можно отнести к тому типу сознательного сопротивления славянской стихии, о котором пишет К. Трост. Здесь мы встречаем совершенно искусственное образование, которое не должно совпадать с современным русским и привычным *золочеными*, а с другой стороны, не должно выглядеть как полный славянизм *злащенными*. Отсюда такая контаминированная форма, которая, разумеется, отсутствует в переводе и модернизированных вариантах текста.

Группа II.2. показывает сознательную русификацию древнерусского текста и, шире, такое соотношение славянизмов и русизмов, которое вряд ли могло сложиться естественным путем в результате многовекового переписывания и правки древнего произведения.

Наконец, дружные показания переводов (и текстов, называемых переводами) в группе II.3. для словоформ *посвѣчивая, меча, звонячи, аркучи, трепещуть, аще, нужда*, хотя семантически это не всегда оправданно, показывают их непосредственную зависимость друг от друга, а вовсе не от древнерусского текста. Кроме слова *нужда*, огласовка ЖД здесь не участвует.

Итак, по данным чередований ж//жд и ч//щ, время создания рукописи, легшей в основу «Слова», вероятнее отнести к концу

XVIII века, нежели к концу XII века, иначе становятся непонятными мотивы, по которым Ж правилось на ЖД и увеличивалось число огласовок Ч.

ЛИТЕРАТУРА

1. Обнорский С.П. Слово о полку Игореве // Очерки по истории русского литературного языка. М.-Л., 1946. С.132-198.
2. Обнорский С.П. Исследование о языке Миней за ноябрь 1097 года // Изв. Отд. русск. яз. и словесн. Российской академии наук 1924 года. Т. XXIX. Л., 1925. С. 167-226.
3. Слово о пълку Игоревѣ, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова. М., 1800.
4. Демидов Д.Г. и др. Язык и ментальность в русском обществе XVIII века / под ред. В.В. Колесова. СПб., 2013.
5. Национальный корпус русского языка: www.ruscorpora.ru/, дата обращения 1 марта 2014 г.
6. Дмитриев Л.А. История первого издания "Слова о полку Игореве". Мат-лы и исследование. М.-Л., 1960. С. 140-151; 318-325; 337-350.
7. Trost K. Karamzin und das Igorlied. Ein Beitrag zur Kontroverse um die Echtheit des Igorlieds // Anzeiger für Slavische Philologie. Bd. VII, 1974. S.128-145.

Е.А. ЖДАНОВА, Л.В. РАЦИБУРСКАЯ

(Нижний Новгород, Россия)

ПРОБЛЕМА МОРФЕМНОГО СТАТУСА ПРЕПОЗИТИВНЫХ ЧАСТЕЙ МНОГООСНОВНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые многоосновные неологизмы конца XX века, анализируется морфемный статус их препозитивных частей.

Кардинальные преобразования, происходившие в России на рубеже XX – XXI веков, естественно отразились и в русском языке, затронув в том числе его словообразовательный уровень. Как отмечает А.Д. Дуличенко, «под влиянием социальных процессов словообразовательный механизм русского языка в конце XX столетия заработал активнее, многообразнее, чем обычно», в результате чего язык пополнился огромным пластом новых слов [1: 295]. Анализ неологизмов, появившихся в языке в

данный период, позволяет выявить наиболее продуктивные способы словообразования, словообразовательные модели, а также показать заложенные в языке потенции.

Среди неологизмов, вошедших в русский язык в конце XX века и зафиксированных в словаре-справочнике «Новые слова и значения. Словарь справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века» (далее – НСЗ-90) [10], большой процент составляют многоосновные слова, в первую очередь сложные имена – существительные и прилагательные. Однако при анализе способов образования новых композитов, в первую очередь существительных, возникает ряд затруднений, которые связаны с определением морфемного статуса составляющих неологизм элементов. Так, около 700 новых существительных, отмеченных в НСЗ-90, были сконструированы с использованием тех или иных элементов, описательно называемых в словарях «первыми частями сложных слов»: *агроначальник, арт-тусовка, аудиодиск, биотелевизор, зоозащита* и др. В современной дериватологии не существует единого мнения относительно морфемного статуса подобных элементов. Так, в «Русской грамматике» они описательно характеризуются как «повторяющиеся компоненты сложений, сращений, аббревиатур, предшествующие опорному» [12: 761]. Нередко они определяются как разновидность аффиксоидов – «морфем переходного типа, которые занимают промежуточное положение между корнями и аффиксами и обладают признаками тех и других» [9: 32].

Вместе с тем сам термин «аффиксоид» разными исследователями дефинируется по-разному. В энциклопедии «Русский язык» В.В. Лопатин определяет аффиксоид как «компонент сложного или сложносокращенного слова,

повторяющийся с одним и тем же значением в составе ряда слов и приближающийся по своей словообразовательной функции (способность образовывать новые слова с тем же компонентом) к аффиксу» [5: 43]. В.Н. Немченко, подчеркивая, что аффиксоиды – морфемы переходного типа, указывает, вслед за Н.М. Шанским, на семантическую соотносительность аффиксоида с корнем и отмечает, что в качестве аффиксоидов не следует рассматривать единицы, не соотносительные с корневыми морфемами, лишенные «свойственной корню самостоятельности» [7: 63]. Н.А. Янко-Триницкая высказывает противоположную точку зрения: «Если подобные компоненты встречаются в виде самостоятельных слов или даже в виде связанных аффиксами корней в простых словах, то мы имеем право признавать эти компоненты вторыми корнями сложных слов», а об аффиксоидах можно говорить в тех случаях, когда данные компоненты «в функции корня простых слов не встречаются» [13: 356 – 357].

В 2009 году был опубликован словарь «Аффиксоиды русского языка» [3], в котором представлено широкое понимание аффиксоидов: «аффиксоиды являются промежуточным, гибридным – аффиксально-корневым – словообразовательным компонентом сложных слов», при этом аффиксоиды в содержательном плане несут корневую нагрузку, т.е. имеют «материально-предметное, конкретное, вещественное» значение, и не существуют в языке в качестве самостоятельных слов (их основ) [3: 4-5].

Нельзя не сказать и о широко известной точке зрения М.В. Панова, согласно которой единицы типа *кино-*, *авиа-*, *электро-*, *теле-* и мн. др., обладающие свободной

сочетаемостью и семантически стабильные в сочетании с другими единицами, являются аналитическими прилагательными [11].

Оригинальная точка зрения на аффиксоиды и аффиксоидность представлена в работах А.Б. Копелиовича. Исследователь на основании соотнесения морфемного и словообразовательного уровней языка делает вывод о том, что «составляющие композита равны между собой по признаку мотивированности, являясь по отношению друг к другу формантами, определяющими совместно деривационное значение композита, и в то же время оказываются компонентами мотивирующей базы <...>. Именно это явление и составляет суть аффиксоидности. <...> в сложной основе возникает избыточность категориальных признаков слова: наличие двух и более корневых морфем в слове снижает статус корнесодержащих компонентов композита, придавая им служебный характер и уравнивая их в этом отношении с аффиксами. С этой точки зрения любая моно- или полиморфемная основа, участвующая в образовании сложной основы, уже тем самым становится аффиксоидом, уподобляясь аффиксам по его категориальным признакам – формантности, служебности, местоположению в слове» [4: 118].

Таким образом, в зависимости от теоретических установок исследователей к аффиксоидам относят разные языковые единицы. Поэтому, несмотря на общепризнанность аффиксоидов как фактов языка, «нерешенных вопросов, связанных с выделением аффиксоидов <...>, достаточно много» [2: 278].

Среди аффиксоидов традиционно выделяются префиксоиды и суффиксоиды, А.Б. Копелиович предлагает выделять еще и конфиксоиды (например, в словах *самоучка*, *самоделка*) [4].

Одним из ярких признаков аффиксоидов и близких к ним «частотных компонентов сложных слов», весьма востребованным в русском языке конца XX века, является их способность «создавать словообразовательные ряды слов с обобщенной словообразовательной семантикой» [9: 32]. Образование новых слов с использованием аффиксоидов традиционно рассматривается как сложение [7: 66], но ряд исследователей предлагает выделять и такой способ, как аффиксоидация (использование аффиксоидов) [6: 122], внутри которого можно выделить префиксоидацию и суффиксоидацию. Как свидетельствуют данные НСЗ-90, среди многоосновных неологизмов преобладают слова с частотными препозитивными частями. В настоящее время в связи с отсутствием единых критериев аффиксоидов, и в частности префиксоидов, остается актуальной проблема определения способа образования подобных неологизмов: префиксоидация или сложение.

При образовании неологизмов (по данным НСЗ-90) могут использоваться разнообразные префиксоиды, как давно существующие в языке, так и возникшие в последние десятилетия. Например, немало новообразований с такими давно существующими и широко распространенными в русском языке элементами греко-латинского происхождения, как *авиа-* (*авиасмотрины, авиауслуги*); *авто-* (*автоугон, автофедерация*); *агро-* (*агротуризм, агрочиновник*); *био-* (*биобезопасность, биойогурт*); *видео-* (*видеоновинка, видеоноситель*); *гидро-* (*гидроавиатор, гидрованна*); *зоо-* (*зоозащита, зооиндустрия*) и др. В то же время весьма частотными оказываются и новообразования с относительно недавно появившимися препозитивными элементами (не все из которых однозначно

признаются исследователями как префиксоиды): *арт-* – в значении ‘художественный’ (*арт-сцена*); *бизнес-* (*бизнес-встреча*; *бизнес-дисциплина*); *бифидо-* (*бифидойогурт*; *бифидопродукты*; *бифидосметана*); *веб-* (*web-*) (*веб-представительство*; *веб-устройство*); *ВИЧ-* (*ВИЧ-диагностика*; *ВИЧ-тест*); *долби-* (*долби-звук*; *долби-кинотеатр*); *допинг-* (*допинг-лаборатория*; *допинг-проба*); *интернет-* (*интернет-класс*; *интернет-пресса*); *китч-* (*кич-*) (*кич-художник*) и др. Всего же в составе неологизмов, зафиксированных только в первом томе НСЗ-90 (буквы А-К), обнаруживается около 60 морфем, которые интерпретируются как «первые части сложных слов». При этом в указанном выше словаре аффиксоидов русского языка, а также в некоторых других работах как префиксоиды не рассматриваются части *бизнес-*, *долби-*, *допинг-*, *интернет-*, *кич-*.

В конце XX века префиксоиды проявляют разную активность в словообразовании. Так, например, весьма частотный в предшествующие эпохи элемент *агит-* (более 10 образований в НСЗ-70, среди которых *агитперелет*, *агитплакат*, *агитрейс*, *агиттеатр* и др.) в 90-е годы XX века оказывается почти не задействованным при словопроизводстве (в НСЗ-90, в отличие от НСЗ-70, отмечено всего два новообразования с данным элементом: *агитклип* и *агитролик*). В то же время зафиксированные в НСЗ-90 как новые «первые части сложных слов» (например, *веб-*; *вип-*; *евро-* и др. – всего около 30) начинают активно употребляться в новых словах (*веб-обозреватель*; *веб-представительство*; *веб-устройство*; *вип-зал*; *вип-клиент*; *вип-клуб*; *евромода*; *евроремонт*; *евротур* и др.).

По данным НСЗ-90, среди препозитивных корневых элементов в конце XX века чаще всего используются *бизнес-* (с этим элементом отмечено более 100 неологизмов); *кино-* (около 90 неологизмов, причем в НСЗ-90 отмечаются также новообразования, в которых элемент *кино-* сочетается с другими префиксоидами: *киновидео-* (*киновидеоклипы; киновидеокомпания; киновидеообслуживание* и др.) и *кинотеле-* (*кинотелепавильон; кинотелесериал* и др.); *интернет-* (около 60 неологизмов); а среди префиксоидов наиболее частотны *видео-* (около 70 неологизмов); *евро-* (около 30 неологизмов).

При этом активизацию разного рода препозитивных элементов, относящихся к одной тематической группе, нередко можно объяснить экстралингвистическими факторами: так, переход к рыночной экономике, стимулирование предпринимательской деятельности и, как следствие, появление связанных с такой деятельностью новых реалий привело к возникновению (путем заимствования или словообразования) огромного числа неологизмов с частью *бизнес-* (*бизнес-адвокат; бизнес-бомонд; бизнес-городок; бизнес-десант; бизнес-контора; бизнес-ликбез* и мн. др.). Развитие информационных технологий также отразилось на морфемном и лексическом фонде русского языка: появился целый ряд начальных элементов, которые последовательно используются в новых словах указанной тематической группы: *веб-*; *интернет-*; *интранет-*; *кибер-* (*веб-устройство; интернет-агентство; интернет-класс; интранет-версия; интранет-сеть; кибер-война; кибер-кафе*).

С точки зрения происхождения большинство анализируемых элементов – иноязычные, среди которых можно выделить элементы, традиционно рассматривающиеся как

интернационализмы и восходящие к греко-латинским корням, а также недавние заимствования, преимущественно из английского языка (такие, как *веб-; интернет-; ИТ- (IT-); кантри-; киллер- и др.*). Исконно русских префиксоидов, используемых при производстве новых слов в русском языке конца XX – начала XXI веков, отмечено немного: это элемент *все-* (*всеотзывчивость*) и новый препозитивный элемент *КВН-* (*КВН-архив; КВН-газета*). Доминирование иноязычных элементов при образовании новых слов объясняется тем, что в количественном отношении иноязычные префиксоиды представлены гораздо шире, чем исконно русские.

То, что многие препозитивные элементы являются иноязычными, вызывает существенные затруднения при трактовке неологизмов, имеющих такие элементы в своей структуре. Так, в НСЗ-90 многие слова с начальными частями *бизнес-; веб- (вэб-; www-; web-); ВИП- (VIP-); евро-; интернет-; ИТ- (IT-)* и др. определяются авторами словаря как заимствования (в т.ч. кальки и полукальки) из английского языка: *бизнес-форум; бизнес-школа; бизнес-элита; бизнес-этикет* (от англ. business forum; business school; business elite; business etiquette); *веб-камера* (от англ. WebCam); *ВИП-зал; ВИП-зона* (от англ. VIP room; VIP-zone); *евромода; евромонета; евроокно* (от англ. euro mode; euro coin; eurowindow); *интернет-гуру; интернет-дизайнер* (от англ. Internet Guru; Internet designer); *ИТ-компания; ИТ-менеджер* (от англ. IT company; IT manager) и др.

В то же время некоторые из неологизмов, подобных по структуре рассмотренным выше (например, *бизнес-дело; ВИП-персона*), являются уже исконно русскими образованиями. Вместе с тем нельзя исключать, что неологизмы могут возникнуть в

русском и английском языках параллельно, независимо друг от друга. Авторы НСЗ-90 учитывают возможность двойкой трактовки, поэтому в словообразовательной справке указывают оба возможных пути возникновения нового слова.

Таким образом, в русском языке конца XX – начала XXI веков появляются не только отдельные заимствования-композиции, но и новая словообразовательная модель: «под влиянием английского языка в деривационной системе русского языка укрепляются модели, представленные агглютинативными структурами с препозитивной постановкой несогласованного определения»: *бизнес-сообщество, бизнес-виза, бизнес-отношения, бизнес-опека, бизнес-элита; интернет-класс, интернет-клуб; секс-торговля; шорт-лист; шоу-бизнес, шоу-группа* и под. [8: 38]. В других словах-неологизмах препозитивный элемент, благодаря его свободной сочетаемости с разными основами и словообразовательной активности, можно рассматривать как морфему переходного типа, т.е. как префиксоид. При этом тип неологизмов – заимствование или словообразовательный неологизм – не влияет на статус препозитивного элемента: независимо от его происхождения рассмотренные новые слова в русском языке либо оказываются композициями, либо относятся к префиксоидации.

Анализ многоосновных неологизмов, появившихся в русском языке на рубеже XX – XXI веков, еще раз подтверждает тезис Н.А. Янко-Триницкой о том, что в языке нередки пограничные случаи, когда однозначно квалифицировать языковую единицу нелегко: «между словосочетанием и сложным словом, а также между сложным словом и простым словом есть много переходных случаев, как например, между словосочетанием с приложением и

сложным словом из двух существительных без соединительной гласной, а также между сложным словом и простым словом с суффиксоидом или префиксоидом» [13: 375].

ЛИТЕРАТУРА

1. Дуличенко А.Д. Русский язык конца XX столетия. Munchen: Sagner, 1994. 347 с.
2. Зеленин А.В. Аффиксоиды и проблемы их лексикографирования // АСТА LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды института лингвистических исследований РАН. СПб.: Наука, 2012. Т. VIII. Ч.3. С. 273 – 284.
3. Козулина Н.А., Левашов Е.А., Шагалова Е.Н. Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника. СПб.: Нестор-История, 2009. 288 с.
4. Копелиович А.Б. Аффиксоиды и аффиксоидность // Активные процессы в современном русском языке: Сборник научных трудов, посвященный 80-летию со дня рождения профессора В.Н. Немченко. Нижний Новгород: Издатель Ю.А. Николаев, 2008. С 115 – 119.
5. Лопатин В.В. Аффиксоид // Русский язык: Энциклопедия. М. : Дрофа, 2007. 703 с.
6. Маринова Е.В. Так говорили в 90-е... Размышления над страницами нового словаря // Русская речь. 2011 №5. С. 118 – 125.
7. Немченко В.Н. Современный русский язык. Морфемика и словообразование. Нижний Новгород, 1994. 296 с.
8. Нецименко Г.П. Заимствования vs. интернационализмы в современной вербальной коммуникации // Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich. Siedlce, 2009. С. 29-41.
9. Николина Н.А., Рацибурская Л.В. Современный русский язык. Морфемика. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 144 с.
10. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: В 2 т. Т. 1. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2009. 815 с.
11. Панов М.В. Об аналитических прилагательных // Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т.1. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 137 – 150.
12. Русская грамматика. Т.1. М.: Наука, 1980. 783 с.
13. Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке. М.: Индрик, 2001. 504 с.

Т.П. ЖЕЛОНКИНА (*Калининград, Россия*)

НЕПРЯМОЙ ОТВЕТ НА ВОПРОС

Аннотация. Непрямой ответ на заданный вопрос имеет различные средства выражения. Используя их, коммуниканты реализуют возможность уклончиво и неопределенно ответить на заданный вопрос и соблюсти социальные нормы, принятые в британском обществе. В статье иллюстрируются различные коммуникативные барьеры, используемые говорящими, чтобы ответить уклончиво, не нарушая норм морали.

Социолингвистический аспект приобретает все большую значимость в овладении культурной компетенцией. Речевое

поведение, понимание его особенностей является неотъемлемым компонентом языковой и культурной компетенции. Коммуникативное поведение наглядно иллюстрирует особенности менталитета нации. Так, жителям Британских островов одно из правил речевого этикета предписывает, что в разговоре им следует быть сдержанными, особенно в выражении мнений, оценок, эмоций. А уклончивый ответ – не прямой ответ на вопрос, поможет им избежать нежелательного ответа и сохранить при этом свое лицо. Об этой особенности речевого поведения англичан энциклопедия этикета говорит:

“Most British are masters of understatement and do not use effusive language. If anything, they have a marked tendency to use ‘qualifiers’ such as ‘perhaps’, ‘possibly’ or ‘it could be’ [5] “. – Большинство англичан мастерски используют замалчивание, недосказ и не используют язык излишеств. Во всяком случае для них характерна тенденция использовать в речи такие «слова-уточнители», как «возможно», «быть может», «могло бы быть так». (перевод цитаты выполнен автором статьи).

Непрямой ответ на вопрос привлекал внимание исследователей. В частности, в работе М.Ю. Рябовой и Л.Б. Головаш описывается тактика повторов и переспросов как стратегия уклонения от ответа на вопрос [4: 182]. Л.Б. Гнездилова рассматривает тактику обобщения, к которой прибегает коммуникант, не желая отвечать на вопрос [2: 63].

В данной статье предпринимается попытка проанализировать непрямой ответ на вопрос как косвенную форму речевого взаимодействия, и рассмотреть уклончивый ответ на вопрос как проявление неопределенности. Источником

примеров, анализируемых в статье, послужили произведения С.Моэма.

Существуют различные толкования термина «уклонение от прямого ответа на вопрос», и в каждом выводятся на первый план те аспекты, которые лингвист считает наиболее значимыми. Например, Дж. Лакофф определяет данное понятие следующим образом: «Использование слов, значение которых имплицитно затрагивает нечеткость слов, чья функция заключается в создании разной степени неточности» [6: 195].

А.Н. Баранов считает, что уклончивый ответ – это коммуникативный прием, «имеющий множество средств языкового выражения и имеющий целью ограничить ответственность говорящего за сказанное». [1: 89]

А.П. Марюхин рассматривает это явление как «процесс, посредством которого говорящий смягчает свое утверждение, чтобы уменьшить негативное воздействие на собеседника или впечатление о себе самом» [3: 120]. Проанализировав приведенные дефиниции, далее в работе, вслед за вышеупомянутыми авторами, будем использовать следующее определение: уклончивость – это коммуникативный прием, к которому прибегает говорящий при необходимости и с целью избежать прямого ответа и снять с себя ответственность за произнесенные слова, и целью минимизировать последствия неверной интерпретации сказанного. Анализ собранных примеров обнаруживает, что говорящий прибегает к использованию различных коммуникативных барьеров, чтобы минимизировать возможные последствия своего ответа.

Наиболее распространенным средством смягчения ответа в непрямом ответе на вопрос является использование глаголов мыслительной деятельности. Напр., глагол *suppose*.

I suppose Michael will be getting home presently?

I suppose so.

Джулия Ламберт соглашается с предположением Тома о скором возврате ее мужа. Она не уверена в данном факте полностью, однако из вежливости допускает правоту Тома.

Must you do that?

I think so. And there's a lot I want to do.

Джеймс рассказывает матери о своем намерении купить свадебный костюм. На вопрос матери, так ли это обязательно, учитывая его состояние здоровья, Джеймс использует глагол *think* для смягчения категоричности ответа, вежливо объясняя, что его поездка в город необходима.

Do you like him?

I don't think I do very much. He irritates me a little.

Отец Китти интересуется, какие чувства она испытывает к Уолтеру. Смягчая категоричность своего ответа, Китти уводит разговор в сторону, отшучиваясь, подчеркивая несерьезность своего характера.

Уклончивый ответ может часто быть выражен отрицательным предложением.

D'you mean to say they're worth nothing at all?

Oh, I don't say that. Of course they're worth something, but you see, nobody's buying them now

Беседа идет об акциях золотого прииска. Макалистер сообщает Филиппу новость о том, что их доли/ акции обесценились из-за начавшейся войны. Пытаясь преподнести

новость в более выгодном свете, Макалистер снижает категоричность ответа, пытаясь успокоить Филиппа заверением, что сейчас никто не покупает акции.

Do you think he doesn't love me?

I don't know. I don't know if you fill him with such a repulsion that it gives him goose-flesh to be near you or if he's burning with a love that for some reason he will not allow himself to show.

Уоддингтон уклончиво отвечает на вопрос; однако с высокой долей искренности говорит Китти о том, какими он видит их семейные отношения с Уолтером.

Одним из средств придания уклончивому ответу еще большей степени неопределенности является использование пословиц, идиом, которые воспринимаются как несущие обобщающий смысл, как поучение, совет.

Do you want me to tell him today?

They say there is no time like the present.

Непрямой ответ выражен пословицей, идиоматически. У.Фейн отвечает жене таким образом, чтобы не навязывать Китти своего мнения, но в то же время показать, что ему хочется, чтобы она поговорила с Ч.Таунсендом именно сегодня.

How long do you think I can last?

Who knows? Sometimes the disease continues for twenty years. It is a mercy when it runs its course quickly.

Доктор Куртас сообщает художнику Стрикланду о том, что у художника проказа. Не давая точного ответа на вопрос о том, сколько осталось жить художнику, доктор, не будучи уверен в точном сроке, прибегает в ответе к неопределенности. Таким образом он снимает с себя ответственность за теоретически неверные прогнозы и дает Стрикланду понять, что болезнь

протекает тяжело, приносит много мучений, и смерть принесет избавление от страданий.

Is anything the matter?

Something dreadful has happened, There's been an accident. Your husband's been wounded.

Рассказчик, узнав об убийстве мистера Бронсона – мужа миссис Бронсон – вынужден сообщить ей эту трагическую новость. Он не может сказать ей о смерти мужа и прибегает к уклончивости, т.к. решает морально подготовить миссис Бронсон к такой трагической новости.

Is he dying?

I only know the message Colonel Yu gave to this officer who came and fetched me. As far as I can judge collapse has set in.

Конструкция «I only know» снижает категоричность сообщения Уодингтона. Еще менее категоричным делает его ответ личное мнение, выраженное оборотом «as far as I can judge». Такие обороты речи позволяют избежать в высказывании определенности и прямолинейности, способных привести коммуникантов к конфликту мнений.

В жизни часто приходится быть в ситуации, где они сталкиваются с необходимостью подчиниться чьей-то воле или передать ответственность за решение проблемы другому человеку. В таких ситуациях не прямой ответ используется как способ избежать ответственности. Довольно распространенным способом в проанализированном художественном материале является использование конструкции «if you like», которая, помимо значения уклонения от ответственности за сказанное, обладает дополнительным значением безразличия к дальнейшим действиям.

Only three more whole days. We'll go over by the eleven o'clock, shall we?

If you like.

Милдред оставляет последнее слово за Филиппом, предоставляет ему решение вопросов связанных с их поездкой. Она не намерена брать на себя ответственность за сроки поездки, у нее нет каких-то предпочтений, поэтому она оставляет последнее слово за Филиппом.

I'd like to go out for a bit. Couldn't we take a ride on the top of a tram?

If you like.

Своим уклончивым ответом Филипп демонстрирует безразличие к дальнейшему развитию событий, он возлагает всю ответственность на планирование событий дальнейшего вечера на Нору, но готов исполнить желание Норы.

Let's sit here for a bit, shall we?

If you like.

Уклончивостью Филипп показывает свою готовность согласиться с решением собеседника. Этим же он переносит ответственность за дальнейшие действия на собеседника.

Условное предложение *if you like* не единственная разновидность, используемая в уклончивом ответе на прямой вопрос.

"Don't you wish you were going to Paris instead of London?" asked Miss Wilkinson, smiling at his enthusiasm.

"It's too late now even if I did" he answered.

Филипп прибегает в своем ответе к уклончивости, отрицая возможность путешествия в Париж, скрывая от мисс Вилкинсон

свои предпочтения. Он снимает с себя теоретически возможную ответственность за выбор города, в котором проведет лето.

Удивленный вопросом, как его зовут, Уолтер отвечает вопросом:

Do you mean to say you don't know it? I was introduced to you.

Oh, but people always mumble. I shouldn't be at all surprised if you hadn't the ghost of an idea what mine was.

Китти уклоняется от ответа, так как не желает обидеть Уолтера тем, что упустила из памяти момент их знакомства. Она забыла его фамилию и пытается перенести ответственность на невнятную речь того, кто их познакомил.

Средства реализации способов уклонения от прямого ответа многообразны.

Will you do something for me?

That depends what it is.

Отвечающий не желает давать обещание об оказании услуги, не зная, что же он должен будет сделать. Он не склонен брать на себя ответственность за то, чего он ещё не знает. Поэтому вынужден уйти от прямого ответа.

Have you asked her to marry you?

How could I? A damned rotter like me.

Самоуничужение (damned rotter) является средством ответа на вопрос.

Роджер не отвечает на вопрос прямо, однако косвенно дает понять, что уверен в отказе. Он не желает быть ответственным за последствия своего предложения о женитьбе, ведь данное предложение лишь испортило бы его отношения с девушкой.

Указание на несвоевременность момента – еще один способ уклониться от ответа.

We shall have to be thinking of wedding soon, I suppose?

It's rather early to think of that yet.

Перенос ответственности на другое лицо

Is he in love with you?

He shows no sign of it.

Китти не может дать точного ответа на вопрос. Она не уверена, что Уолтер влюблен в неё. Поэтому она прибегает к уклончивости с целью снять с себя ответственность за вероятно ошибочное утверждение.

Мужчина спрашивает своего друга

And is she in love with you?

She says so.

Гарри не уверен в искренности чувств девушки. Он только передает ее слова, не желая в случае ее отказа выйти за него замуж, попасть в неловкое положение. И он предпочитает не утверждать уверенно о взаимности чувств. Тем самым он снимает с себя ответственность за возможно неверную интерпретацию ситуации с Дейзи.

Пытаясь уйти от прямого ответа на вопрос коммуниканты прибегают к иронии.

Do you believe I love you?

In your way.

Оборот «in your way» придает уклончивости оттенок иронии. Это помогает Джулии скрыть свое скептическое отношение к его вопросу.

I think you're rather hard on me. Looking back calmly, don't you honestly think I was right?

From your standpoint.

Жена прибегает к иронии, отвечая на вопрос мужа.

«Did I wake you?», he asked as he entered.

In point of fact you did.

Кити отвечает Уолтеру с ироничным упреком.

Таким образом, руководствуясь стремлением сохранить хорошие межличностные отношения с задающим вопрос, потребностью расположить к себе собеседника, а также стремлением уклониться от ответа на неэтичный с точки зрения социальных норм и морали британского общества вопрос и стремлением избегать категоричности, не приемлемой в культуре англоговорящего социума, коммуниканты используют в общении различные структуры, прибегая в ответе на вопрос к неопределенности.

Такая манера языкового поведения современна и в наши дни. В теледебатах на канале Евроньюз (февраль 2014 г.) на вопрос ведущего к политику, участвующему в этих дебатах «А Вы – за введение войск в Африку?» (Речь шла о событиях в Центральной Африканской республике.) политик отвечает: «Я не думаю, что это – правильный выбор». Политик прямо не высказал своей точки зрения, но смог дипломатично выразить свое отрицательное отношение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. М., 1996. С. 48
2. Гнездилова Л.Б. Тактика обобщения как способ уклонения коммуниканта от прямого ответа // Научно-методический электронный журнал «Концепт». Киров, 2013. № 14. С. 61-65.
3. Марюхин А.П. Активные семантические процессы в коммуникации общения: не прямое говорение // Критика и семиотика. М., 2008. Вып. 12. С.117-125
4. Рябова Л.Ю., Головаш М.Б. Тактика повторов и переспросов как прием стратегии уклонения от прямого ответа // Вестник КемГУ, 2008. № 2. С.183-188.
5. <http://www.kwintessential.co.uk/resources/global-etiquette/uk.html>
6. Lakoff G. Conceptual metaphor . Cognitive Linguistics: Basic Readings. ed. by D. Geeraerts. Mouton Press, 2006. P.185-238

ИСТОЧНИК иллюстративного материала – произведения С. Моэма:

Maugham W.S. Daisy. [Электронный ресурс] URL.: <http://www.readbookonline.net/readOnLine/42581/> (дата обращения: 03.05.2014).

Maugham W.S. East of Suez. [Электронный ресурс] URL.: <http://www.bookmate.com/books/VbdQKUYo> (дата обращения: 10.05.2014)

Maugham W.S. Trembling leaf. [Электронный ресурс] URL.: <http://www.bookmate.com/r#d=crNsr7Vd> (дата обращения: 14.04.2014)

Maugham W.S. Theatre [Электронный ресурс] URL.: <http://www.e-readinglib.org/book.php?book=127593> (дата обращения: 29.04.2014). 33

Maugham W.S. The hero. [Электронный ресурс] URL.: <http://www.bookmate.com/r#d=QhsllrCB> (дата обращения: 27.04.2014)

Л.Г. ЗУБКОВА (Москва, Россия)

ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ И КАТЕГОРИИ В СВЕТЕ СУЩНОСТНЫХ СВОЙСТВ ЯЗЫКА И СИСТЕМНЫХ ПРИНЦИПОВ

Посвящается

*профессору Августу Борисовичу Копелиовичу,
энтузиасту изучения языковых единиц и категорий*

Аннотация. В статье обобщены некоторые выводы из предыдущих авторских работ [2; 3]. Автор стремится привлечь внимание к тем сущностным свойствам языка и системным принципам, которые влияют на языковые единицы и категории и выявляются в них.

В характеристике языковых единиц и категорий необходимо опираться на **сущностные свойства языка** как знаковой системы. К ним относятся:

- **знаковость (символичность)**, которая в характеризующих знаках (собственно-знаменательных словах) с более или менее осознаваемой внутренней формой обладает свойствами намека на означаемое содержание;
- **членение**, глубина которого в языковом целом отражает степень завершенности процесса знаковой символизации и соответственно степень автономности уровнеобразующих

значащих единиц — предложения, слова, морфемы — в их соотношении друг с другом;

- **категоризация**, от способа осуществления которой — внутри слова или применительно к его положению в предложении — зависят состав и специфика общих и частных грамматических категорий и в целом соотношение *лексического* и *грамматического* в данном языке;

- **иерархия** в членении и категоризации, обуславливающая **многомерность** иерархически связанных языковых единиц.

Сущностные свойства языка как посредника между миром внешних явлений и внутренним миром человека [1: 304] формируются по мере становления языковой системы, когда **во взаимодействии со средой**, представленной тремя надсистемами — *физической, социальной и психической*, язык вырабатывает свои функции. В зависимости от духовного устремления народа взаимодействие со средой принимает разные формы. В одних языках, согласно В. Гумбольдту, имеет место перевес внешнего влияния, в других преобладает внутренняя самостоятельность [1: 67]. Соответственно меняется иерархия языковых функций.

Система (в том числе языковая) включает в себя, с одной стороны, **элементы / единицы** и соответствующие им **уровни / подсистемы**, а с другой — соединяющие их **связи и отношения**, которые, обуславливая *качества и свойства* объекта, образуют в совокупности его **структуру**. Через посредство сети связей и отношений осуществляется членение языкового целого, выделяются те или иные единицы и происходит их категоризация.

Благодаря структурным связям и отношениям как целое, так и его части обретают специфические — *системоприобретенные* — качества и свойства, отсутствующие у обособленных частей. Тем самым связи и отношения придают целому *целостность*, а составляющим его частям — *значимость*.

Целостность означает внутреннее единство объекта. Для создания внутренней целостности языка в силу его знаковой природы особенно важны *отношения взаимозависимости* между двумя планами — *содержания* и *выражения*, образующими такое единство, в котором содержательная сторона является определяющей, но и формальная сторона отнюдь не пассивна. Их взаимодействие обуславливает скоординированность парадигматики и синтагматики означающих средств выражения с означаемым содержанием.

Огромную роль в обеспечении целостности языковой системы играют *отношения между единицами языка*, из них в первую очередь *иерархические отношения между единицами разных уровней*, обуславливающие наряду с грамматической категоризацией многомерность единиц каждого данного уровня постольку, поскольку они связаны интегративными отношениями с единицами высшего уровня, конститутивными отношениями с единицами низшего уровня, синтагматическими и парадигматическими отношениями с единицами того же уровня. К тому же отношения одноуровневых единиц осуществляются в составе единиц высшего уровня, причем так, что между парадигматикой и синтагматикой обнаруживаются, согласно Ю.С. Степанову, взаимодополнительные градуальные соотношения [5: 258–260]. Иерархические отношения между единицами дополняются категориально-иерархическими связями.

Следствием системных связей и отношений является зависимость языковых единиц и категорий от их положения и функций внутри целого и несводимость свойств последнего к сумме свойств составляющих. И то и другое указывает на целостность языковой системы.

В каждом языке его целостность имеет свою специфику, которая определяется **детерминантными свойствами**, проходящими через всю систему, а именно — **глубиной иерархического членения** и положением языка на шкале **лексичности / грамматичности** в соответствии с **характером грамматической категоризации**. Неодинаковая значимость тех или иных категориальных различий, включая частеречные, характеризует типологическое своеобразие данного языкового целого как следствие его детерминантных свойств.

В результате названных взаимосвязей в составе единого целого языковые единицы приобретают (со)относительные, реляционные свойства и получают различную **значимость** в зависимости от тех противопоставлений, в которых эти единицы участвуют, от тех позиций, в которых они выступают, от места в системе, в схеме форм. Значимость является не только существенным показателем целостности структурной организации языка, но и важнейшим системным фактором, способствующим оформлению и выделению языковых элементов на основе их относительных свойств.

Кроме общих с другими системами **принципов взаимозависимости со средой, структурности, иерархичности, целостности** [6: 584–585], для языка как системного объекта существенны, по крайней мере еще два принципа, проистекающие из типологии систем.

Во-первых, это **принцип развития**, поскольку язык принадлежит к саморазвивающимся системам.

Во-вторых, это **принцип знака**, ибо язык является знаковой системой, в которой осуществляется фундаментальное *отношение идеального и материального*. Именно это отношение вносит основополагающий вклад в создание целостности языка благодаря взаимосвязанному членению мыслительной и звуковой сфер.

Принцип знака в языке как посреднике между внешним миром и внутренним миром человека воплощается в **принципе двойного означивания** — *семиотического* (в слове) и *семантического* (в предложении).

Поскольку язык по своему строению представляет собой систему двусторонних знаков разных уровней (морфем, слов, предложений и, наконец, текстов), которая характеризуется двойным означиванием, постольку о его системности и типологическом своеобразии можно судить:

а) по значимости и степени самостоятельности низших значащих единиц по отношению к высшим в зависимости от глубины иерархического членения языкового целого;

б) по соотношению способов двойного означивания со способами грамматической категоризации;

в) по степени целостности языкового целого, которая раскрывается в соотношении плана содержания с планом выражения и в самом принципе знака — в степени согласованности между означаемым и означающим в различных типах языковых знаков.

В условиях *последовательной* грамматической категоризации, требующей для своей реализации

сосуществования *разных* грамматических тенденций, в языке вырабатывается более последовательное различение основных классов словесных знаков в соответствии со степенью их лексичности / грамматичности, конкретности / абстрактности. Поэтому во флективных языках, например в русском, принцип знака осуществляется с большей определенностью, так что в категориально-иерархической организации языкового целого выделяемые категории словесных знаков отчетливее различаются не только функционально и семантически, но также своей внешней формой.

Эти категории выстраиваются в определенную иерархию, которую возглавляют семиологические классы слов — **называющие** и **неназывающие знаки**.

Далее называющие знаки, определяющиеся как *собственно-знаменательные слова*, разделяются на **идентифицирующие** и **предицирующие знаки**, т. е. *предметные* и *признаковые слова*, а неназывающие — на **дейктические** и **связочные знаки**, т. е. *указательно-заместительные слова (местоимения)* и *служебные слова*.

Предметные и признаковые слова, выполняющие функции идентификации и предикации, образуют базовые **части речи**, как то: *существительные* с присущим им значением предметности, и различающиеся по характеру признака (непроцессуального и процессуального) *прилагательные*, и *глаголы*.

В составе определенной части речи различия в плане выражения характеризуют, в частности, выделяющиеся на разных функционально-семантических основаниях *лексико-грамматические разряды*; *морфологические категории*;

семасиологические и ономасиологические лексико-семантические категории (полисемии / омонимии и синонимии, антонимии), связанные отношением интерпретации.

Особое место в системе словесных знаков занимают *непроизводные слова и дериваты разных ступеней мотивированности*.

Соотнесенность членения мыслительной и звуковой материи, о чем писали В. фон Гумбольдт [1: 317] и Ф. де Соссюр [4: 144–145], через посредство грамматического строя, его категориально-иерархическую организацию обуславливает системную мотивированность знака в целом и каждой из его сторон в отдельности. Вскрытые механизмы корреляции между означаемой и означающей сторонами — и в отдельных языковых знаках, и в системе в целом — указывают на их *согласованность* друг с другом в силу того, что «духовное начало должно по мере возможности вступать в согласие с противоположным ему природным началом» [1: 89]. А «так как язык одновременно есть и отражение и знак» [1: 320], то «...должно существовать свободное соответствие между основными формами, исходно господствующими в сфере духа, и основными формами внешнего мира» [1: 305]. В результате ведущей стороной в достижении согласованности между означаемым и означающим знака выступает отражательная в своей основе содержательная сторона, которую В. Гумбольдт называл «естественным исходным началом».

Следовательно, язык — это не просто система знаков. В свете таких сущностных свойств языкового целого, как членение, категоризация, иерархия (в членении и категоризации), *язык по своей внутренней организации есть категориально-*

иерархическая система знаков. Любой знак (включая и непроизводный словесный знак, считающийся словообразовательно немотивированным) представляет собой *коррелят* той системы, членом которой он является. Поэтому **языковой знак** есть **системно мотивированная двусторонняя сущность.**

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
2. Зубкова Л.Г. Принцип знака в системе языка. М., 2010.
3. Зубкова Л.Г. Эволюция представлений о Языке (в печати).
4. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
5. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М., 1975.
6. Философский энциклопедический словарь. М., 1989.

И.И. ИСАЕВ (Москва, Россия)

АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ¹

Начинающие исследователи-диалектологи часто встают лицом к лицу перед вопросом: что и как описывать в структуре диалектного языка? Это полезные сомнения: неверно выбранное направление или метод работы могут значительно снизить ценность выполняемого труда, могут даже превратить работу в бессмысленную «квалификационную», плохо констатирующую то, что было установлено для выбранных говоров уже вчера. Один из самых распространенных примеров таких методических ошибок – описание одного из говоров центра Европейской части России, выполненное по шаблону «все уровни и ярусы языка понемногу». Ошибочность такого подхода заключается в позавчерашнем

---

¹ Грант РГНФ № 14-04-18029 е «Диалектологические исследования центра Европейской части России и восточнославянского пограничья»

интересе науки к этой проблеме. Аспирант или научный руководитель, изучивший литературу по русской диалектологии, приходит к выводу, что большое количество работ, построенных по такому принципу, является верным свидетельством перспективности темы исследования. Вне всяких сомнений, полноценное и полное описание диалектной системы является насущной необходимостью науки, но при этом выпускается из виду важное обстоятельство: глубина исследования и задачи выполняемой работы.

Еще до создания Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ) [1] существовала генеральная потребность русистики в создании типологической классификации русских говоров. Именно в этот период времени формировалось представление о структуре диалектного языка и об отдельных диалектных особенностях типологически различных говоров. С этой локальной задачей диалектологи успешно справлялись до появления современной диалектологической карты в 1964 году [2] и монографии К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой [3]. К сожалению, количество широких описательных работ и сегодня надо признать недостаточным, однако дальнейшее создание таких работ для говоров на территории, охваченной ДАРЯ, является непродуктивным именно потому, что такая работа направлена на вскрытие типологических черт говора. ДАРЯ, несмотря на некоторые существенные недостатки, такую работу выполнил.

Благодаря данным Атласа, современные диалектологи, собираясь в экспедицию, достаточно хорошо представляют тип говора, который их ждет, и также представляют сложные моменты в системе говора.

Чрезвычайно обидно, когда работа, отнявшая много сил и времени, остается в рамках квалификационного исследования, обнаруживающего только лишь знания, навыки научного труда и умения диалектолога. Усилия должны приносить пользу науке.

Попытке решения этого вопроса посвящена предлагаемая вниманию читателя статья. Она не претендует на полный обхват проблем, но обозначает круг задач, которые необходимо решить именно сейчас.

Следует обратить внимание, что лингвистические проблемы для территорий, картографированных в атласах, и проблемы говоров, не имеющих лингвистического картографирования, могут не совпадать. Различными также являются подходы к изучению говоров на территории постоянного проживания русских и подходы к изучению русских говоров в условиях межъязыковых контактов.

I.

«Чувствую, что теперь буду постоянно ездить по России: это моя задача и обязанность, в особенности, когда видишь, как гибнут особенности русских говоров».
Из письма А.А. Шахматова Ф.Ф. Фортунатову, 27 июля 1895 г.

Если не знать авторство этого текста и времени его создания, то фрагмент письма А.А. Шахматова можно было бы перенести в любое исторически близкое время. Этот текст был последовательно современным в годы Первой мировой войны, революции и гражданской войны. Уходили традиционные пласты культуры, уходили носители «крестьянской речи». Иногда буквально: уходили на войну. Уже в начале этой цепочки была очевидной необходимость фиксации особенностей диалектной речи и обобщения имеющейся информации.

Просматривая выпуски «Губернских ведомостей» за вторую половину XIX в. часто можно видеть названия статей и заметок, выполненных по схеме «Обряд празднования ... у крестьян ... уезда ... губернии с приложением списка местных слов». Этот интерес к жизни деревни являлся отзвуком событий, подготовленных либеральной общественностью, возросшим интересом образованной части общества к традициям, культуре и языку крестьянства, отзвуком начавшегося процесса раскрепощения крестьян, который продлится почти сто лет.

После Великой Отечественной войны задача сбора диалектного материала и экспедиционных диалектологических исследований оказалась еще более востребованной и срочной. В архивах Диалектологического атласа русского языка, в комплектах конца 40-х годов по Северо-Западному тому, например, можно прочесть, что деревни на месте нет, материал собирался на новых территориях среди тех, кто вернулся на родную землю.

В позднее советское время диалектологам открылась новая опасность – массовый исход сельского населения в районные и областные города, который продолжается и сейчас. Уезжали дети и внуки тех, кто строил колхозы и тех, кто встраивался в колхозы. Современная деревня сжимается из-за того, что почти не рождаются дети, из-за того, что укрупняются или вовсе закрываются сельские школы. Учителя теряют профессию, работая сторожами и библиотекарями в своих деревнях. Закрытые школы со временем закрывают и деревню. Открыть закрытую школу почти невозможно.

Исчезает диалектный материал? Да. Совсем? Нет.

Когда я начинал работу диалектолога на первом курсе университета, то беседовал с людьми 1900-х годов рождения. Это

был особый пласт информантов и материала! Тогда казалось, что с ними уйдет буквально всё. Позже основной языковой материал получался от людей 1910-х годов, потом 1920-х, а сейчас мы работаем с собеседниками 1930-1940-х годов рождения в качестве представителей архаического слоя говора. Материал есть, но материал естественным образом эволюционирует.

II.

Если следовать предложенной логике, то актуальность исследований кажется стабильной, неизменной, насущной. Действительно, актуальность работы не изменилась. Стали другими подходы к решению специфических задач русской диалектологии. Изменение списка задач связано с развитием лингвистической географии.

Эпоха собирателей диалектных явлений связана прежде всего с именем В.И. Даля. Колоссальный по объему и значению словарь стал безусловным «оправданием» диалектологии как науки в глазах общественности на многие годы вперед. Популяризация *областных* исследований русского языка также связана с именем Даля.

Тем не менее стоит понимать, что в это же время, с 1880-х годов, ведется и систематическая научная работа по сбору диалектного материала по лингвистическим программам (например, [4]) и описание говоров в виде очерков. Очерковая традиция в диалектологии отразилась, в частности, в одноименных трудах «Очерки русской диалектологии» А.И. Соболевского (1892) и Р.И. Аванесова (1949), разнесенных во времени более чем в полвека.

Перед исследователями конца XIX в. стояла первоочередная задача установить классификационные критерии,

применить их к диалектному материалу и показать географическое распределение явлений. На места рассылались программы собирания сведений по русскому, украинскому и белорусскому языкам, выполненные в виде рабочих тетрадей с чистой стороной для ответов. Результатом анкетной работы и собственных экспедиционных наблюдений лингвистов стал «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением Очерка русской диалектологии» Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколова и Д.Н. Ушакова, который была опубликован в 1915 г. [5].

Такая работа была необходима, масштаб планируемого научного события требовал большого количества участников и большого количества ответов с мест на рассылаемые анкеты. «Опыт» впервые показал восточнославянское триединство в виде диалектных групп, которые лингвистикой конца XIX – начала XX века оценивались как *малорусское*, *белорусское* и *великорусское* наречия русского языка. Каждое из наречий имело внутреннее диалектное членение, дифференциальные диалектные черты и общие диалектные черты, которые отчетливо обнаружились на стыке русского, белорусского и украинского языков. Интерференция диалектных черт подняла вопрос о существовании переходных и смешанных говоров.

Становление отдельного сосуществования лингвистики и литературоведения постепенно вытесняет из лингвистических работ комплексный филологический подход, описание этнографических деталей, заменяясь структурным описанием диалектного материала. В это время значительно увеличивается количество собранных и обработанных материалов, формируются

самостоятельные лингвистические дисциплины, требующие специальной подготовки исследователей.

«Опыт» стал важнейшим достижением диалектологической работы 2-го отделения Императорской академии наук по сбору и классификации диалектного материала. Исследовательская работа была продолжена Московской диалектологической комиссией и, после ее расформирования, Московским лингвистическим кружком. Знаменательна работа 1929 года Р.И. Аванесова и В.Н. Сидорова по описанию Поветлужского говора, которое было выполнено по новому прогрессивному принципу, который до сих пор с большим трудом входит в науку. Описание было построено на недифференциальном принципе, учитывающим *систему* единиц, а не отличительные диалектные черты. Доклад ученых вызвал тогда критику.

В 1938 году появляются первые материалы, собранные для составления Диалектологического атласа русского языка. ДАРЯ охватывает территорию старейшего заселения славян в центре Европейской части России. Атлас состоит из региональных томов, получивших названия по своему отношению к Москве (работа над Северо-Западным томом была начата первой), издан только один из региональных томов – Восточный [6]. Остальные тома на этапе рукописи включены в сводный ДАРЯ, первый фонетический том которого вышел в 1986 г. Почти 50 лет работы авторского коллектива отделяют первый том от начала работы! Идеология региональных томов и ДАРЯ принципиально различаются. Задача региональных томов состояла в том, чтобы показать каждый обследованный населенный пункт отдельным знаком как самостоятельный объект картографирования. ДАРЯ же ставил себе задачу показать диалектное членение территории русского

языка, а дистрибуция зон на картах достигалась многоцветной заливкой территории. Объем экспедиционной работы и гигантская территория, картографированная в атласе, позволили сделать достаточно точную карту диалектного членения, которая даже спустя почти полвека дает современным диалектологам точные представления о системе говоров, выбранных для экспедиционного изучения.

Значение географического представления лингвистических черт очень трудно переоценить. Благодаря данным лингвистической географии ученые смежных специальностей получают дополнительную информацию о расселении и истории народа [7]. Лингвисты имеют возможность трактовать пучки изоглосс и отдельные изоглоссы для объяснения самостоятельных и связанных явлений в языке с точки зрения их истории и структуры. Нужно признать, что формирование многих диалектных ареалов до сих пор не имеет удовлетворительного объяснения. Важно и то, что лингвистический атлас является величайшим памятником территориальным диалектам своего времени.

Лингвистический атлас одного языка может быть составной частью более обширного лингвогеографического труда. Так ДАРЯ существует в связке с двумя другими атласами близкородственных языков – украинского и белорусского [8]. Атласы составлялись в одно время и представляют собой синхронный срез восточнославянского (древнерусского) единства на этапе эволюции в XX в. Атласы частных языков обладают достаточно высокой детализацией картографированного языкового факта. Сводный труд, подвергающий анализу несколько родственных языков, вынужденно укрупняет объекты

сравнения, отбирая только те, которые являются общими для различных языков и релевантны с точки зрения картографирования. «Восточнославянские изоглоссы» – образец такого труда [9].

Чем дальше языковое родство картографируемых языков, тем более крупные явления подвергаются лингвогеографическому анализу. Несколько опубликованных томов Общеславянского диалектологического атласа [10] (ОЛА) дают представление о явлениях общеславянского характера, отраженных в славянских языках. Многонациональный авторский коллектив этого труда меняет резиденцию от выпуска к выпуску, меняя и редактора. Нужно сказать, что на картах ОЛА существуют белые пятна. Владимирская область, например, отмечена пятном, где требуется заполнить около 10 населенных пунктов.

Работа с картографированием диалектной лексики вынесена в отдельный пласт работ. Дело в том, что сбор лексического материала по программам – необычайно кропотливая и трудоемкая работа. Отбор материала, который должен быть нанесен на карту, требует широкой и глубокой лингвистической подготовки (картографируется не весь материал, а лишь тот, который структурно соотносим, образует ареалы и позволяет прочесть карту). Сегодня идет работа над созданием Лексического атласа русских народных говоров [10], ежегодно проводятся заседания картографического семинара, в работу вовлечены многие вузы нашей страны, карты составляются преподавателями и аспирантами университетов под общим руководством Института лингвистических исследований РАН и Института славяноведения РАН.

III.

Одной из важнейших и всегда современных задач диалектологии следует признать аудио- и видеозапись и точную расшифровку диалектных текстов. Дело в том, что исследователи устной формы речи оказываются счастливыми обладателями и несчастными заложниками звучащих тестов.

Формирование первичных лингвистических сведений о говоре, который предстоит изучить, происходит еще на этапе подготовки к экспедиции. В это время составляется программа работы, устанавливаются опорные пункты бесед, создаются анкеты-опросники, которые реализуются и уточняются в самом процессе работы «в поле». Второй этап работы делится на две части. Первая часть – работа с лингвистической программой для получения конкретных сведений о фрагменте системы и беседа с информантом под запись. Вторая часть предполагает «домашнюю» работу с аудио- и видеозаписью. Это ценнейший источник лингвистической информации. Значение этого труда со временем будет возрастать так же, как возрастает значение берестяных грамот и рукописей. Многие диалектные черты открываются исследователю не сразу, а только после многократного прослушивания, в фонетике это может происходить только после инструментального исследования.

Устная форма существования диалекта не позволяет оперативно работать с текстами, поэтому широкое применение данных, полученных экспериментально, затруднительно. Перевод диалектных текстов в письменную форму (транскрипция) – важнейшая лингвистическая задача.

Как только звучащие тексты получают графическую форму, появляется возможность использования их лингвистами. Инструменты анализа могут быть различными. Одним из таких

инструментов анализа является Национальный корпус русского языка [12]. Выстроив запрос и выбрав необходимые контексты, исследователь может значительно повысить продуктивность сбора материала и существенно экономить время на подготовительном этапе. Нужно сказать, что диалектный подкорпус Национального корпуса пока еще не очень большой, но работа над ним идет и требует новых участников.

Вот лишь некоторые актуальные именно сегодня задачи.

Здесь не сказано о диалектных словарях, очевидная необходимость создания которых очень высока как для истории и этимологии славянских языков, так и для сводного Словаря русских народных говоров [13].

IV.

Для полевого диалектолога диалектологическая экспедиция по-прежнему остается основным источником данных. Сейчас есть условия и техника для качественного проведения такой работы [14].

Данные памятников письменности также важны для диалектологии, но нужно понимать, что многие архаичные диалектные черты до сих пор встречаются в живых говорах, тогда как поиск диалектного материала в грамотах чрезвычайно трудоёмкий, а качество и количество такого материала не всегда репрезентативно без соотнесения с данными современных говоров.

Монографические описания говоров будут актуальными всегда, тем более ценными следует признать такие труды, если они выполнены по недифференциальному принципу, как описание отдельного и самостоятельного языка. В таких описаниях следует учитывать характер и положение говоров.

Если территория, на которой находится говор, была картографирована в атласах, то задачи типологического характера, направленные на выяснение типа говора, ставить следует в исключительных, спорных случаях. Гораздо большую ценность представляет описание синхронного механизма взаимодействия единиц, то есть позиционного поведения. Объем таких исследований может быть любым: от одного уровня языка до всех. Таких описаний очень мало, гораздо больше описаний, где обнаруживаются «особенности» говоров вне функции языковых единиц. В тех случаях, когда тип говора неизвестен, интерес диалектологу представляет абсолютно всё.

Литературный язык исследуется многие десятилетия многими сотнями исследователей. Объем накопленных знаний и методик исследования очень велик, но всё еще литературный язык предъясвляет трудные загадки. Исследователей-диалектологов очень мало, а объем неизученных говоров, напротив, очень велик. Не каждому типу говоров повезло со своим исследователем: многие не описаны вовсе, другие имеют очерковый характер описания, а третьи просто исчезают, так и не дождавшись диалектолога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Т.1. Фонетика. 1986. Т.2. Морфология. 1989. Т.3. Лексика. 1994. Т.3. Лексика. Синтаксис. 2004.
2. Русская диалектология / Под ред. Р.И.Аванесова и В.Г.Орловой. М., 1964.
3. Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М.: Просвещение, 1970
4. Программа для собирания особенностей говоров южно-великорусского наречия // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1896. Т. I. Кн. 3.
5. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии Труды Московской диалектологической комиссии, вып. 5. Оттиск из РВБ, т. LXXXIV. М.: Синод.типогр., 1915.
6. Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1957.

7. Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1970; Русские Рязанского края / Отв. ред. С.А. Иникова. Т. I. М., 2009.
8. Атлас української мови. Том 1-3. Київ, 1984-2001; Дыялекталагічны атлас беларускай мовы: У 2 кн. Минск, 1963.
9. Восточнославянские изоглоссы. Вып. 1-4. Отв. ред. Т.В. Попова. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1995-2006.
10. <http://slavatlas.org>
11. Лексический атлас русских народных говоров. Пробный выпуск. М., 2004.
12. <http://ruscorpora.ru>
13. Электронная версия СРНГ, вып. 1-43. <http://iling.spb.ru/vocabula/srng/srng.html>
14. Некоторые дополнительные материалы на сайте И.И. Исаева <https://sites.google.com/site/igigisaev/home>

М.С. ИСКРЕНКОВА (Владимир, Россия)

О СИНТАКСИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ НЕКОТОРЫХ ОДНОКОРЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей функционирования в составе предложения сочетаний глаголов с однокоренными образованиями наречного типа на *-ом* и *-мя /-ма/*, а также сочетаний глаголов с творительным падежом однокорневого имени существительного, имеющих значение интенсивности и полноты протекания действия.

Сочетания форм глаголов *ходить, валить, есть, реветь, кишеть, пропасть, дрожать, лить, ругать, (не) слышать, стоять* с однокоренными образованиями наречного типа на *-ом* и *-мя/-ма*: *ходуном ходить, валом валить, поедом есть (съесть), ревмя реветь (рёвом реветь), кишмя кишеть, пропадом пропадать, дрожмя дрожать, ливмя лить, ругмя ругать, слыхом (не) слышать, стоймя стоять* выражают интенсивно и полно проявляющийся предикативный признак: *Не велит он мне ему показываться, не смею я к нему идти, – а сама дрожмя дрожит, бедная старуха* (Н. Лесков); *Толпа валом валила к Исакиевской площади, разливалась по ней, лезла через решётку сквера* (А.Н. Толстой).

Ф.И. Буслаев видел здесь «описательные формы превосходной степени»: «ливмя льёт» – то есть очень сильно» [1: 154].

Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня, Ф. Миклошич [1: 154, 4: 216-217, 5: 430], говоря о синтаксической функции наречий на *-мя/-ма/*, сопоставляют её с функцией творительного тавтологического. «Наречия отглагольные, в выражениях: *гор-мя горит, руг-мя ругать, ной-ма ныть* соответствуют явственному творительному падежу, в выражениях: *корп-ом корпеть, нойком ныть*» и пр., – пишет Ф.И. Буслаев [1: 154]. Их функция – «усиление значения». Она и послужила основанием для А.А. Потебни квалифицировать функцию сочетаний глагола с наречием на *-мя/-ма* и деепричастием, а также с творительным тавтологического существительного при анализе «абсолютно неопределённого наклонения» как усилительную [5: 430, 475].

В.В. Виноградов относил образования *-мя/-ма* к отглагольным наречиям. Он также отметил, что «даже если видеть в суффиксе *-мя* отложение древних именных флексий двойственного числа (ср.: *двумя, тремя*), всё же трудно отрицать для современного языкового сознания их морфологическую близость к наречиям типа *лежа, сидя* и т.п. Функционально же они неотделимы от фразеологических сочетаний, возникающих из творительного усиления: *есть поедом, ходить ходуном* и т.д. Оттенок усиления, свойственный словам *ливмя, стоймя* и т. п., объясняется их тавтологическим или плеонастическим употреблением при словах той же основы или сходного значения (ср.: *стоном стонать, бегом бежать* и т.п.). Однако ср. у Лескова: «Причесать по форме, с хохлом стоймя и с височками» («Тупейный художник»)[2: 293].

А.П. Евгеньева отметила, что «функция сочетаний типа “*знать не знаю, ведать не ведаю*”, “*пить так пьет, а есть – не ест*” имеет совсем другой характер, чем функция сочетаний “*слыхом не слышать, видом не видать*”, “*сидьма сидит*”, “*сидя сидит*” и т.п. По происхождению они также различны, так как рассматриваемые нами сочетания первоначально не служили усилению значения; кроме того, употребление в одинаковом положении совершенно различных (для современного языка) категорий речи *сиднем сидеть, сидьма сидеть, сидя сидеть* говорит о том, что в данном случае мы наблюдаем остатки процесса разложения, исчезновения какого-то синтаксического явления, позднее переосмысленного (как усиление значения) на основе новых лексико-грамматических и синтаксических представлений» [3: 198].

Эти сочетания являются лексически ограниченными [6: 76].

Анализ языкового материала показал, что данные сочетания встречаются в произведениях художественной литературы достаточно редко, шире они представлены в живой диалектной речи и в просторечии, но и здесь их немного: *житьма живут, живмя жили, вальмя валит, лаймя лаяли* [3: 198], *гудьми гудят, ходенем заходила*.

К сочетаниям наречного типа на *-ом* (*поедом ест*) примыкают такие, в которых глагол соединяется с творительным падежом однокорневого имени существительного, выступающего не как самостоятельный член предложения, а как составной элемент сказуемого [6: 76]: *бегом бежит, криком кричит, воем воеет*: *Пришла женщина с ребёнком, ребёнок плачет, криком кричит* (В. Шишков); *Серафима, поди, уже воем воеет* (А. Иванов).

Такие сочетания немногочисленны (соотношение сочетаний наречного типа на *-ом* и *-мя/-ма* и сочетаний глагола с творительным падежом однокорневого имени существительного 4:1).

В случаях, когда однокоренные образования наречного типа на *-ом* и *-мя/-ма* или творительный падеж однокорневого имени существительного находятся в постпозиции к глаголу, усиливаются обстоятельственные оттенки значений, что ослабляет семантику усиления: *Как ужаленный бегал он по городу и кричал криком* (М. Салтыков–Щедрин); *Дождь лил ливня* (Д. Григорович). Обстоятельственные признаки усиливаются и при разделении рассматриваемых образований частицами: *Гимназист недавно бежит чуть не бегом из гимназии...*(А. Островский).

Как показывает языковой материал, рассматриваемые сочетания в основном употребляются в функции осложнённых простых глагольных сказуемых в предложениях с реальной модальностью. Ср., впрочем: *Пропадай пропадом всё: и Матрёна, и хозяйство, и хромой сивый мерин, и деревня, и тайга, и белый свет, в могилу бы скорей, в домовину бы скорей, под крест лечь...*(В. Шишков).

ЛИТЕРАТУРА

1. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. 623 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. 2-е изд. М.: Просвещение, 1972. 614 с.
3. Евгеньева А.П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII-XX веков. М.-Л.: АН СССР, 1963. 348с.
4. Миклошич Ф. Изобразительные средства славянского эпоса //Древности (труды славянской комиссии императорского московского археологического общества). М., 1895. С. 203-236.
5. Потеня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I-II. М.: Учпедгиз, 1958. 536 с.

6. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: АН СССР, 1960. 380 с.

И.Е. КОЛЕСОВА (*Вологда, Россия*)

ПРОБЛЕМЫ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В РУССКИХ ДИАЛЕКТАХ¹

Аннотация. В данной статье рассматриваются некоторые особенности параллельного словообразования в русских диалектах, а также развивающееся в результате явление лексической когерентности, тесно связанное с проблемами разграничения полисемии и омонимии.

Проблемы, которые затрагиваются в данной статье, представляются в настоящее время очень актуальными по целому ряду причин. С одной стороны, вопросы, связанные с развитием диалектной словообразовательной системы, традиционно привлекают к себе внимание исследователей, с другой стороны, сложность и неоднозначность этих явлений требуют комплексного и многоаспектного подхода к их изучению. В многочисленных трудах ученых-лингвистов рассматриваются различные стороны развития и функционирования русских говоров, однако при этом большинство исследователей обращают внимание на лексический состав говоров, семантические особенности диалектных слов, а также на те различия, которые возникают между общеязыковой и диалектной словообразовательными системами, подробно описывая словообразовательные средства, способы, типы и модели, в той или иной степени свойственные диалектам. Однако при этом исследователи не уделяют практически никакого внимания тому,

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых МК-1544.2014.6

как протекают в диалектной сфере дивергентные процессы, которые приводят к образованию в различных русских говорах формально тождественных производных слов, имеющих разное значение и функционирующих в разных номинативных сферах, то есть фактически незамеченными остаются процессы диалектного параллельного словообразования. При этом следует отметить, что данные процессы являются достаточно активными, так, например, по одной словообразовательной модели образованы формально тождественные слова *водянка* 'водяная мельница' (перм.), *водянка* 'сосуд для воды' (смол.), *водянка* 'здание, башня, где берут воду' (тюмен.), *водянка* 'кувшинка' (дон.), *водянка* 'лютик' (кемер.), *водянка* 'настойка из ягод на воде' (костр.), *водянка* 'головастик' (пск.), *водянка* 'водяная мозоль' (тул.) (по материалам диалектных словарей). К сожалению, этот случай, как и множество ему подобных языковых фактов, связанных с явлением параллельного словообразования, до сих пор не получили всестороннего научного осмысления. Более того, явление параллельного словообразования и связанные с ним проблемы практически не разрабатывались и на материале литературного русского языка. Фактически некоторые из теоретических аспектов этого вопроса затрагивались только в работах Н.А. Янко-Триницкой [12; 13 и др.], П.А. Соболевой [7; 8 и др.], Л.Г. Яцкевич [14; 15; 16; 17; 18 и др.], Г.А. Николаева [3; 4 и др.]. Таким образом, целенаправленный сбор соответствующего материала и изучение различных аспектов этого сложного явления, а также разработка его теоретической базы является на сегодняшний день одной из актуальных проблем, требующих рассмотрения в рамках общезыковой и диалектной дериватологии.

Изучение процессов параллельного словообразования имеет большое теоретическое и практическое значение также для диалектной лексикографии, с проблемами которой эти процессы тесно связаны. Рассматривая явление параллельного словообразования, следует уделить особое внимание нескольким аспектам. Во-первых, параллельное словообразование должно рассматриваться не только с точки зрения современного состояния говоров, но и с точки зрения диахронического развития. Во-вторых, данное явление, которое представляет собой один из типов семантической дивергенции, наряду с диахроническим лексико-семантическим способом и синхронной семантической деривацией по модели, должно быть отграничено от явлений словообразовательной и отраженной полисемии, а также от процесса формирования словообразовательных омонимов.

Особую значимость эти проблемы приобретают при лексикографическом описании языковых фактов. Когда лексемы, образовавшиеся в результате действия процессов параллельного словообразования, попадают в поле зрения исследователя-лексикографа, перед ним неминуемо возникает вопрос: что это? Омонимы или все-таки случаи разветвленной полисемии? Как следует отражать подобные факты в словаре? В рамках проблемы анализа семантической структуры слова и отражения в диалектных словарях тождества и распада его значений некоторые из этих вопросов затрагивались в работах целого ряда исследователей, например, Ф.П. Сорокалетова [9; 10 и др.], О.И. Блиновой [1 и др.], Ф.П. Филина [11] и др.

Вопрос о классификации подобных лексем имеет несколько аспектов. С одной стороны, все значения таких лексем обладают некой общей семой, сохраняя то, что Р.А. Будагов называл

«промежуточным семантическим звеном». Так, например, для упомянутого выше диалектного существительного *водянка* во всех его значениях таким звеном будет сема 'имеющий отношение к воде, связанный с водой'. Таким образом, на первый взгляд можно говорить о развитии полисемии. С другой стороны, при полисемии лексема имеет целостную семантическую структуру, в которой четко прослеживаются переходы, преемственность и иерархические связи между отдельными значениями. В данном же случае слово в каждом из своих значений образуется заново в разных говорах и кемеровское *водянка* 'лютик', псковское *водянка* 'головастик' и тульское *водянка* 'водяная мозоль' семантически никак между собой не связаны. Таким образом, возникают основания признать данный случай омонимией.

Не вносят ясность в решение этой проблемы и данные существующих диалектных словарей, поскольку трактовка подобных лексем как в диалектных словарях, так и в словарях литературного языка крайне неоднозначна и непоследовательна. Например, в «Словаре вологодских говоров» возникшая в результате процессов параллельного словообразования от глагола *катать* лексема *каток* представлена как многозначное слово: 1) 'деревянная катушка, небольшой цилиндр, на который наматываются нитки', 2) 'ледяная горка для катания' [СВГ, 3: 47]. А лексема *катанец*, возникшая в результате того же процесса, приводится как ряд омонимов: 1) *катанец* 'валенок' и 2) *катанец* 'булка, форма которой придается в процессе катания теста' [СВГ, 4: 15].

Описанные противоречия вызывают затруднения при отнесении подобных случаев к полисемии или омонимии, а также

сложности при их характеристике, а также обуславливают необходимость введения особого термина, призванного четко отграничить эти случаи от полисемии и омонимии. При рассмотрении нами в ряде статей и монографии результатов параллельного словообразования с точки зрения развития семантической дивергенции вводился термин **когерентность**. Этот термин, происходящий от латинского **cohaerens** 'находящийся в связи', обозначает в физике согласованное протекание во времени и пространстве нескольких колебательных или волновых процессов, исходящих из одной точки. В лингвистике этот термин использовала Л.Г. Яцкевич при описании явлений, имеющих место при близкородственном билингвизме, понимая под этим термином свойство формально сходных, но семантически нетождественных слов, имеющих общее происхождение, существовать в различных языковых системах, взаимодействуя при пересечении этих систем. Опираясь на вышеизложенное, мы предлагаем использовать термины **когерентность** и **когерентные лексем** при описании результатов процессов параллельного словообразования как частного случая функционально-семантической дивергенции лексем в русских говорах для обозначения лексем, формирующихся в результате этих процессов.

На современном этапе в научный обиход входит большое количество диалектного материала, публикуются различные диалектные словари, однако единообразия в лексикографической характеристике когерентных лексем нет. Решение о том, следует фиксировать эти лексем как отдельные слова-омонимы или как значения одного многозначного слова, принимается лексикографами отдельно для каждого конкретного случая. При

этом лингвисты прибегают к анализу происхождения вызывающих сомнения слов, рассмотрению их сочетаемости, морфемного членения, синонимических и деривационных связей. Выработка четких критериев и рекомендаций для отграничения явления **словообразовательной и лексико-семантической когерентности от словообразовательной и лексической омонимии**, а также **лексической полисемии** является одной из наиболее актуальных задач диалектной лексикографии.

Таким образом, явление параллельного словообразования в русских говорах и связанные с ним дивергентные процессы представляют собой сложный комплекс лингвистических и экстралингвистических проблем, требующих дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блинова О.И. Русская диалектология. Лексика. Томск, 1984.
2. Будагов Р.А. Закон многозначности слова // Будагов Р.А. Человек и его язык. М., 1974. С. 117-123.
3. Николаев Г.А. Обратная соотнесенность и обратное словообразование // Актуальные проблемы русского словообразования. М., 1975. Т.1. №143. С. 313-318.
4. Николаев Г.А. Теоретические проблемы русского словообразования. Казанская научная школа // Диалектное словообразование, морфемика и морфонология. СПб., Вологда, 2007. С. 7-28.
5. Словарь вологодских говоров. Учебное пособие по русской диалектологии. Вып. 1-12. Вологда, 1983-2007. (СВГ).
6. Словарь русских народных говоров. Вып. 1-44. Л., СПб., 1965-2011. (СРНГ).
7. Соболева П.А. Словообразовательная структура слова и типология омонимов // Проблемы структурной лингвистики. М., 1978.
8. Соболева П.А. Словообразовательная полисемия и омонимия. М., 1980.
9. Сорокалетов Ф.П. Диалектная лексика в ее отношении к словарному составу общенародного языка. Л., 1968.
10. Сорокалетов Ф.П., Кузнецова О.Д. Очерки по русской диалектной лексикографии. Л., 1987.
11. Филин Ф.П. Некоторые проблемы диалектной лексикографии // Известия ОЛЯ. Т. XXV. Вып. 1. С. 3-12.
12. Янко-Триницкая Н.А. Закономерность связей словообразовательных и лексических значений в производных словах // Развитие современного русского языка. М., 1963. С. 83-98.

13. Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке. М., 2001.
14. Яцкевич Л.Г. О внутренней форме слов в русском и белорусском языках в условиях билингвизма // Всесоюзная научная конференция по проблемам обучения русскому языку в условиях близкородственного билингвизма: материалы к конференции. Минск, 1975. С. 538-541.
15. Яцкевич Л.Г. Принципы структурной организации исторических корневых гнезд // Слово. Семантика. Текст. СПб., 2002. С. 76-79.
16. Яцкевич Л.Г. Эволюционные процессы в структуре исторических корневых гнезд // Слово. Череповец, 2003. С. 9-14.
17. Яцкевич Л.Г. Морфемный анализ диалектных слов в функционально-типологическом и эволюционном аспекте // Слово и текст в культурном сознании эпохи. Вологда, 2008. С. 203-206.
18. Яцкевич Л.Г. Эволюционные процессы в историческом корневом гнезде с алломорфами -рез-//-реж-//-раз-//-раж-//-рож- в вологодских говорах // Говоры Вологодского края: аспекты изучения. Вологда, 2008.

Е.А. КРАСИНА (Москва, Россия)

СЕМАНТИКА И СИНТАКТИКА РУССКИХ ПЕРФОРМАТИВНЫХ ПРЕДИКАТОВ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению семантических категорий базовых предикатов и предикатов перформативных высказываний в русском языке. Структурные и семантические характеристики перформативных высказываний, их интенциональность, а также коммуникативно-прагматические критерии наглядно демонстрируют сложность перформативных предикатов и позволяют квалифицировать их как суперпредикаты.

В поверхностной структуре предложения или высказывания на русском языке базовые предикаты, понимаемые семантически, всегда одноместны, например: *Собака лает. Девушка красива. Дверь закрыта. Старик болен.* Все остальные предикаты редуцируются, т.е. сводимы к базовым [7]. В отличие от принципа редукции, в синтагматике и парадигматике предложения базовые предикаты характеризуются отрицательно: они не содержат актантов среди своих термов и, как правило, не формируют целого предложения [2].

Если же вслед за Ю.С. Степановым [4; 5] свести базовые предикаты к 10 категориям Аристотеля, особо оговорив статус категории **Сущность**, то фактически остается 9 категорий, «которые имена превращают в предложения» [4: 149 и сл.]. В случае ограничения выражения предиката глагольным словом, прежде всего личной формой глагола, круг категорий сужается до четырех: **Положение, Состояние (Обладание), Действие, Претерпевание (Страдание)**. Как и прочие предикаты-категории, названные четыре, наиболее характерные для русского языка, образуют оппозитивные пары «**Положение – Состояние**» и «**Претерпевание – Действие**» по признаку статичности-динамичности с учетом пространственно-временного отношения (см. схему):

Схема 1. Координация предикатов и категорий простого предложения

	Манифестация	Отношение
	Временная и смешанная координация	Пространственная и смешанная координация
	ПОЛОЖЕНИЕ	ОБЛАДАНИЕ/СОСТОЯНИЕ
с т а т и к а	Есть мороз	Стучат (-ит) Морозит
		У меня есть машина Меня знобит. Мне не спится. Собаки кусаются
	ПРЕТЕРПЕВАНИЕ	ДЕЙСТВИЕ
д и н а м и к а	Меня зовут	Лодку унесло
	Знобит	Плавят Писали
		Мальчик читает книгу

Очевидно, что **Положение** и **Состояние** более статичны, чем **Действие** и **Претерпевание**, но все категории связаны содержательно в отношении события или ситуации, которую они обозначают. Их взаимодействие и взаимопереход обусловлены движением от формы к содержанию и наоборот, что наиболее адекватно отражает круг. За исходную, отправную точку на круге избирается та, которая наиболее типична для внутренней формы того или иного языка. Представляя язык как деятельность, как развивающееся явление, как функциональную систему, приводимая схема [6:11] отражает механизм взаимодействия и типы координации предикатов-категорий. Для языков номинативного строя SVO, к которым принадлежит и русский язык, за отправную точку следует принять двусоставное предложение с глагольным предикатом, хотя формально возможно использовать и предложения с бытийным предикатом «есть», образующим неполную синтаксическую парадигму.

Область существования перформативных предикатов на схеме – это зона предикатов категории **Действие**. Однако их содержание и функции необходимо уточнить в трех аспектах: 1) со стороны соотношения базовых и суперпредикатов; 2) со стороны внетекстовых, нелинейных отношений; 3) со стороны «Я»-предложений в таксономии субъектов Ю.С. Степанова [4].

Очевидно, что суперпредикат появляется в пределах сложного предложения, прежде всего при синтагматическом взаимодействии базовых предикатов и при поддержке союзов. Суперпредикат появляется также при наличии при предикате актантов, т.е. сверх субъектно-предикатного минимума. Суперпредикат превращает простые предложения в сложные. Сравнивая перформативные формулы, отметим, что **Я х**, с одной

стороны, и **Я х, что/Я х, чтобы**, – с другой, каждый раз используют формулу **Я х** в качестве модуса, соотнесенного с иллокутивной силой **F(p)**. Но если суперпредикат формул **Я х, что/Я х, чтобы** эксплицирует модус, то формула **Я х** как бы удваивается и принимает вид **[Я х] Я х**: *[Я говорю] Я обещаю* за счет неэксплицируемого модуса 'Я ГОВОРЮ'. Именно поэтому канонические перформативные глаголы оформляют суперпредикаты, а неканонические, или квазиперформативы, осложненные метафорой, тем более.

Внетекстовые, нелинейные отношения обусловлены собственно ситуацией речевого акта и условиями его реализации, включая условия успешности. Непосредственность и уникальность коммуникации, когда говорящий субъект **Я** и слушающий **Ты** находятся **здесь** и **сейчас** и обладают общими фоновыми знаниями, перформативный контекст, общая иллокутивная цель речевого акта и возможный перлокутивный эффект влияют на выбор глагольной формы и на выбор перформативного глагола в зависимости от содержания иллокутивного акта: *утверждения, просьбы, обещания, предупреждения, декларации* и др. И если иллокутивная цель изменяется, то перформативный контекст сохраняется формально: 1-е лицо единственного числа несовершенного вида настоящего вида индикатива активного залога. Однако возможны и трансформации, сравните:

- (1) ***Я приглашаю Вас на беседу к себе в кабинет.***
- (2) ***Вас приглашают на беседу в кабинет декана/к декану.***
- (3) ***Вы приглашаетесь на беседу в кабинет декана/к декану.***

Такие директивные высказывания (2) и (3) остаются перформативными, хотя их синтаксическая формула изменена. В подобных случаях, как правило, имеет место перформативная транспозиция, когда при сохранении иллокуции, иллокутивной цели «стирается», точнее, сознательно нейтрализуется и устраняется непосредственность участия говорящего субъекта **Я** в осуществлении перформативного высказывания (1) в речевом акте, а высказывания (2) и (3) являются своеобразными трансформами прямой речи, или «гибридными перформативами», по Й. Крекичу [3], например, при обращении декана через секретаря к сотруднику факультета, сравните:

- (1) Декан: **Я сам прошу Вас на беседу...**
- (2) Декан: **Я прошу секретаря пригласить NN на беседу...**
- (3) Секретарь: **Декан приглашает NN на беседу...**
- (4) Секретарь: **NN приглашается деканом на беседу...и т.д.**

Наконец, о влиянии на перформативный предикат со стороны говорящего субъекта **Я**. Если исходить из бинарности коммуникативного речевого акта и соответственно бинарности высказывания, имеющего субъектно-предикатную основу, то любое описание предиката с необходимостью корректируется субъектом, проявляясь, например, как уподобление форм или как «длинное согласование».

Если наиболее полная таксономия предложений со стороны предикатов включает 9 категорий Аристотеля, то со стороны субъектов она трехчастна в соответствии с тремя классами имен [4 : 165-166]:

- 1) предложения с субъектами «Вещь». «Растение», «Животное», «Человек. Люди»;

2) предложения с индивидуальными субъектами, с субъектами – общими именами, с субъектами-метаименами, дескрипциями, по Б. Расселу;

3) предложения с субъектами типа «одушевленное» в оппозиции «неодушевленное» в сравнении с субъектами (1).

Далее, переходя от названных рубрик субъектов к более высокой ступени абстракции, выделяются три группы предложений, в которых существенно корректируется предикат, а именно: «Я»-предложения, «ОН»-предложения или «ОНО»-предложения. «Я»-предложения оформляют речевой акт и представлены в нем перформативными высказываниями. Их субъект – всегда говорящий субъект **Я** – не позволяет одновременно осуществлять референцию по отношению к внешнему миру и индивидуализацию (в отличие от «обычных» предложений: *Костер догорал. Ветер дует с гор. Мальчик – мой сын.* и др.). Очевидно, что **Я** индивидуализируется в максимальной степени, но об осуществлении референции к внешнему миру говорить почти не приходится, за исключением случаев эмфазы: «**Я**, а не кто-то другой». Субъект **Я** не устанавливает референции и не требует какого-либо предварительного установления референции: существование субъекта **Я** предполагается за счет самого факта речи. Именно с отсутствием в субъекте **Я** функции референции связаны особенности предиката: все утверждения относятся к миру «**моего Я**», внутреннего состояния **Я**, т.е. к действительности, присваиваемой **Я** посредством языка, к интенциям **Я**, проявляющимся в языке. Поэтому-то типичны среди предикатов «Я»-предложений перформативы и модальные глаголы: «Целый ряд предикатов, прежде всего перформативные и модальные

глаголы, являются таковыми только в сочетании с «Я»-субъектом» [4: 166]; сравните аналогичный подход при обращении к предикатам в теории речевых актов, когда обсуждаются условия успешности:

говорящий *знает*, что *p*

говорящий *думает*, что *p*

говорящий *хочет p (чтобы p)*

говорящий *считает*, что *p* – хорошо и др. [1:13].

С другой стороны, существуют и запреты на использование в прямом, неметафоризованном значении целого ряда глаголов в качестве предикатов «Я»-предложений в силу их лексического, дескриптивного по своей природе, значения.

Таким образом, реализуясь в качестве пропозициональной функции, перформативный предикат в общем виде выступает как *n*-местное отношение, как функция, имеющая область определения, задаваемую перформативным контекстом и реляционным каркасом «*я – речевое действие – ты*», а потому является суперпредикатом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
2. Демьянков В.З. Предикат и концепция семантической интерпретации // Известия АН СССР. Серия литература и язык, 1980. Т.9. № 4.
3. Креквич Й. Побудительные перформативные высказывания. Сегед, 1993.
4. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика. М.: Наука, 1981.
5. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Наука, 1985.
6. Чечин В.О. Субъектно-предикатная организация и таксономия русских предложений V_{f3s} и V_{fpl} . Автореферат дисс. ... канд. наук. М.: РУДН, 1996.
7. Wierzbicka A. Semantic Primitives. Frankfurt-am-Mein, 1972.

К.Г. КРАСУХИН (Москва, Россия)

СТАНОВЛЕНИЕ АСПЕКТНО-ВРЕМЕННОЙ И СИСТЕМЫ В ПРАИНДООЕВРОПЕЙСКОМ

0. Происхождение аспекта и времени остаётся в высшей степени дискуссионным. Дело в том, что соответственные системы (АТ — *aspectum-tempus*) в индоевропейских языках слишком разнообразны. В некоторых, как в хеттском, присутствуют только два времени (презенс и претерит), в других (ведический санскрит) — 6 времён. В большинстве индоевропейских языков противопоставлены две или три временные глагольные основы, в анатолийских — только одна. При этом богатство основ хеттского глагола сопоставимо с греко-арийской системой. Здесь при двух спряжениях (на *-mi* и *-hi*) имеется по пять классов каждого типа, сопоставимых с назальными, йотовыми, деноминативными презенсами, презенсами с полной и 0 степенью вокализма. Кроме того, в хеттском есть незначительные, но явные следы сигматического аориста (*pāsi* 'глотать' при и.-е. **peh₃i-* 'пить', ср. древнеиндийский аорист *ápās*).

0.1. Существуют три принципиально различные точки зрения на вопрос о происхождении АТ:

0.1.1. АТ была присуща общеиндоевропейскому языковому состоянию. Сторонниками этой точки зрения были младограмматики. Они указывали на то, что оппозиция «первичных» и «вторичных» окончаний характерна для всех индоевропейских языков, следовательно, в них существовала категория времени. Неличные формы глагола в древнегреческом и санскрите имеют не темпоральное, а сугубо аспектуальное

значение; следовательно, и аспект должен проецироваться на праязыковой уровень.

0.1.2. АТ развивалась в отдельных языковых ветвях. При этом система аспекта в действительности развилась только в древнегреческом и славянском. Этому были посвящены работы четвертьвековой давности О. Семереньи [Szemerényi 1985] и Р. Шмитт-Брандта [Schmitt-Brandt 1986]. Авторы отмечали, что ни в одной семье языков, кроме вышеназванных, не существует полноценной системы аспектов: латинский перфект и древнеиндийский аорист не имеют аспектуального значения; первый обозначает предшествование настоящему¹, второй — актуальное прошедшее. Оппозиция «первичных» и «вторичных» окончаний тоже не всегда носит темпоральный характер. Так, в латыни и церковнославянском возможны формы претерита с первичными окончаниями (перфекты *fuvei-t, rediei-t, astitei-t*, аорист *бысть* и т.д.; более подробно — ниже). Но именно богатство глагольной суффиксации делает эту теорию сомнительной: зачем языку нужно такое обилие суффиксов, если оно ничего не выражает? Некоторые из этих суффиксов являются отымёнными, некоторые, возможно, как-то модифицировали лексическое значение глаголов (придавали им значение переходности/непереходности, к примеру), но в целом трудно объяснить их наличие в языке, изначально лишённом аспектов. Поэтому развитую систему глагольной суффиксации в хеттском естественнее объяснить разрушением старой аспектуальной системы. Более мягкий вариант этой гипотезы гласит: АТ стала

---

¹ Это далеко не так. Латинский перфект имеет указанное значение, г.о., в системе *consecutio temporum*. В самостоятельном предложении он обозначает событие, определённое временными рамками: *Romulus triginta annos regnavit* 'Ромул (про)правил тридцать лет'. Система аспектов в латыни имеется, хотя и не столь развитая, как в греческом и славянских языках. Ниже будет показано, как она переходит в романскую темпоральную систему.

развиваться после отделения анатолийской ветви языков. Его развивал Ф.Р. Адрадос, который выделил в праиндоевропейском «монотематический» и «политематический» периоды; первый отражен в системе анатолийского глагола [Adrados 1962; 1981]. Слабость теории Адрадоса в том, что она не объясняет ни обилия суффиксов анатолийского глагола, ни таких впечатляющих параллелей, как упомянутое *pasi/ápās*, а также *arnuzi — ṛnóti* (ṛvumi, презентно-каузативный суффикс), *neuahhi — novāre* (деноминативный каузативный суффикс) и т.д.

0.1.3. Зачатки АТ возникли в общеиндоевропейском состоянии и развились в отдельных ветвях. С этим можно связать идею А. Мейе [Meillet 1908], развиваемую также К. Штунком [Strunk 1967], о том, что аспектуальная оппозиция заключалась вначале в лексическом значении корней. Подобное положение дел видят в нем. *gehen — kommen, suchen — finden* (= *go — come, seek — find*), испан. *cercar — buscar*. глаголы, стоящие справа, указывают на то, что действие движется к завершению. Указывают и на греческий глагол *ἀστρῆται* 'ударяет молния', который в силу специфики денотата в презенсе обозначает моментальное событие [Ruipéres 1956]. В праиндоевропейском языковом состоянии корни с аналогичным значением образовывали корневой аорист и требовали суффиксов презенса. Корни же, выражающие длительное и не стремящееся к завершению действие/ процесс, образовывали корневой презенс (тематический и атематический) и требовали специальных форм аориста (как правило, сигматического, редуплицирующего или с 0 степенью вокализма)¹. Но и здесь не удаётся найти однозначных соответствий; презентная основа одного языка может выступать

---

¹ Редуплицированные аористы, как правило, имеют и 0 степень.

как аористная в другом (греч. аористы *ἔδαχον, ἐγενόμην* vs. древнеиндийские имперфекты *ádaśat, ájanata*). Кроме того, лексическое значение длительности/ недлительности завершённости/ незавершённости возможно и в языках с аспектуальной оппозицией. Ср. лат. *ire* 'идти' и *venire* 'приходить'¹.

1. Так как же решается этот вопрос? Прежде всего надо отметить, что время и наклонение являются наиболее общими, универсальными характеристиками глагола: любой речевой акт помещает высказывание в какую-то временную точку. Поэтому можно утверждать, что какие-то категории времени в праиндоевропейском должны были существовать. Задача исследователя — проследить происхождение морфологических показателей этих категорий.

1.1. Оппозиция времени традиционно связывается с первичными/ вторичными окончаниями: первые обозначают, что событие реально и происходит в момент речи, вторые такого значения не имеют. Но, как отмечалось, в церковнославянском аористе возможны первичные окончания (*бѣсть*). Рассмотрим несколько примеров, содержащих эту форму и противостоящую ей форму с вторичными окончаниями *бѣ*.

Сопоставление с греческим оригиналом показывает, что вариант с вторичными окончаниями соответствует греческому имперфекту и аористу:

(1) *пять же бѣ отъ нихъ буи и пять мждръ = πέντε δὲ ἦσαν ἐξ αὐτῶν φρόνιμοι καὶ πέντε μωροί* (Зогр. Мф 25: 2). В данном

---

¹ Корни **ei-* и **g'et-* противостоят таким образом на праиндоевропейском уровне. Ср. общегерманское **qet-* 'приходить' в оппозиции к **gā-* 'идти'. Это терминативное значение в греческом аористе трансформировалось в ингрессивное: *βῆ* означает именно 'отправился, начал идти'. Значение исходной точки сохранено в таких дериватах, как *βάθρον, βάσις* 'основа'

случае глагол точно переводит соответствующий глагол бытия в оригинале

(2) *и печальнь бѣ цесарь* = *καὶ ἐλυπήθη ὁ βασιλεύς* (Мар. Мф 14: 9).

В данном случае сочетание прилагательного с аористом передаёт греческий пассивный аорист. Можно спорить о его значении: греческий оригинал может передавать либо простое прошедшее, либо начало события.

Более же выразительный контекст со сходным значением переводится при помощи формы с первичным окончанием:

(3) *И прискърбень бысть цсарь* = *καὶ περίλυτος γενόμενος ὁ βασιλεύς* (Мар. Мк 6: 26)

Сопоставление с (2) показывает, что форма *бысть* подчёркивает лексически выраженное значение становления. Этим претеритом передаётся причастие аориста *γενόμενος*

Он может переводить и личную форму того же глагола

(4) *и бысть егда сѧ възврати и приимъ цесарствие* = *καὶ ἐγένετο ἐν τῷ ἐπακολουθεῖν αὐτὸν λαβόντα τὴν βασιλείαν* (Мар. Лк 19: 15)

(5) *благы рабе и добры еко о малъ верень бысть бѣди область, имы надъ десятьж грады* = *ἐϋ, ἀγαθὲ δοῦλε, ὅτι ἐν ἐλαχίστῳ πιστὸς ἐγένου, ἴσθι ἐξουσίαν ἔχων ἐπάνω δέκα πόλεων* (Мар. Лк 19: 17).

Таким образом, очевидно, что форма с первичным окончанием лучше сохранила исконное значение корня **bhū-*: не нейтральное бытие, а становление, в аористе — момент становления. Следовательно, первичное окончание в славянских языках придавало глаголу не столько значение действия в момент речи, сколько актуальности, значимости.

Рассмотрим теперь формы, воспроизводящие вторичные окончания в русских диалектах и древнерусских текстах. Их изучение связано с выдающимися работами Ф.Ф. Фортунатова [1904] и С.П. Обнорского [1953]. В частности, Обнорский отметил, что формы без *-т* («мягкий» *-тъ* и «твёрдый» *-тъ* варианты этой флексии совершенно изофункциональны, и мы их рассматриваем вместе) часто указывают на ослабленную функциональность словоформы. В частности, именно они выступают в функции безличных глаголов, вводных слов, приближающихся по значению к наречиям *може*, *буде* в значении вводных слов (*може*, *дождь буде*) и т.д. Кроме того, глаголы с 0 флексией чаще встречаются во второй части высказывания, когда сказуемое повторяется в обеих частях. В этом случае основную функциональную нагрузку несёт, естественно, первая словоформа:

(6) *Какой будить, такой буде* (Рязанская область)

(7) *Идёт твоё маменька —иде, придёт — приде* (Клинский р-н).

Наконец, в грамотах формы с 0 флексией часто становятся сказуемыми в подчинённых предложениях, например в протасисе стандартных условных конструкций с дебитивным оттенком:

(8) *А кто сѣи радъ поруши, дастъ посадником ѿ бѣлкѣ* (Двинская грамота № 86, Двинской район, XV в.)

Таким образом, в диалектах, как и в Евангелиях, формы с первичными окончаниями сохраняют своё первичное значение. Формы же с вторичными окончаниями, отпадающими в славянских языках, нередко претерпевают его ослабление, превращаясь в безличные глаголы или вводные слова, или же употребляются в зависимых конструкциях, когда время события выражено предикатом главного предложения.

В этой связи целесообразно обратиться к балтийскому материалу, где тоже есть различные формы глагола бытия. В 3 л. конкурируют формы *yrà* и *ěsti*. Я не ставлю себе задачей рассмотреть сейчас гипотезы о происхождении первой из них. См. обзоры в: [Станг 1963; Палмайтис 1984; Степанов 1985; Schmid 2001]. Но представляет большой интерес ряд примеров Станга, показывающих специфику значения форм *yrà* и *ěsti* в старолитовском. Первая в *Universitas linguae Lithuanicae* (XVI в.) обозначает бытие и играет роль копулы:

(9) *žinote iog arti ira vasara = wiećie, żeć iuż blisko iest leto* (I 1, 15) 'знайте, что лето уже близко'

(10) *ira dabar ir bus begalo = iest teraz i będzie bez końca* (I 78, 23) 'это так и будет без конца'.

Однако, когда в польском встречается глагол *bywa, bywają* «имеется, существует», тогда в литовском появляется эквивалент *ěsti*:

(11) *dayktas kuris esti ne pawiskinamas del sunkibes aba swaro = rzezy nieporuszony bywają dla wielkiego ciężaru* (I 49, 26) 'речи, (которые) не порушены, существуют для великого царя'.

Иногда лит. *ěsti* соответствует польскому *jest (są)*, но только тогда, когда этот глагол имеет хабитуальное значение:

(12) *o tie wel darbay, kuriús pats Diewas daro, wisadu esti tobulesni = á te zaś dzieła, ktore sam Bog czyni, ząwždy są doskonalsze* (I 174, 20) 'а те труды, которые Бог творит, всегда совершенны'

Итак, оппозиция первичных/ вторичных окончаний на северной периферии индоевропейской области противопоставляла, по-видимому, действие первого плана, выделенное говорящим, второплановому действию. Именно из

этого значения развилось значение настоящего актуального, т.е., действия, совершаемого в момент речи. Претериты с первичными окончаниями в латинском, церковнославянском, древнеирландском языках свидетельствуют о том, что в праиндоевропейском существовало и актуальное прошедшее. Вообще история частицы **-i* — это яркий пример грамматикализации. Местоименная основа присоединилась к глаголу, по-видимому, чтобы выделить его субъект. Она превратилась в морфему со сначала более конкретным значением (эмфаза), затем менее конкретным (*hic et nunc*).

1.2. Другая важная оппозиция — презенса-аориста и перфекта — носила, по-видимому, сначала противопоставляла скорее диатезы (действие vs. состояние). Судьба перфекта в древних и новых языках в этом отношении поучительна. Она показывает, какие изменения претерпевает категория состояния.

1.2.1. Она получает значение «состояние в результате прошедшего события»: греч. *ἔστηκα* ‘я встал и стою’; др.-инд. *jaḡāya* ‘я победил и (сейчас) победитель’, лат. *nōvi* ‘я узнал и знаю’. Это значение переходит в простой претерит: такое значение имеет большинство древнегреческих и древнеиндийских перфектов. Сходную судьбу претерпели аналитические конструкции с причастием и глаголами «быть» и «иметь» в индоевропейских языках: первоначально они означали положение дел, сложившееся в результате прошлого события, затем — само прошлое событие. Ранний этап развития такого значения можно видеть в:

(13) *Siculi ad fidem meam, quam habent spectatam iam et diu cognitam, confugiunt* (Cic. Div. in Caecil. 4, 11) ‘Сицилийцы прибегают к моей поддержке, которая ими наблюдаема и давно

известна' (можно перевести и 'которую они наблюдали и давно знали').

В данном случае конструкция «*habet* + причастие» может трактоваться и как possessивная («имеют давно известную поддержку»), и как претеритальная.

1.2.2. Другое направление развития перфекта заключается в том, что на его базе формируется особый презенс. Так называемые *perfecta tantum* в древнегреческом и санскрите (греч. *οἶδα* 'знать', *ἄνωγα* 'приказывать', *μέμολα* 'мыслить, полагать', др.-инд. *véda* 'знать', *ṛ́ṣe* 'владеть'), *verba defectiva* в латинском (*odi* 'ненавидеть', *memini* 'помнить') указывают на событие в настоящем времени. В германских языках существует класс претерито-презентных глаголов со значением состояния, мысли, желания: гот. *witan* 'знать' (= *οἶδα*, *véda*, также ц.-слав. *вѣдрѣ*), *aihan* 'владеть' (= др.-инд. *ṛ́ṣe*) и т.д. Всё это глаголы со специфическим неактивным и/ или модальным значением; но важно, что значение состояния противопоставлялось действию также и как длящееся положение дел недлительному. Это сформировало оппозицию аспектов, и длительное событие стало восприниматься как происходящее в момент речи. Одна из разновидностей перфектной флексии, лёгшая в основу тематического спряжения, стала обозначать длительное действие и также послужила прототипом презенса. Взаимоотношение перфектного и первичного тематического спряжения можно представить так:

Перфект	Тематическое спряжение
*- <i>h₂e</i>	*- <i>oh₂(e)</i>
*- <i>th₂e</i>	*- <i>e</i>
*- <i>e</i>	*- <i>e</i>

Их различие в том, что ауслаут формы 3 л. -е в первом случае трактуется как флексия 3 л.ед.ч., во втором — как окончание основы. 2 л. перфекта представляет собой личное местоимение 2 л., изменившееся под влиянием 1 л.; в тематическом спряжении оно изначально имело нулевое окончание, которое затем приобрело новый формант: греч. -εις, лит. -ì (< *-eí с с акутом (грависом) под влиянием 1 л. -ù).

2. Одним из важнейших грамматических способов праиндоевропейского языкового состояния было правостороннее передвижение акцента. В глаголе оно носило скорее залоговый характер (баритонные глагольные формы указывали на внешнюю деятельность, окситонные — на внутреннее состояние). Однако многие основы презенса и аориста одного корня различаются аблаутом. Прежде всего необходимо отметить лексические пары. Как правило, глагол с полной степенью вокализма спрягается в презенсе по мягкому спряжению (-iu, -i, -ia), образует претерит с удлинением корня и суффиксом в 3 л. *-ē- (> -é). Глагол с 0 степенью образует презенс суффиксом -st- или назальным инфиксом; в 3 л. претерита представлен суффикс -o. Ср. лит. *kélti* (*kėlia*, *kėlė*) ‘поднимать’ — *kilti* (*kỹla* (< *ki-n-la), *kilo*) ‘подниматься’, *bėrti* (*bėria*, *bėrė*) ‘сыпать’ — *birti* (*bỹra* (bi-n-ra), *bìro*) ‘сыпаться’, *teĩkti* (*teĩkia*, *teĩke*) ‘давать’ — *tiėkti* (*tiėka*, *tiėké*) ‘поставлять, питать’ — *tikti* (*tiñka*, *tiko*) ‘мочь’ (*tiktis* “случаться”), *baũsti* (*baũdzia*, *baũdė*) ‘принуждать’ — *bũsti* (*buñda*, *bũdo*) ‘просыпаться’; *plėkti* (*plėkia*, *plėké*) ‘бить, стегать’ — *plikti* (*pliñka*, *pliko*) ‘оголяться, лысеть’, *daũžti* (*daũžia*, *daũžė*) ‘бить’ — *dũžti* (*dũžta*, *dũžo*) ‘разбиваться’, *meĩkti* (*meĩkia*, *mėrkė*) ‘мочить’ — *mĩrkti* (*mĩrksta*, *mĩrko*) ‘мокнуть’, *leñkti* (*leñkia*, *leñké*) ‘гнуть’ — *liñkti* (*liñksta*, *liñko*) ‘сгибаться’, *kláusti* (*kláusia*, *kláusė*) ‘спрашивать’ — *klũsti* (*klusta*, *klũso*) ‘подчиняться’,

láužti (láužia, láužé) ‘ломать’ — *lúžti (lúžta, lúžo)* ‘ломаться’; *pláusti (pláudžia, pláude)* ‘мыть, стирать’ — *plūsti (plūsta, plūdo)* ‘литься’; ср. первичный корень *pláuti (pláuna, plóve)* ‘мыть, полоскать’ — *plúti (plúna, plúvo)* ‘течь’; *plaũkti (plaũkia, plaũke)* ‘плыть’ — *plũkti (pluñka, plũko)* ‘обливаться. Оппозиция продуктивна. Она втягивает в себя и невербальные корни: *keĩsti (keĩčia, keĩté)* ‘менять’ — *kĩsti (kiñta, kito)* ‘меняться’ (местоимение *kĩtas* ‘иной’). См. подробное описание этого типа в [Kølln 1969; Степанов 1978; 1989].

Иногда оппозиция ступеней вокализма реализуется на семантическом уровне как противопоставление стабильного действия и терминативного процесса. Ср. греч. φλέω “изобиловать” — φλύω “бурлить”, лит. *čiąupti (čiaupia, čiaupé)* “сжимать, давить” — *čiąpti (čiumpa, čiupo)* “хватать”, *jaũsti (jaũčia, jaũté)* “чувствовать” — *jũsti (juñta, jũto)* “почувствовать”. Это ещё не аспектуальная оппозиция, но, если можно так выразиться, шаг к ней: глаголы противопоставлены способом действия (Aktionsart).

Аблаутные варианты могут быть представлены и в одной парадигме. Презенс с полной степенью вокализма противопоставлен претериту и инфинитиву в 0: *lĩsti (leñda, liñdo)* “подниматься”, *brĩsti (breñda, brido)* ‘идти вброд’. Такие глаголы могут быть и переходными: *vilkti (veĩka, vilko)* ‘тащить’, *miñti (mẽna, mine)* ‘припоминать’, *kirsti (kerta, kirto)* ‘сражаться’, *likti (liẽka, liko)* ‘оставлять’. От некоторых корней образованы производные результативы: *brýdoti (-ja, -jo)* ‘стоять в воде’, *lindėti (liñdi, lindėjo)* ‘торчать’. Этот тип строго соответствует греческой модели φεύγω - ἔφυγον, λείπω - ἔλιπον. Он включает в себя либо непереходные глаголы, либо глаголы, чья переходность неэффективна [Степанов 1981].

В славянских языках сходным образом противопоставлены глаголы со степенью корневого вокализма *o* и суффиксом *-u-*, и глаголы с *0* вокализмом и суффиксом презенса и инфинитива *-нж-*: *гоубити — гибнѣти, оузити — вазнѣти*, (ср. транзитивный глагол иного класса: *вазати*), *оучити — выкнѣти, грѣзити — гразнѣти* (+ более древнее, первичное *гразти*), *оудити* ‘коптить’ — *ванѣти, боудити — бѣнѣти* (также переходный, но не каузативный глагол *блѣоустѣ*; результатив *бѣдѣти*), *прѣжити — пранѣти* (и переходный глагол *-прагати*), *мѣчитѣ — макнѣти* (непереходное *отмякать*), *лѣчитѣ* ‘гнуть’ — *съ-лѣщи* < **lęk-ti* ‘согнуться’ (ср. укр. *злякати* ‘испугать’), *соушитѣ — съхнѣти, сѣчитѣ — сакнѣти* (дуратив *-сакати*), *вѣситѣ — виснѣти* (с инхоативным оттенком; результатив *вѣсѣти*), *лѣпитѣ — льнѣти* (церковнославянский аорист *при-льпе*, результатив *льплѣти* ‘быть приклеенным’ (с суффиксом *-гь-* < индоевропейский суффикс состояния **-ē-*).

Однако определённой связи степени с временной основой нет; от вариантов одного корня образуются различные типы основ различных времён. Ср. праслав. **ръгъ* (презенс)/ **pertĭ* (аорист) ‘двигаться; спорить, враждовать’ и **perĭ* (презенс)/ **pъrati* (аорист) ‘толкать’. Можно сформулировать только правило поляризации: если та или иная временная основа имеет определённую степень вокализма, то в другой основе может появиться иная степень. Презенсу в полной степени соответствует аорист в нулевой, и наоборот. Глаголы в презенсе в *0* степени и претерите (аористе) — в полной не представлены в балтийских и древнегреческом языках. В славянских же они довольно распространены:

чьтѣ — чистѣ (< **k^uit-/ *k^ueit-*), *чрьтѣ — чръстѣ* (< **kŕt-/ *kert*), *мьрѣ — мрътѣ*; укр. *нру—нерети* (ц.-слав. *по-нрътъ*), русск. *пру*

— *перѣть*, *про-стру* — *про-стерѣть*, праслав. *skvьrŭ — *skverti, чеш. *skvirieti* “плавить, растапливать (масло, сало)”; ц.-слав. *тлькж* — *тльщи*, *за-вьрж* — *за-врѣти* “запереть”, чеш. 3 ед.ч. *vré* — ц.-слав. *врѣти* “кипеть”; *жьрж* — *жрѣти* (ср. *жеру* — *жрати*). Этот тип продуктивен, он включает в себя и вторичные формы: *тьрж* — *трѣти*. Согласно А. Вайяну [Vaillant 1969: 190], *жьрж/ жрѣти* тоже вторичен. Но сопоставление с древнеиндийским показывает архаизм и презенса с 0 степенью, и аориста с полной.

3.4. Этимологические соответствия этим глаголам по большей части демонстрируют такое же распределение: 0 степень презенса vs. полная аориста. При этом презенс иногда произведен (с назальным инфиксом), иногда же — корневой с 0 степенью: *стър-* — др.-инд. *str̥nāti*, аор. *ástar*, лат. *sterno*¹ (с перфектом в 0 степени *strāvi* < **strH-*); *вьр-* — др.-инд. *vr̥nóti*, аорист. *ávar*, ср. лат. *ap-(v)erio* “открывать” (с неясным вокализмом), полная степень в лит. *vėrti* “протыкать”; *-вьр-* — лит. *virti* (*vėrda*, *virė*) ‘кипеть’ (с обратным распределением вокализма), *жьр-* — др.-инд. *girāti* “пожирать”, *gr̥nāti* “возглашать (молитву)”, аорист конъюнктива. *garat*, лит. *gėrti* “пить” и *girti* “хвалить”²; *мър-* — др.-инд. *marate/ mriyate*, лит. *miřti*; *чрьм-* — др.-инд. *kṛntati*, аорист. (по Грассману имперфект) *akṛtaḥ*; с иным вокализмом — лит. *kerti*; *чьтж* — др.-инд. *cetati* ‘отмечать’, корневой атематический аорист *acet*; *пърж* — др.-инд. *sphurati* ‘отталкивать’, лтш. *spirit* ‘ударять ногой’, лат. *sperno* ‘отталкивать; презирать’, *тьрж* — греч. *te...rw*, лит. *trinti* ‘тереть’, *tirti* ‘исследовать’ [Stang

¹ Латинские глаголы на *-n-* — это тематизированные аналоги др.-инд. презенсов IX класса. Старая основа на **-neh₂-* сохранена в префигированной форме *aspernāre* (при тематизированной *spernere*: **sp̥rnh₂-e* vs. **sp̥rneh₂-*). Поэтому лат. *sternere* и др.-инд. *str̥nāti* соответствуют почти пофонемно.

² Корень **g^her-* означал “есть, пожирать” и одновременно “приносить жертву”, ср. ц.-слав. *жьрѣць*. Литовский глагол в полной степени имеет эффе́ктивную переходность, в нулевой — неэффе́ктивную.

1942, 30—31]. Согласно Стангу, у *тлъкж* нет очевидных параллелей. Однако можно вспомнить лит. *teĩkti* ‘набирать, вербовать’ и *tiĩkti* ‘утихать (< *быть сбитым, сокрушённым?)’

Таким образом, чередование гласных играет существенную роль в образовании основ времени у глагола, но эта роль неоднозначна; образование различающихся ступенью чередования презенса и аориста — сравнительно позднее явление. Напротив, диатезные пары с различным вокализмом корня весьма архаичны. См. также [Krasukhin 2009].

2.1. Существуют специальные суффиксы презенса и аориста. Но аспектуальный характер некоторых из них неустойчив. Например, сигматический суффикс может образовать презенс и аорист; ср. греч. *ἄέξω* — др.-инд. *ukṣāti* ‘расти’, *ἄλέξω*—*rákṣati* ‘защищать’ (с асигматическим редуцированным аористом *ἦλαλκον* у Гомера); также др.-инд. *bhūṣāti* ‘быть мощным’ (слав. *боушевату*; первичный презенс — др.-инд. *bhávati* ‘становиться’, слав. *быти*), авест. *baxšaiti* ‘наделять’ (асигматическое *bhájati* в древнеиндийском). Но в большинстве языков сигматический аффикс имеет строго аористическое значение.

2.1.1. Попутно замечу, что суффикс, имеющий разные аспектуальные значения, не является редкостью. В славянских языках суффикс *-ну-*, сочетаясь с основами несовершенного вида, переводит их в совершенный, обозначая однократное действие: *толкать* — *толкнуть*, *кидать* — *кинуть*. Но, если основа глагола обозначает событие, стремящееся к завершению, тот же суффикс переводит её в презенс: *сох* — *сохнуть*, *(у)-вял* — *вянуть*, *(по)-гряз* — *(по)-грязнуть*. Возможно, сигматический суффикс имел сходное значение.

2.2. Таким образом, в индоевропейских языках нет однозначного грамматического способа для образования аориста. Напротив, ряд глагольных аффиксов имеют строго презентное значение: все назальные инфиксы и суффикс *-io-*. Особняком стоит суффикс **-sk̑-*. В древнегреческом языке он образует имперфект со значением повторяющегося действия (у Гомера: *ἔσχοι* ‘я бывал’) и презенс от корневого аориста (*βάσχω* ‘идти’ — аорист *ἔβην*, *βλώσχω* ‘приходить’ — аорист *ἔμολον*), в латыни — простой презенс (*pasco* ‘пасти’ — перфект *pāvi*, *cresco* ‘расти’ — *crēvi*), также терминативный презенс (*rubeo* ‘быть красным’ — *rubesco* ‘краснеть’); в древнеиндийском — презенс (*gachati* ‘идти’ — аорист *ágāt*), в хеттском — итеративный презенс (*sanhiskizzi* ‘доискиваться, искать повсюду’ — *sanahzi* ‘искать’; см. [Dressler 1968; Сидельцев 1999]). Только в армянском с его помощью образуется так называемый цойный аорист: *gorceac* ‘он сделал’ (< **uorg̑e-sk-*), ср. также футурум II *beric* ‘он принесет’ — от тематических глаголов. Этот аорист — сравнительно позднее явление, типологически подобное германскому дентальному претериту, который образуется, главным образом, от отымённых и иных производных глаголов [Макаев 1977]. Но его несомненное родство с суффиксом итератива требует объяснения. А. Эрхарт [Erhart 1989: 41-50] полагал, что каждый единичный аффикс придавал глагольной основе значение завершённого действия. Соединение же двух аффиксов в одной основе (таким он считал назальный инфикс) придаёт ей итеративное значение. Оно затем может превратиться в простое дуративное. Продолжая мысль Эрхарта, можно предположить, что значение суффикса *-sk-* как дуративного было нейтрализовано, и он на периферии формообразования приобрёл значение

аористного. К этому надо добавить, что для ряда глагольных суффиксов можно восстановить и лексическое значение. Так, назальный суффикс имел каузативное значение: хетт. *harakzi* ‘умирать’ — *harnikzi* ‘убивать’; лит. *vèsti* ‘жениться’ — *vèdinti* ‘выдавать замуж’. Вариант *-*neu-/nu-* имел фактитивное значение («делать кем-то, каким-то»): хетт. *tepu-* ‘маленький’ — *tepnuzi* ‘уменьшать’. Иногда суффикс содержится и в имени, от которого произведён глагол: др.-инд. *dhṛṣúḥ*, *dhṛṣṇúḥ* ‘храбрый’ — *dhṛṣṇóti* ‘дерзать’.

Мы рассмотрели следующие способы формирования аспектной и временной оппозиции: частицы, флексия, апофония, суффиксы. Можно было убедиться в том, что ни один из них не нёс изначально аспектуального значения. Надо полагать, что в праязыке происходило становление системы аспекта-времени. Иными словами, аспектуальная система в праязыке (и самых ранних засвидетельствованных языках — анатолийских) была не развитой (о критериях развития — [Красухин 2005]). Окончательно оформилась она в истории отдельных групп языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Красухин К.Г. Аспекты и времена праиндоевропейского глагола: Часть I // Вопросы языкознания, 2005, № 6.
2. Макаев Э.А. Общая теория сравнительного языкознания. М., 1977.
3. Обнорский С.П. Очерки по морфологии русского глагола. М.; Л., 1953.
4. Палмайтис М.Л. Индоевропейский маздар и проблема происхождения лит. *yrà* // Baltistica, 1984, v. 11.
5. Станг Х. Третье лицо глагола «быть» в балтийских языках //
6. Степанов Ю.С. Славянский глагольный вид и балтийская диатеза // IX Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М., 1978.
7. Степанов Ю.С. Лит. *yrà* и *iř ėsti*: проблема происхождения // Baltistica, 1985, v. 12.
8. Степанов Ю.С. Индоевропейское предложение. М., 1989.
9. Сидельцев А.В. Среднехеттские глаголы с суффиксом -sk-: Дисс... канд. филол. наук. М., 1999.
10. Фортунатов Ф.Ф. Старославянское -*тъ* как окончание 3 л. ед.ч. глагола // Известия Императорской академии наук.
11. Adrados F.R. Evolucion y estructura dal verbo indoeuropeo. Madrid, 1962.

12. Adrados F.R. Indo-European s-stems and the origin of polythematic verbal inflexion // IF, Bd. 86, 1981.
13. Dressler W. Studien zur verbalen Pluralität. Wien, 1968.
14. Erhart A. Das indoeuropäische Verbalsystem. Brno, 1989.
15. Kølln H. The opposition of voice in Greek, Baltic, and Slavic. København, 1969.
16. Krasukhin K.G. The Indo-European aspect-tense system and qualitative ablaut // Internal reconstruction: Selected papers of XVI ICHL/ ed. J.E. Rasmussen, Th. Olander. Copenhagen: Museum Tusulanum, 2009.
17. Meillet A. Sur l'aoriste sigmatique // Melanges F. de Saussure, Paris, 1908.
18. Ruiperes Sances M. Estructura del sistema de aspectos y tiempos del verbo griego antiguo: Análisis funcional sincrónica. Salamanca, 1954.
19. Schmid W. Der Ursprung des litauischen *yrà* // Studia philologica: Сборник в честь Ю.В. Откупщикова. СПб, 2001.
20. Schmitt-Brandt R. Aspekten im Indogermanischen? // Journal of Indo-European Studies, 1987. V. 15.
21. Stang Chr. Das baltische und slawische Verbum. Oslo, 1942.
22. Strunk K. Nasalpräsentien und Aoristen. Innsbruck, 1967.
23. Szemerényi O. The Origin of Aspect in Indo-European Languages // Glotta, 1985, V. 65.
24. Vaillant A. La grammaire comparée des langues slaves. Paris, 1969. V. III: Le verbe.

Н.В. КУЗЬМИНА (Смоленск, Россия)

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: Статья посвящена проблемам категории оценки в современной лингвистике. Несмотря на то, что оценка является широко описываемой категорией, существует целый ряд проблем, требующих комплексного подхода к анализу оценочных категорий. В данной статье рассматриваются различные подходы к определению категории оценки, а также выявляется спектр выражения и функционирования оценки.

Категория оценки широко изучается в современной лингвистике. Интерес к этой теме не ослабевает, связано это как с многообразными трактовками самой категории оценки, так и с различными подходами к определению круга оценочных значений и анализу оценочных категорий. Кроме того, категория оценки представляет собой достаточно сложное явление для осмысления и анализа, изучается не только в лингвистике, но и в рамках философии, этики, логики, аксиологии.

Понятие оценки вошло в лингвистику из логики оценок, где оценка квалифицировалась как высказывание о ценностях. Под ценностью, или добром, принято понимать все, что является объектом всякого желания, нужды, интереса, стремления и т.д. [4: 2]. Оценка представляет ценностное отношение к кому-, чему-либо, основанное на признании или отрицании достоинств и положительных качеств объекта.

«Оценка – это такое определение объекта, при котором выявляется его положительное (отрицательное) значение для субъекта, при условии, что объект способен удовлетворять потребности субъекта» [4: 12]. Именно такое (узкое) понимание оценки получило наибольшее распространение в лингвистике.

Оценивание различных явлений действительности является одной из важнейших составляющих когнитивной деятельности человека. Именно поэтому Н.Д. Арутюнова определяет оценку как «собственно человеческую категорию», которая «задана физической и психической природой человека, его бытием и чувствованием, она задает его мышление и деятельность, отношение к другим людям и предметам действительности, его восприятие искусства» [1: 5].

В лингвистике оценка понимается как универсальная категория, сущность которой заключается в отражении в языке ценностного отношения познающего субъекта к объективной действительности. Отражение объективного мира человеческим сознанием по своей сути является отношением оценочным. «Познавательный акт как некоторый фрагмент деятельности человека уже по своей природе содержит так называемый оценочный момент, который и есть не что иное, как произведенная субъектом мыслительная операция над

предметом высказывания (восприятие, понимание, обобщение, заключение и т. д.), что представляет собой «оценку» в самом широком понимании. Оценка содержится, таким образом, повсюду, где происходит какое бы то ни было соприкосновение субъекта познания с объективным миром» [5: 142].

Интерес лингвистов к познанию сущности оценки стремительно возрастает. Это связано с тем, что оценка имеет огромный спектр средств выражения и функционирует на всех грамматических уровнях. Н.Ю. Шведова трактовала оценку как одну из четырех «изначальных» функций языка, которая организует словарь языка, его фразеологические средства и грамматику.

Основное направление в изучении категории оценки современными лингвистами связано с определением оценочных значений и способов их выражения. Основное внимание в традиционной лингвистике было направлено на анализ семантики и структуры оценки, на изучение элементов оценочной структуры. В дальнейшем изучение категории оценки расширилось исследованиями семантических, прагматических и функциональных особенностей оценочных значений. По нашему мнению, оценка теснейшим образом связана с прагматикой. Так, говорящий воздействует на слушающего в целях создания у него адекватной реакции по поводу высказанной оценки. Выбор языковых средств для выражения наиболее точной оценки, т.е. средства практического осуществления речевого воздействия, лежит за пределами прагматики – в синтактике и семантике языка, но само стремление говорящего выбрать из «наличного репертуара» языка наиболее точные, наиболее убедительные – это уже сфера прагматики [3: 11].

На современном этапе лингвистики проблема взаимодействия семантики и прагматики становится одной из центральных проблем языкознания.

В лингвистической литературе оценку часто рассматривают как субъективную категорию. Так, Н.Д. Арутюнова считает, что оценка выражает субъективное отношение к явлениям окружающей действительности, а не отражает их объективные характеристики. Такой подход предопределяет изучение оценочных значений в тесной связи с человеком, т.е. с восприятием объективной действительности человеком и его оценки по поводу воспринимаемых явлений действительности.

Однако по данному вопросу существуют и противоположные мнения. Так, Е.М. Вольф считает, что оценка предполагает собственные свойства предмета, т.е. содержит объективный компонент. По мнению Е.М. Вольф, субъект оценки опирается не только на личностное отношение к объекту оценки, но и на стереотипные представления об объекте [3: 23]. В случае индивидуальной оценки автор выражает не только свое мнение, но и то общепризнанное положение вещей, которое существует в данном социуме, т.е. в случае субъективной оценки также имеется понятие о нормативных положениях, которые представляются таковыми для субъекта оценки. Таким образом, критерием, на основании которого дается оценка, является стереотипное представление субъекта оценки о данном положении вещей, которое существует, принято в данном социуме.

Изучение оценки со стороны семантики позволило выявить тот факт, что субъективный и объективный факторы неразрывно связаны между собой. Можно говорить о том, что объективное и

субъективное – это две стороны одного и того же явления: познания и отражения действительности. Субъективное складывается на основе объективного. На основе явлений, существующих в объективной действительности, складывается их субъективная оценка.

Рассмотрение объективных и субъективных факторов в оценке предполагает разграничение оценочных и дескриптивных компонентов значения. Вопрос о соотношении оценочного и дескриптивного в оценке является весьма спорным. Убедительным в этом плане, на наш взгляд, является мнение Н.Д. Арутюновой, которая считает, что основные различия между двумя типами значений заключаются в том, что дескриптивные значения фиксируют отношение между языком и окружающим миром, а оценочные значения характеризуют отношение между окружающим миром и его идеализированной моделью: наличие и отсутствие соответствия между этими мирами [2: 182].

Связь между дескриптивными и оценочными значениями наиболее полно проявляется в семантике прилагательных, так как их основу составляет признаковая семантика.

Эмоциональная оценка, создаваемая прилагательными, как любая оценочная структура, отражает два фактора: объективный и субъективный, представляет отношения субъекта оценки к объекту и свойствам самого объекта, на которые направлена оценка. Отношение субъекта к объекту может быть оценено с точки зрения «хорошо/плохо». Взаимодействие объективного и субъективного факторов лежат в основе структуры оценочной шкалы, представляющей собой «континуум», где постоянно нарастает или снижается степень признака [3: 54]. Точкой отсчета для эмоциональной оценки на шкале будет нормальное, обычное

положение вещей. Норма соотнесена с той частью шкалы оценок, на которой помещаются стереотипные представления о данном объекте с соответствующим признаком. По одну сторону шкалы оценки располагаются прилагательные со знаком «+», по другую – со знаком «-». Прилагательные со знаком «-» свидетельствуют об отклонении от нормы, прилагательные со знаком «+» – о соответствии норме.

Таким образом, в самой семантике прилагательных оказываются связанными собственно семантический и прагматический планы высказывания. Прагматический аспект присутствует у качественных прилагательных, имеющих оценочный характер.

Оценочные маркеры общего характера («хороший» – «плохой») могут быть приписаны практически любому предмету или явлению. Поэтому имеется ряд прилагательных, которые включают оценочную сему в свою семантическую структуру, например: *прекрасный, чудный* – положительная оценка или *жадный, грубый* – отрицательная оценка. Следовательно, оценочный компонент может присутствовать в самых разнообразных прилагательных, вводя в их семантическую структуру указание на участие субъекта высказывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка / Н.Д. Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики. М., 1984.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. I-XV.
3. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985.
4. Ивин А.А. Основания логики оценок. М.: МГУ, 1970.
5. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975.

РУССКИЕ МЕЖДОМЕТИЯ В АСПЕКТЕ АНАЛИТИЗМА

В лексико-грамматической системе современного русского языка есть такие узлы, узелки, узелочки, развязать которые брались многие исследователи, поворачивали и так и этак (а то и резали, рубили), наконец махнули рукой. Август Борисович – непревзойдённый мастер по развязыванию: он находит нужные нити, чтобы распутать сложнейшие вопросы грамматической связи **управление**, понятия **детерминант**, категории **лицо** в классе существительных, и прочие, и подобные. Его пример – другим наука.

Русское междометие – сложнейшее языковое явление само по себе, а в его описаниях накопилось много противоречий и остались пустоты. Это также побуждает рассмотреть некоторые вопросы.

Междометие занимает особое положение в лексико-грамматической системе русского языка – периферийное, в грамматиках – последнее. Правда, Л.В. Щерба начал обзор частей речи с междометия: «Очень неясная и туманная категория междометий [11: 67]. Непонятно, немотивированно в современных грамматиках ставится междометие в ряду **частей речи** под последним номером. Класс междометий является **некатегориальным** и **неноминативным**. Более того, грамматисты-классики не решались называть их словами (или делали это с оговорками): «это **знаки** чувствований <...>; вступить в какие-либо отношения с другими словами языка эти слова не могут» [9: 372] (подчёркнуто мной – П. Л.); междометия «... становятся словесными восклицательными **символами**,

выражающими эмоции» [3: 198 - 199] (подчёркнуто мной – П. Л.) (эта характеристика размещена в главе «О наречии и частицах»).

Развёрнутую характеристику междометий представил В.В. Виноградов, подчеркнувший прежде всего их продуктивность: «Междометия составляют в современном языке живой и богатый пласт чисто субъективных речевых знаков, именно – знаков, служащих для выражения эмоционально-волевых реакций субъекта на действительность, для непосредственного эмоционального выражения переживаний, ощущений, аффектов, волевых изъявлений» [4: 745]. Виноградов, как известно, в равной степени оценивал рациональную и эмоциональную функции языка и речи. Однако в учении о частях речи он отдал предпочтение категориальному признаку. «С грамматической точки зрения междометия ущербны» [4: 746]. Этот признак, наряду с их неноминативностью, послужил для Виноградова основанием рассматривать междометия как особый структурно-семантический тип слов, противопоставленный частям речи. Однако эмоциональный потенциал русского языка невозможно представить без междометий. «В целом создание лексики и грамматики чувств есть результат великого усилия человека познать самого себя» [2: 399].

Для междометий характерно «господство экспрессивно-смысловых фонетических и интонационно-мелодических элементов» [4: 745].

Определяющая роль интонации для эмоционального содержания междометий многократно отмечалась, например: «ах!, выражающее и удивление, и радость, и возмущение, и ряд других переживаний...» [1: 115].

Однако сама по себе звуковая сторона, звуковая «форма» – не пустой звук. «Не обладая номинативной функцией, междометия имеют осознанное коллективом смысловое содержание» [4: 745], реализация которого определяется ситуацией. Наличие такой закреплённости содержания определяет возможность субстантивации, напр.: *Надоели мне ваши ахи, охи*, а также своего рода речевой игры: *А вы, по доброте вашей... ах, какая это ошибка была! такая ошибка! такая ошибка!* – «Ах» да «ах» - *ты бы в ту пору, ахало, ахал, как время было* (М. Салтыков-Щедрин).

Своеобразная «многозначность» характеризует немногочисленную группу «базовых», так сказать, междометий: *о!*, *ах!*, *ох!*, *ай!*, *ой!*, *а!* и др. Напротив, часть близких к «базовым» имеют ограниченное содержание и употребление: *у!*, *фи!*, *и!*, *увы!* («горестное», почему-то, у Виноградова), например: *Уу! моя красавица!* – *закричал граф.* – *Лучше вас всех!..* (Л. Толстой); *Хоть барышня, может, и смешна, всё же я перед нею дура безграмотная.* – *И!* – *сказал Алексей, - есть о чём сокрушаться!* *Да коли хочешь, я тотчас выучу тебя грамоте* (А. Пушкин); *Но тот, кому пою в вечерней тишине, Кому посвящены мечтания поэта, - Увы! не внимлет он – и не даёт ответа...* (Н. Некрасов).

Содержание «базовых» междометий имеет ситуативный характер. Междометие не текстовая единица; употребление его в тексте согласует мнимое его содержание с конкретным смыслом высказывания: *У! Как свежо и хорошо!* (Н. Гоголь); *О, как эта жизнь читалась взасос!* (В. Маяковский); *Ах, как светло роятся огоньки* (Н. Рубцов); *Ах, как тяжело бремя свободы!* (М. Волошин); [Надежда Антоновна] *Ах, как вы меня испугали!* (А. Островский);

Я не вижу ни одной хаты. Эх, какая метель! (Н. Гоголь); *О, как я обрадовался этому чувству!* (М. Лермонтов); ... *Отдвигая несколько подальше от себя зеркало, вскрикнула: - Нет, хороша я! Ах, как хороша! Чудо!* (Н. Гоголь); ... *Смотрит ему вслед, не мигая, пока он не скрывается в подъезде гимназии. Ах, как она его любит!* (А. Чехов); *Бог, мой друг, всё видит, а я ... ах, как давно я тебя насквозь понимаю!* (М. Салтыков-Щедрин); ... *Белый цвет родных берёз. Ах, как радостно и больно Видеть их в краю ином...* (А. Твардовский).

В особых случаях напряжённой эмоциональности текста используются комплексы, наборы различных средств, включая эмоциональную лексику, междометия, повторы, интенсивы, аналитические узлы, риторические высказывания. Например: – *Соня! Соня! – слышался опять первый голос. – Ну, как можно спать! Да ты посмотри, что за прелесть! Ах, какая прелесть!* (Л. Толстой); *А Тимофей, красный, удовлетворённый, повторял: Ах, как я вклепался!.. А-я-яй! Это ж надо так!* (В. Шукшин); *Ах, как холодно в дороге, У объезда где-нибудь, Как прохватывает ветер, Как луна теплом бедна. Ах, как трудно всё на свете: Служба, жизнь, зима, война* (А. Твардовский).

Более сложной является проблема аналитизма, аналитического строения самих междометий. Рост аналитизма, о котором своевременно и убедительно писал В.В. Виноградов [4: 37], фронтально охватывает всю грамматическую систему современного русского языка, все знаменательные части речи (включая местоимения), все формальные слова (в том числе связку) [7: 24–28], а также члены предложения [8: 62–68]. Междометия как таковые, в силу своей «грамматической

ущербности», не склонны к аналитическому строению и к аналитическому образованию.

Однако нужно учитывать, что аналитизм далеко не всегда проявляет себя чётко, элегантно, математически: *взял бы, была бы, вряд ли, был здоров, стало светло* и т. п. «Из грамматического слова вырастают грамматические идиоматизмы и аналитические словосочетания» [4: 37]. Аналитическим способом выражаются формы рода, числа, падежа неизменяемых существительных (к тому же «именная категория лица» [6: 232–233]).

В современный корпус междометий входит немало *идиоматизмов* – этикие «*идиометия*»: – *А пехота! Как по нотам Шла пехота. Ну да что там!* (А. Твардовский); [Глумов] *Не из журналов же учиться уму-разуму!* [Крутицкий] *Ещё бы!* (А. Островский); *Подавайте сюда вашего подпольного Рокфеллера. Сейчас я буду его раздевать. Ох, уж мне эти принцы и нищие!* (И. Ильф, Е. Петров); *Его поразило, что он написал стихи. Он никогда не писал стихов. Вот это да!* (В. Шукшин).

Черты *идиометий* присущи большинству многокомпонентных междометий, только в отдельных ярко высвечиваются усилительные частицы *да, же, и* – явные элементы аналитизма: – *Да ну же, пошёл, три целковых на водку, пошёл!* – *закричал Ростов* (Л. Толстой); – *Это дьяк!* – *произнёс изумившийся более всех Чуб.* – *Вот тебе на! ай да Солоха!* (Н. Гоголь); – *Кто же Тёркин?* – *Ну и лихо! Хохот, шум, неразбериха* (А. Твардовский). Можно упомянуть частицу *- ка (-ко)* при базовых междометиях *ну, на*: *Пар бодает в потолок. Ну-ка с полу на полоч!* (А. Твардовский); *Сам пилу берёт: – А ну-ка...*

<...> – **На-ко**, дед, бери, смотри. Будет резать лучше новой... (А. Твардовский).

Вообще класс междометий крепко связан с частицами, но это «сдержанное» родство, можно сказать, холодное. Входящие в состав междометий частицы растворяются в общем содержании. Самую высокую частоту употребления обнаруживает частица *вот*; см., напр.: – *Я – арендатор этого кладбища! – **Во-от как!**.. А у вас, я заметил, большой тут порядок...* (С. Сергеев-Ценский); *Я толкаю его в левый бок, нет, в правый, а вы жмёте слева. – Почему слева? – **Вот ещё!** Ну, справа* (И. Ильф, Е. Петров).

Но по общей частоте употребления компонентов преобладают прономинальные. Если относить к оным «наречные» *так*, *где* и под., то можно оценить участие прономинальных единиц в составе междометий как экспансию: доля таких междометий в общем числе 25%! Как правило, значение прономинальных компонентов утрачивается. Но в ряде случаев оно как бы «просвечивает» в конкретном междометии. Проследим, к примеру, особенности участия в междометиях компонента *ты* [10: 254]. *Ты* может сохранять дейктическое содержание в сочетании с базовым междометием: – **Эх, вы!** – *сказал Васька. – Эх, вы, глупый народ! Разве аэропланы из щепок делают?* (А. Гайдар); *Белинька, собачка моя! Смотрите, облизывается. Ах ты, моя бедная...* (А. Куприн); или включается в идиометие вместе с базовым: *Славная бекеша у Ивана Ивановича! отличнейшая! А какие смушки! Фу ты, пропасть, какие смушки! сизые с морозом!* (Н. Гоголь).

Наконец, *ты* составляет неделимое междометие с прономинальным же *что*: *что ты!*, *что вы*, которое

употребляется в диалоге, где сохраняет дейктическую функцию: [Матрёна] *Письмо вот принесли.* [Бальзаминава] *От кого бы это? Я уж и не знаю.* [Матрёна] *Я догоню солдата да назад ему отдам.* [Бальзаминава] **Что ты!** Как можно... (А. Островский); [Глумов] *Я на знакомства очень осторожен – я берегу себя. И поэтому я вас прошу не посещать меня.* [Курчаев] **Что вы,** с ума сошли! (А. Островский); – *Слава те господи, господин хороший, век свой прожили и не токмо что убивать, но и мыслей таких в голове не было. Спаси и помилуй, царица небесная...* **Что вы-с!** (А. Чехов).

Что ты! Что вы! напрямую, однозначно реализуют общую функцию эмоциональных междометий – быть «показателями значения синтаксического лица» [5: 173].

Конечно, участие междометия в реализации категории лица как **добавочного** средства ещё и факультативно: междометие не входит в состав предложения. Здесь снова нужно обратиться к вопросу об анализме. Отношения предложения и междометия (междометие **при** предложении) – это своеобразный анализм на эмоциональном уровне. Эмоциональное междометие не может быть употреблено при неэмоциональном предложении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абакумов С.И. Современный русский литературный язык. М., 1942.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
3. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. М. – Л., 1935.
4. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М. – Л., 1947.
5. Востоков В.В. Предикативность. Модальность. Синтаксическое лицо. Арзамас, 1999.
6. Копелиович А.Б. Именная категория лица: диахронический аспект // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Владимир, 2013.
7. Лекант П.А. Тенденция роста анализма в грамматическом строе современного русского языка. Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». № 6, т. 2. 2011.

8. Лекант П.А. Субъективная аналитическая категория *интенсива* в русском языке. // Аналитизм в лексико-грамматической системе русского языка. М., 2011.
9. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2011.
10. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 2003.
11. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке. / Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
12. Объяснительный словарь русского языка. Структурные слова. Под ред. В.В. Морковкина. М., 2002.

Э. ЛЕНДВАИ (*Печ, Венгрия*)

БИНАРНЫЕ ОППОЗИЦИИ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Под влиянием бума в межкультурной коммуникации глобализированного мира последовал бум коммуникативных неудач между представителями разных культур. В результате этого, вырисовываются очертания компаративных исследований и преподавания межкультурного общения. Настоящая работа посвящена проблемам бинарных оппозиций внутри лингвокультур и между ними.

1. Глобализация и межкультурная коммуникация

В «глобальной деревне» наблюдается бум межкультурных встреч. Вследствие этого увеличивается количество коммуникативных неудач, вызванных тем, что во время вербального общения подсознательно работают и невербальные каналы общения, главным образом язык жестов и коммуникативное поведение. Очертания компаративного изучения и преподавания **лингвокультур** (семиотического комплекса вербально-невербальных каналов общения) лишь недавно стали вырисовываться на карте прикладной лингвистики [1, 2, 4, 6, 9, 11, 12]. В результате этого на смену преподавания иностранных

языков приходит компаративное изучение лингвокультур, иными словами преподавание межкультурной коммуникации.

Лингвокультуры представляют собой относительно открытые знаковые системы. Подобно фонологии, морфологии и семантике, они функционируют по бинарному принципу. На основе этого гипотезируется, что в компаративном изучении лингвокультур процедуры компонентного и пропозиционного анализа вполне применимы. Однако при этом нужно учесть, что по невербальным каналам в основном происходит обмен **прагматической информацией**, выражающей аксиологические отношения между коммуникантами.

2. Бинарные оппозиции внутри лингвокультур

Измерения (параметры) лингвокультур рассматриваются нами как ценностные установки, детерминирующие вербально-невербальные поступки носителей данной лингвокультуры. Параметры контекста, дистанции власти, индивидуализма / коллективизма, избегания неопределенности, маскулинности / фемининности и др. определяют сферы и способы действия семиотического инвентаря, регулируют коммуникативное поведение членов культурно-языкового коллектива. Например, «русские часто перебивают собеседника, легко вмешиваются в разговор, любят давать советы, критиковать, спорить, могут задавать личные вопросы, позволяют себе сделать замечания окружающим, навязывают свое мнение другим, не контролируют свои эмоции, в процессе общения оказывают воздействие на собеседника и т.д.» [2: 197], что является признаком коллективизма. Вследствие этого, сообщения, порождаемые русскими коммуникантами, содержат значительное количество речевых конструкций «перебивания собеседника», «вмешивания в

разговор», «выражения совета и критики» и т. д. Разумеется, подобные конструкции имеются и в других лингвокультурах, однако частотность, инвентарь и способы их употребления различаются между ними.

Бинарность наблюдается как внутри лингвокультур, так и между лингвокультурами. В русской лингвокультуре (в буквальном и переносном значениях) присутствуют оппозиции типа *левый / правый, высокий / низкий, можно / нельзя, принято / не принято, положено / не положено, мужской / женский, смерть / жизнь, свет / тьма, свой / чужой, земля / небо, море / суша, земля* и т. п. Многие оппозиции отражаются, например, в пословицах, ср.: *худо / добро, счастье / несчастье, ученье / неученье, свет / тьма, мягко / жестко, чужой / свой, сытый / голодный, копейка / рубль, дружба / служба: Нет худа без добра. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Ученье – свет, а неученье – тьма. Мягко стелет, да жестко спать. В чужой монастырь со своим уставом не ходят. Сытый голодного не разумеет. Дружба дружбой, а служба службой. Копейка рубль бережет.*

Для «грамматики» лингвокультуры характерен **инференционный способ работы**. Это значит, что информация коммуникативных поступков в сознании собеседников и окружающих коммуникантов реализуется в виде **аксиологических выводов**. Например, на основе «постоянной» улыбки американцев, русские делают вывод – *«Американцы неискренние»*, а «неулыбчивость» русских заставляет американцев сделать вывод – *«Русские неприветливые»*. Разумеется, подобные суждения мотивированы этноцентризмом и носят субъективный характер. Так или иначе, перед нами формула **взаимного межкультурного недоразумения**,

осуществляемого на базе бинарной оппозиции 'постоянная улыбка' / 'непостоянная улыбка'.

3. Бинарные оппозиции между разными лингвокультурами

В работах [13, 14, 15, 16, 17] выдвинуты следующие параметры культур, релевантные в межкультурном общении: 1) контекст, 2) дистанция власти, 3) индивидуализм / коллективизм, 4) избегание неопределенности, 5) маскулинность / фемининность, 6) время, 7) пространство, 8) универсализм – партикуляризм, 9) нейтральность – аффективность, 10) специфичность – диффузность. Из них мы остановимся на первых пяти параметрах. По своей сущности данные параметры построены на бинарных оппозициях: контекст: высокий / низкий, дистанция власти: большая / небольшая, параметр индивидуализма / коллективизма, параметр избегания неопределенности: высокая степень / низкая степень, параметр маскулинности / фемининности и т. д. В практике преподавания межкультурной коммуникации, разумеется, целесообразно отмечать и переходные признаки, например, контекст: сильный / умеренный / слабый, дистанция власти: большая / средняя / небольшая, избегания неопределенности: высокая / средняя / низкая степень и т. п. Кроме этого, на занятиях межкультурной коммуникации рекомендуется проводить компаративный анализ национальных концептов типа *воля, ум, разум, сердце, душа, счастье, несчастье, тоска, друг, дружба, бедность, богатство, улыбка, смех* и т. п.

3.1. Параметр контекста

Под **контекстом** понимаются компоненты невербальной коммуникации, которые дополняют, видоизменяют, заменяют вербальные сообщения и вступают с ними в синергетическое

взаимодействие. В англосаксонских, скандинавских и германских лингвокультурах ведущая роль принадлежит вербальному языку: смысл сообщения, как правило, тождественен с буквальным значением высказывания. Это – признак слабого контекста. В азиатских, арабских, средиземноморских и восточноевропейских лингвокультурах, наоборот, налицо сильный контекст. В них велика роль невербальных факторов, традиций, обычаев, интуиций, ритуалов, коммуникативного поведения, кинем, а также образных, иносказательных конструкций вербального языка. „Западный человек (...) слышит только то, что было сказано, не пытаясь *домыслить* услышанное. У русского же сначала работает воображение и интуиция, а уже потом воля и ум” [7: 139].

Необходимо также отметить, что в рамках одной и той же лингвокультуры могут наблюдаться как индивидуальные, так и групповые различия. Например, среди интеллигенции наблюдается более слабый контекст, чем в среде малообразованных людей. Также примечательно, что интуитивное мышление и чувство подтекста обычно более характерны для женщин, нежели для мужчин. Таблица демонстрирует **прагматические оппозиции** между лингвокультурами низкого и высокого контекстов:

Признаки лингвокультур	Низкий контекст	Высокий контекст
Велика ли роль невербального общения?	–	+
Важна ли роль фоновых знаний?	–	+
Велика ли роль интуитивного мышления?	–	+
Является ли ведущим вербально-логическое мышление?	+	–
Близок ли смысл сообщения к буквальному значению высказывания?	+	–
Четко ли выражается в речи оценка говорящего?	+	–

3.2. Параметр дистанции власти

Каждая культура характеризуется тем, насколько высока в ней степень социального и политического равенства / неравенства. Высокая степень неравенства является признаком большой дистанции власти. Сюда относятся такие признаки, как культ власти, культ личности, вера в доброго царя, в справедливого лидера страны и др. Примечательно, что наблюдается обратная пропорция в плане величины дистанции власти и политических анекдотов. При большой дистанции власти богата и развита система политических анекдотов, в противоположном случае таких анекдотов меньше [3]. В шведской лингвокультуре, например, практически нет политических анекдотов. Русская лингвокультура характеризуется большой дистанцией власти, венгерская – средней, растущей, а шведская – небольшой дистанцией. В странах с низким индексом дистанции власти в обществе не существует особых привилегий; индивидуальные достоинства ценятся выше чем общественно-политический статус человека, предпочтение отдается минимизации неравенства и высоко ценится личная инициатива. В странах с высоким индексом дистанции власти обычно присутствуют «пирамиды власти» в структуре государства, на работе и в семьях, где обычно царит атмосфера послушания и подчинения старшим. Ниже перечислены некоторые прагматические оппозиции между лингвокультурами низкого и высокого индекса дистанции власти:

Признаки лингвокультуры	Низкий индекс дистанции власти	Высокий индекс дистанции власти
Дает ли власть особые льготы и привилегии?	–	+
Наблюдается ли минимизация неравенства?	+	–
Высоко ли оценивается статус?	–	+
Высоко ли оценивается образованность?	+	– (+)
Высоко ли оценивается личная инициатива?	+	–
Налицо ли в семье подчинение старшим?	–	+
Налицо ли в семье равные отношения?	+	–

3.3. Параметр индивидуализма / коллективизма

Данный параметр показывает, насколько для данной культуры характерны личные или групповые ценности. В индивидуалистических лингвокультурах признаки коллективизма уступают личным ценностям, в коллективистских – наоборот. В русском менталитете налицо архетип коллективизма. Об этом свидетельствуют события русской жизни, традиции, обычаи и привычки русского человека (многочисленные праздники, веселье, застолье, хлебосольство, тосты и т. д.). Русский человек любит «поговорить по душам», т. е. долго и откровенно говорить с хорошим знакомым, утешать его в случае необходимости, давать ему советы. Признаками коллективизма являются и лексические единицы, и устойчивые фразы типа *самоварничать*, *чувство локтя*, *быть как все*, а также и пословицы: *Человек без народу – что дерево без плоду. В тесноте, да не в обиде. Один в поле не воин. Доброе братство дороже богатства. Семейная каша погуще кипит. И в раю жить тошно одному* и др. Веселье в русском быту является неременным составляющим групповых ценностей: *Веселье – от всех бед спасенье. Кто умеет веселиться, того горе не боится. Живи, не скупись, с друзьями*

веселись. Веселье на Руси есть пути, не можем без того быти. У нас на Руси – прежде гостю поднеси. Не красна изба углами, а красна пирогами. Красному гостю – красное место. Умел звать – умей и угощать. Индивидуализм англосаксов отражается в следующих пословицах: *An Englishman's home is his castle. My house is my castle. Every man for himself. Every man is the architect of his own fortune. God helps those who help themselves. A public hall is never swept.*

В процессе выяснения элементов знаковости конкретных лингвокультур, необходимо остерегаться поспешных обобщений, о чем свидетельствует наблюдение А.В. Павловской: «коллективизм, который действительно свойственен русским людям, отнюдь не исключает индивидуализма. (...) [Крестьянская община] «по справедливости» распределяла землю по хозяйским дворам. Но работала каждая семья сама по себе. (...) В этом плане крестьяне были страшные индивидуалисты, (...) категорически отказывались косить сообща (...). Высокие заборы, которыми каждый русский «коллективист» норовит отгородиться от соседа (...), необходимы именно в коллективистском обществе, где все интересуются жизнью каждого, а каждый – жизнью всех» [4: 123-124].

«Еще один пример необходимости четкой картины о культурных параметрах. Согласно национальному стереотипу, русский коллективизм предполагает сильного лидера. Однако впечатления американского велосипедиста, проехавшего маршрут «Москва – Петербург» вместе с русскими попутчиками-велосипедистами, вносит поправки в эту картину. Американца поразило, что «у группы русских велосипедистов не было лидера, ответственного за принятие решений. Просто все собирались

вместе, обсуждали создавшуюся ситуацию, сообща принимали решение и выполняли его» [4: 125]. Получается, что в данной ситуации потребность в лидере является компонентом американского менталитета. Пример того, что коллективизм не всегда предполагает присутствие лидера:

Признаки лингвокультуры («велосипедный тур»)	Группа русских велосипедистов	Американский велосипедист
Нужда в наличии лидера	–	+
Обсуждение маршрута сообща	+	– (+)
Коллективное принятие решений	+	–

В других ситуациях архетип русского коллективизма сохраняется по сей день: «Сколько бывших инженеров до сих пор с ностальгией вспоминают свою работу в каком-нибудь конструкторском бюро. Вот это была жизнь: сообща, порой без сна, всегда без денег, делали важное общее дело, имевшее большое значение для всей страны (...). А сейчас, в своем бизнесе (если это, конечно, удачливый бывший инженер), никакой радости – ну дом, ну яхта, ну жена длинноногая молодая красавица, ради чего работаешь – не понятно, да и единомышленников нет, в бизнесе каждый сам за себя» [4: 133]. В последнее время в России, особенно среди молодежи, намечаются тенденции индивидуализма. В венгерском менталитете исторически заложен индивидуализм, который часто оказывается сильнее коллективизма. Вообще говоря, на шкале параметра индивидуализма – коллективизма, как и других измерений лингвокультуры, каждая лингвокультура занимает свое **специфическое место**. Японский коллективизм, например, не включает признаки перебивания собеседника, навязывания своего мнения другим, воздействия на партнера и др. Он отдает

предпочтение сотрудничеству в работе и в быту, чувству долга перед коллективом, пожизненной верности к рабочему коллективу, сдержанности и доброжелательности в общении. Некоторые прагматические оппозиции между лингвокультурами низкого и высокого индекса коллективизма:

Признаки лингвокультуры	Низкий индекс коллективизма	Высокий индекс коллективизма
Зависит ли карьера от связей?	–	+
Зависит ли карьера от личных качеств и достижений?	+	– (+)
Отдается ли предпочтение пожизненной верности к рабочему коллективу?	–	+
Отдается ли предпочтение сотрудничеству в работе и в быту?	–	+
Высоко ли ценятся веселье, застолье, хлебосольство и тосты?	–	+
Является ли ценностью привычка «поговорить по душам»?	–	+
Является ли ценностью неприкосновенность личной сферы?	+	–

3.4. Параметр избегания неопределенности

Параметр избегания неопределенности указывает на то, насколько представители данной лингвокультуры толерантны к неопределенным, неоднозначным ситуациям и новшествам. В лингвокультурах, толерантных к неопределенности, риск, перемена места жительства, места работы являются нормальными явлениями жизни. Более того, то, что отличается от привычного, в людях вызывает любопытство. Ценностями культур, стремящихся к определенности, наоборот, являются стабильность, традиции, отсутствие риска и перемен. То, что отличается от привычного, в представителях этих культур неопределенность может вызвать чувство опасности и страха.

«В культурах, толерантных к неопределенности, деление на «своих» и «чужих» отсутствует; отношения между членами группы и «аутсайдерами» практически одинаковые – ровные и приветливые, но при этом не слишком близкие. В этих культурах улыбаются всем, со всеми одинаково вежливы, люди часто здороваются с незнакомыми, легко вступают в контакт, но дальше отношения не всегда имеют продолжение, сближение происходит медленно, в отношениях сохраняется определенная дистанция.» [5: 9]. В русской и венгерской культурах наблюдается высокая степень избегания неопределенности. В них характерны высказывания «Не люблю рисковать. Не люблю нервничать» [8: 223]. Некоторые прагматические оппозиции между лингвокультурами низкого и высокого индекса избегания неопределенности:

Признаки лингвокультуры	Низкий индекс избегания неопределенности	Высокий индекс избегания неопределенности
Вызывает ли в людях любопытство то, что отличается от привычного?	+	–
Вызывает ли в людях чувство опасности и страха то, что отличается от привычного?	–	+
Высоко ли оцениваются стабильность и традиции?	–	+
Характерно ли деление людей на «своих» и «чужих»?	–	+
Бывает ли, что люди улыбаются незнакомым?	+	–
Бывает ли, что люди здороваются с незнакомыми?	–	+
Одинаково ли вежливы люди с членами группы и с «аутсайдерами»?	+	–

3.5. Параметр маскулинности – фемининности

В маскулинных культурах функции между представителями двух полов последовательно разделены по признаку мужское

дело / женское дело. Для фемининных лингвокультур характерно отсутствие такого разделения. В фемининных культурах нормы в равной степени касаются мужчин и женщин, наблюдаются равенство полов, разделение обязанностей по дому и воспитанию детей. Маскулинность как признак менталитета распространена в лингвокультурах сильного контекста. Наиболее типичным представителем маскулинности среди мужчин является мачо (исп. macho – 'самец'). Согласно менталитету представителей маскулинных лингвокультур, позорно, если мужчина занимается «немужским» делом, например, покупками, стиркой, уборкой квартиры, приготовлением пищи и др. О таком мужчине говорят, что он «под каблуком», «подкаблучник». Некоторые прагматические оппозиции между лингвокультурами низкого и высокого индекса маскулинности:

Признаки лингвокультуры	Фемининность	Маскулинность
Характерно ли равенство полов?	+	–
Четко ли разделены мужские и женские функции?	–	+
Является ли достоинством среди мужчин сочувствие к слабым?	+	–
Наблюдается ли разделение обязанностей по дому и воспитанию детей?	+	–
Называется ли «подкаблучником» мужчина, занимающийся домашними делами?	–	+

Подчеркнем, что данные бинарные оппозиции, как и вышеупомянутые, являются характерными, но никогда не абсолютными. В рамках конкретных культур, с одной стороны, могут присутствовать как одни, так и другие характеристики, с другой стороны, наблюдаются определенные процессы, тенденции изменения тех или иных признаков лингвокультур.

4. Заключение

В коммуникативных актах с инокультурными собеседниками аксиологические инференции работают по следующей модели: 1) если поступки представителя лингвокультуры «А» соответствуют нормам лингвокультуры «Б», то его репутация, как правило, не изменяется (нейтральная / нулевая инференция); 2) если поступки представителя лингвокультуры «А» не отвечают нормам лингвокультуры «Б», то репутация говорящего снижается (негативная инференция). Из этого вытекает, что появление аксиологических инференций поддается **прогнозированию**. Опыт преподавания межкультурной коммуникации показывает, что компаративный анализ в этой области полезен с точки зрения профилактики межкультурных коммуникативных неудач, связанных с **этноцентризмом**, неосознанной «убежденностью» в универсальности своих норм. Без межкультурной подготовки общение с инокультурными партнерами чревато коммуникативными провалами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гетьманенко Н. И. *Восприятие иной культуры: прототипы и стереотипы*. Москва: «Academia», 2010.
2. Зиновьева Е. И., Юрков, Е. Е. *Лингвокультурология: теория и практика*. Санкт-Петербург: „МИРС“. 2009.
3. Лендвай – Lendvai E. *Russian and Hungarian Joke-Systems in Contact*. In: Lendvai, E. (red.) *Applied Russian Studies in Hungary*, Pécs: Krónika Kiadó, 2000, 113-128.
4. Павловская А. В. *Россия и русские*. Москва: «Центр учебфильм», 2010.
5. *Параметры измерения культур*. www.telenir.net/kulturologija_kategorija_vezhlivosti_i_stil_kommunikacii/p4.php#metkadoc7 (23.01.2013).
6. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. *Русские: коммуникативное поведение*. Москва: «Флинта», «Наука», 2007.
7. Сергеева А. В. *Русские: Стереотипы поведения, традиции, ментальность*. Москва: Флинта: Наука, 2005.
8. Стернин И. А. *Очерк русского коммуникативного поведения*. Галле, 1991.
9. Стернин И. А., Стернина М. А. *Русское и американское общение: основные различия*. Протокол и этикет, 2003.
10. Тен Ю. П. *Культурология и межкультурная коммуникация*. Ростов-на-Дону: «Феникс», 2007.

11. Тер-Минасова С. Г. *Война и мир языков и культур*. Москва: «Слово / Slovo», 2008а.
12. Тер-Минасова С. Г. *Язык и межкультурная коммуникация*. Москва: «Слово / Slovo», 2008б.
13. Тромпенаарс – Trompenaars F., Hampden-Turner C. *Business across Cultures*. Capstone: 2003.
14. Холл – Hall E. T. *The Silent Language*. New York: Doubleday, 1959.
15. Холл – Hall E. T. *The Hidden Dimension*. New York: Doubleday, 1966.
16. Хофстеде – Hofstede G. *Culture's Consequences, Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Accross Nations*. Thousand Oaks CA: Sage Publications, 2001.
17. Хофстеде – Hofstede, G., Hofstede, G. J. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. New York: McGraw-Hill, 2004.

А.С. МАЛАХОВ (Владимир, Россия)

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ АППОЗИТИВНЫХ СОЧЕТАНИЙ И АППОЗИЦИИ

В лингвистической науке утвердилось понимание аппозиции как одной из разновидностей определения – приложения. На это указывает и перевод слова «аппозиция» с латинского: *appositio* – «приложение». Традиционно сочетание приложения с определяемым словом рассматривается как аппозитивное: *Пространства бегут, с хвоста нарастают, их жарит **солнце-кухарка*** (В. Маяковский); *На жаркой лежанке бесшумно дремала в валенках и в шубейке **баба-повитуха*** (А.Н. Толстой). Однако круг явлений, подводимых под понятие аппозитивного сочетания, некоторые исследователи расширяют.

Т.А. Бертагаев к аппозитивным сочетаниям относит сочетания типа *хлеб-соль* [2], получившие в науке название «парные именованья». По мнению М. В. Артамоновой, обе языковые единицы сходны в том, что способны выражать нерасчлененное значение. Различие же между указанными конструкциями заключается в характере отношений между компонентами сочетаний: в парных именованьях компоненты

находятся в отношениях равноправия, здесь нет главного и зависимого компонента, компоненты же аппозитивных конструкций находятся в атрибутивных отношениях, при которых один компонент является главным, а другой – зависимым [1: 32].

М.Г. Шатух в число аппозитивных сочетаний включает пояснительные конструкции [11]. Однако, как указывает Н.М. Лаврентьева, в таких конструкциях нет определяющего слова, а наблюдается тождество двух слов, образующих это «аппозитивное» сочетание. Доказательством тождества может служить введение пояснительного союза «то есть» в структуру таких сочетаний [6: 115].

Рассматриваются как аппозитивные и пояснительные конструкции при анафорических членах предложения (при синсемантических словах) [11].

В число аппозитивных М.Г. Шатух включает и присоединительные конструкции, которые, по мнению Н.М. Лаврентьевой, выходят из «структуры» предложения [6: 116].

К аппозитивным сочетаниям относят и составные наименования типа *слесарь-сборщик*, *заяц-русак*, функционирующие в русском языке в качестве терминов. По мнению Н.М. Лаврентьевой, такие сочетания не содержат характеризующего признака и обладают воспроизводимостью, поэтому их нельзя считать аппозитивными [6: 117]. Трудность в квалификации этого языкового явления связана с тем, что, как заметил А.Б. Копелиович, аппозитивный оборот представляет собой «нечто промежуточное от синтаксических отношений к деривационным, то есть приближается к тому, что мы называем сегодня сложносоставным словом» [5: 17]. Неслучайно К.С. Горбачевич считает сложносоставными словами и

аппозитивные сочетания типа *город-курорт* [3]. Такого же мнения придерживается и З.Д. Попова, которая, анализируя синтаксическую систему русского языка с позиций когнитивного направления в лингвистике, считает, что приложение как особый член предложения возможен только при обособлении, в то время как сочетания с необособленным приложением необходимо рассматривать как составные номинации, созданные для обозначения объекта, не имеющего однословной номинации [8: 124].

Рассматриваются как аппозитивные [12] и конструкции, которые в традиционной грамматике квалифицируются как однородные члены предложения с обобщающим словом [10]: *По большому двору... нескладно раскидались дворовые постройки: флигель, людская баня, конюшня...* (М. Шолохов). Д.Э. Розенталь рассматривает такие конструкции как переходные между однородными членами предложения с обобщающим словом и аппозитивными сочетаниями [9].

Таким образом, вопрос о том, какие сочетания следует относить к числу аппозитивных, является нерешенным. В истории лингвистической науки аппозитивными признаются языковые единицы, построенные по модели «существительное + существительное», но принадлежащие разным языковым уровням: синтаксическому (сочетания с зависимым компонентом - приложением, пояснительные конструкции, присоединительные конструкции, ряд однородных членов предложения с обобщающим словом, выраженным существительным), лексическому (сложные слова типа диван-кровать, парные именованья типа *хлеб-соль*).

Объединение в состав аппозитивных сочетаний таких разных языковых явлений, как сочетания с приложением, парные

именования, сложные слова и др., неслучайно. Действительно, рассматривать эти единицы в составе аппозитивного сочетания не представляется возможным, однако все они связаны с аппозитивностью (имеют какое-то нерасчлененное признаковое значение), хотя выражают ее по-разному.

Что же следует понимать под аппозитивностью? Аппозитивность можно рассматривать как языковую категорию, которая с помощью совокупности взаимосвязанных средств языка выражает аппозитивное значение – нерасчлененное значение, интегрирующее предметную, признаковую и оценочную семы.

Истоки аппозитивной семантики следует искать в древнем нерасчлененном имени, выражающем одновременно предмет и признак. По мнению В.В. Колесова, в современном языке есть факты, которые указывают на совпадение вещи и ее признака в одном имени: соотношение существительных и прилагательных типа *лад – ладный*, а также поэтические выражения типа *жар-птица, сила-рать* и др. [4: 218].

Аппозитивное значение в языке может быть выражено разными языковыми средствами:

- аппозитивными словами, под которыми нужно понимать слова с аппозитивным значением (аппозитивность заключена в лексическом значении слова). Так, к числу аппозитивных слов следует отнести слово *медведь* с переносным значением «о неуклюжем, неповоротливом человеке» [7: 439]. Значение слова возникает в результате слияния предметной, признаковой и оценочной сем;

- субстантивированными прилагательными, сохраняющими признаковое значение, но приобретающими предметное значение;

- аппозитивными сочетаниями.

Грамматическим ядром аппозитивности является аппозиция. Аппозицию следует рассматривать как номинативную структурно-семантическую единицу, возникающую на основе аппозитивной связи в результате соединения двух субстантивных слов и реализующую единое нерасчлененное значение «предмет – признак – оценка».

Внутри аппозиции можно выделить ядро и периферию. Ядерные элементы аппозиции – это классические аппозитивные сочетания с необособленным приложением. Такие сочетания построены по двум моделям: «имя нарицательное + имя нарицательное» и «имя собственное + имя собственное». Классическая аппозиция может быть трех типов:

1) качественно-оценочная аппозиция, которая дает качественную характеристику предмета, лица или явления и оценку этого предмета со стороны говорящего. В такой аппозиции есть знаковое слово, содержащее оценку. Чаще всего такой тип аппозиции характерен для модели «имя нарицательное + имя нарицательное»: *И как же убиваются жены по скоро износившимся, рано их покинувшим, таким вот **простофилям мужьям**...* (В. Астафьев);

2) классификационная аппозиция, указывающая на классификационный разряд, к которому принадлежит лицо или предмет. Это может быть указание на род занятий, профессию, специальность, должность, социальную принадлежность, национальную принадлежность, возраст, родство и т.д. Такая аппозиция чаще всего появляется в результате соединения имени нарицательного и имени собственного – антропонима: ***Швея***

Софья была такая скучная девица, словно несколько лет валялась за шкафом... (А.Н. Толстой);

3) гипонимическая аппозиция, указывающая на родовые отношения, в которых находятся объединяющиеся в аппозицию слова. Гипонимическая аппозиция чаще всего характерна для группы сочетаний «имя нарицательное + имя собственное», при этом имя собственное обозначает название предмета или географическое наименование: *В конце 1811 года ... жил в своем поместье **Ненарадове** добрый Гаврила Гаврилович Р*** (А. Пушкин).

Периферию аппозиции образуют сочетания, которые претерпевают различные структурные и / или семантические модификации. Это, во-первых, сочетания с обособленным приложением, построенные по модели «имя существительное + имя существительное», которые осложняются дополнительной полупредикативностью; а во-вторых, все те сочетания, которые не получают однозначной квалификации в лингвистической литературе: парные именованья, пояснительные конструкции, сложные слова типа *диван-кровать*.

Таким образом, аппозитивные сочетания и аппозиция соотносятся между собой как часть – целое. Аппозитивные сочетания – это одна из разновидностей аппозиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонова М.В. Парные именованья в древнерусском тексте. Владимир, 2009. 208 с.
2. Бертагаев Т.А. Отграничение сочетаний с приложением от сходных сочетаний // РЯШ. 1957. № 1.
3. Горбачевич К.С. О нормах употребления сложносоставных слов // Русский язык в школе. 1977. № 2. С. 74-76.
4. Колесов В.В. Историческая грамматика русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / Учебно-

- методический комплекс по курсу «Историческая грамматика русского языка». СПб: СПбГУ, 2013. 512 с.
5. Копелиович А.Б. Очерки по истории грамматического рода. Владивосток, 1988. 120 с.
  6. Лаврентьева Н.М. Синтаксические отношения и связи уровня простого предложения. Саранск: Изд-во Сарат. ун-та. Саран. фил., 1989. 152 с.
  7. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / Под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2007.
  8. Попова З.Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов. Воронеж: изд-во «Истоки», 2009. 209 с.
  9. Розенталь Д.Э. Справочник по русскому языку. Пунктуация. М., 2004.
  10. Чуглов В.И. обобщающие слова и однородные члены // Русский язык в школе. 2003. №6.
  11. Шатух М.Г. Структурно-семантические разряды приложений // Вопросы языкознания. Львов, 1955. Кн.1. С. 20-41.
  12. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М., 1941.

Т.С. МОНИНА (*Электросталь, Россия*)

СИНТАГМАТИКА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ РЕЧЕВОЙ СЕМАНТИКИ СЛОВА

Аннотация. Статья посвящена основным механизмам формирования речевой семантики слова. В качестве одного из факторов рассматриваются синтагматические связи слова в контексте словосочетания, предложения и текста. Показано, что коннотативные значения речевой единицы, проявляемые на всех языковых уровнях, закрепляются в общем контексте дискурса.

Необходимость разграничения языкового и речевого содержания в слове заставляет предположить два уровня его сигнификативного значения: языковую семантику, сформированную в языковой системе, и речевую семантику, сформированную системой, проявляемой в речевом высказывании. Языковое значение слова сформировано в открытой виртуальной системе его синтагматических и парадигматических связей, речевое значение — это результат связей между словами, функционирующими в закрытой системе речевого субъекта.

Значимость слова, по определению Ф. де Соссюра, определяется системой, включающей в себя определенное количество противопоставленных друг другу знаков. Важно подчеркнуть, что одна и та же единица подчиняется в системе языка и речи разным закономерностям, что языковая значимость слова не совпадает с речевой значимостью, поскольку речевой контекст определенным образом нарушает языковую систему, изменяя в ней количество знаков и, соответственно, систему их противопоставленности друг другу. У слов, включенных в контекст, наблюдается изменение их общезыкового смысла, а именно: происходят различные процессы семного варьирования – актуализация сем, ослабление сем, расщепление сем, модификация сем, конкретизация сем и т. д. [9].

Область горизонтального контекста принципиально безгранична, направленность анализа на тот или иной контекстуальный срез определяется интересами исследователя, но принципиально можно выделить основные уровни анализа — это лексема, словосочетание, предложение и текст.

Рассмотрим влияние синтагматики на формирование речевого значения слова в рассказе В.Пелевина «Краткая история пэйнтбола в Москве». Денотативное значение лексемы зафиксировано в словаре и прежде всего проявлено вне контекстных связей слова: *ПЭЙНТБО́Л* (англ. *Paintball* — шар с краской) — ‘командная игра с применением маркеров, стреляющих шариками с краской, разбивающимися при ударе о препятствие и окрашивающими его’ [В].

В пределах словосочетания денотативное значение слова конкретизируется, сужается рамками актуализации других компонентов словосочетания. Так, номинативный объем значения

существительного в словосочетаниях *крышка стола, грецкий орех* значительно меньше номинативного объема существительного, взятого в качестве отдельной лексемы. Положение В.В. Виноградова о том, что основой объединения компонентов словосочетания является их способность к синтаксической сочетаемости, было развито в концепции валентности слова. В.Г. Адмони вводит в научный обиход понятие «валентностной грамматики», плодотворность направления которой подтверждается новейшими исследованиями в этом направлении. [2: 151-152]. Валентностная грамматика — это грамматика зависимостей, где описание единиц идет не от формы к содержанию или от содержания к форме, а на основе их функциональных свойств, которые определяют значение, выраженное определенной формой. Валентностная грамматика исходит из базисного положения о том, что все языковые единицы не существуют изолированно друг от друга, а взаимосвязаны, взаимозависимы в своих функциях. В валентностном синтаксисе основной категорией признается тип валентности лексемы, проявляющийся в виртуальной способности слова к образованию словосочетаний. Знание правил сложения смыслов, опирающееся на исследование законов взаимодействия грамматических и семантических уровней слова, с одной стороны, и законов сочетаний слов, с другой, позволяет яснее и точнее воспроизводить систему функционирования слова в структуре языка и в речевой коммуникации.

Языковая валентность слова не нарушает его денотативной соотносительности с номинацией внеязыкового явления, обозначенного в словаре. *Из широкого ассортимента предлагаемой нами качественной продукции Вы наверняка*

сможете выбрать именно то, что Вам нужно: **маркеры, баллоны, средства личной защиты** и многое другое. У нас Вы сможете приобрести **оборудование для любителя пэйнтбола** любого уровня, от новичка до профессионала (www.paintguns.narod.ru/). В словосочетаниях **маркеры для пэйнтбола, баллоны для пэйнтбола, оборудование для пэйнтбола** лексема **пэйнтбол** сохраняет свою словарную (языковую) семантику.

Если в контексте словосочетания нарушается денотативная валентность лексемы, в ее семантической структуре наблюдается семное варьирование. Так, в контексте рассказа при словосложении **пэйнтбол-экзакуция** лексема **пэйнтбол** меняет свое языковую семантику, происходит конкретизация семы 'игра' путем ее соединения с семой 'наказание', являющейся архисемой семантической структуры лексемы **экзакуция**. **ЭКЗЕКУЦИЯ** (лат.). 1) в буржуазном уголовном праве — телесное наказание, смертная казнь; 2) в гражданском праве буржуазных стран — продажа имущества должника; 3) в международном праве — применение карательных мер одним государством против другого [СИ]. Это особенно очевидно при сравнении с семантикой сложного слова **пэйнтбол-разбор**, в котором не нарушена языковая валентность. **РАЗБОР**, -а (-у), м. 1. см. разобрать. 2. Выбор, отбор, разборчивое отношение к кому-чему-н. *Брать все без разбора*. 3. Сорт, качество (устар.) *Мука второго разбора* [СО]. Семантика слова **пэйнтбол** соотносится с семантикой первого лексико-семантического варианта слова **разбор**, вследствие чего сложносоставное слово **пэйнтбол-разбор** может трактоваться как 'анализ игры'.

В рассказе В. Пелевина в основном простые словосочетания построены на основе языковой валентности: *оборудование для пэйнтбола, ружье для пэйнтбола, пистолет для пэйнтбола, шарик для пэйнтбола, используемое снаряжение в пэйнтболе, машинка для пэйнтбола, история пэйнтбола*. Синтагматика этих словосочетаний актуализирует речевую семантику лексемы *пэйнтбол*, полностью совпадающую с языковой. Ср.: *Краткая история пэйнтбола в Москве* (В.Пелевин) — *История пейнтбола окутана легендами. Одни утверждают, что пейнтбол зародился в 70-х годах XX века в недрах ЦРУ, другие — приписывают изобретение Моссаду (paintballworld.ru/)*.

Следующим уровнем контекстного расширения речевого значения лексемы является предложенческий. Семантическое направление в исследовании основной синтаксической единицы в качестве базисного выдвинуло понятие «пропозиции». Предлагаются различные способы вычленения пропозиций в составе предложения: логический (по количеству суждений), прагматический (по количеству сообщений и степени их коммуникативной значимости), лексический (по количеству сообщений и результатам проведенных с помощью метаязыка операций). В данной работе под пропозицией понимается смысловое содержание предложения, отражающее денотат – событие, описываемое предложением, фрагмент действительности (или вымышленного мира), «положение дел». Это «семантические модели событий, ситуаций, имеющих место в действительности или мире воображения; события противопоставлены предметным объектам» [4: 119]. Универсальность пропозиций обосновывается и

общечеловеческими законами мышления, и аналогичностью процессов коммуникации, и аналогичностью человеческой деятельности. Мысль о всеобщности обозначаемых в языке ситуаций стала основой выделения пропозициональных концептов – компонентов, образующих структуру внеязыковых типовых ситуаций [1: 64]. При изучении пропозиционального содержания предложения прежде всего рассматривались вопросы реализации пропозиционального концепта определенными лексическими единицами, способом их функционирования и связи с определенными пропозициями. Однако семантическая соотносительность актантов пропозиции и закреплённость выражения пропозитивного содержания с определенными синтаксическими средствами ставит вопрос не только о том, какова синтаксическая функция лексемы, но также и о том, каким может быть лексическое наполнение той или иной синтаксической позиции.

В рассказе В. Пелевина в большинстве случаев отношения между актантами в предложении представлены адекватно их денотативным связям:

*Краткая история пэйнтбола в Москве; Так случилось, что в этот самый момент по телевизору, укрепленному для отвлечения игроков прямо над игорным столом, показывали какую-то американскую картину, в которой герои, отдыхая на природе, **стреляли друг в друга разноцветной краской из ружей для пэйнтбола; В руках у Кобзаря был пистолет для пэйнтбола, стреляющий желатиновыми шариками с краской; Чтобы "решать вопросы", вовсе не обязательно было убивать друг друга на самом деле. Можно было заменить стрельбу боевыми патронами на стрельбу шариками для пэйнтбола***

— в том случае, если все стрелки, стремящиеся к переделу мира, добровольно согласятся взять на себя обязательство в случае своей условной гибели выйти из бизнеса, в течение сорока восьми часов покинуть Россию и не предпринимать никаких ответных действий; Первым результатом соглашения было то, что резко **подскочила стоимость оборудования для пэйнтбола**. Владельцы двух магазинчиков, где продавались ружья и краска, сделали состояние за две недели. Их одуревшие от счастья рожи показали все телеканалы, а газета "Известия" в этой связи сделала осторожный прогноз о начале долгожданного экономического бума. Правда, коммерсанты вскоре разорились, потому что на все вырученные деньги **закупили огромное количество используемого в пэйнтболе снаряжения** — масок, комбинезонов и щитков, на которые совсем не возникло спроса.

Но в ряде предложений нарушены объективные связи слова *пэйнтбол* с другими словами в предложении, вследствие чего пропозициональная семантика этих предложений становится неясно выраженной:

Оставлять машинки для пэйнтбола на месте экзекуции стало впоследствии своего рода шиком и считалось очень стильным, но делали так не всегда - оборудование стоило кучу денег. Но высшей точкой **влияния пэйнтбола на культурную жизнь обеих столиц** следует все же признать открытие нескольких психоаналитических консультаций, где оставляемые краской пятна интерпретировались как кляксы Роршаха... Быстро **выработались правила пэйнтбол-экзекуции**, ставшие частью уголовно-корпоративного кодекса чести.

В этом случае происходит дальнейшее расхождение языковой и речевой семантики слова. У слов *пэйнтбол* и *экзакуция* происходит перераспределение сем: *пэйнтбол* приобретает сему 'наказание в виде смертной казни', а *экзакуция* приобретает сему 'игра с применением маркеров, стреляющих шариками с краской, разбивающимися при ударе о препятствие и окрашивающими его'. Таким образом, очевидно, что семантическая соотносительность актантов пропозиции в предложении играет важную роль в актуализации речевого значения слова.

Изучение смысловой стороны речи показало, что формой реализации сложного мыслительного концепта часто является не одно предложение, а целый структурный комплекс, образованный группой предложений. Была выделена синтаксическая единица связной речи, которая получила различные наименования в связи с тем, что до сих пор не особенно отчетливо ясен ее концептуальный контур. Это и сложное синтаксическое целое [6], и сверхфразовое единство [5], и абзац [8: 208-216], и композитив [3: 528] и т.д. В задачи работы не входит уточнение содержательного объема терминов, достаточно определить его рабочее содержание. Не претендуя на введение в лингвистический оборот нового термина, за рабочее наименование примем словосочетание «контекстуальное единство». Под этим термином нами понимается совокупность предложений, представляющих собой структурно-семантическое единство и в то же время являющихся частью более сложной языковой единицы — текста. Для нас — это минимальный текстовый контекст, в котором актуализируются речевые значения данного дискурса.

В контекстуальном единстве формируется актуализированное значение слова. К числу языковых категорий, способных выявить механизм формирования актуализированной семантики, В.С. Ли относит понятие пропозитивности, в частности нулевой пропозиции - имплицитного семантического конструкта, который возникает из сопряжения смыслов между предложениями. Читатель не нуждается в полной экспликации всего пропозитивного ряда, и автор не обязан континуум передаваемого им содержания выстраивать в виде предикативных цепочек. Нулевая пропозиция не может быть выявлена из анализа пропозициональной структуры отдельных предложений, а только при рассмотрении всех предложений, составляющих минимальный смысловой отрезок текста. Элементы высказывания, сигнализирующие о событийной и смысловой связи между предложениями, были названы В.С. Ли маркерами пропозитивности текста. Они принадлежат именно тексту, а не предложению, поскольку формируют содержание текста и, с одной стороны, создают связность и цельность текста, а с другой — служат опорой для дальнейшего дискурсного развертывания повествования и перехода к новой информации. [4: 85-92]. Благодаря маркерам пропозитивности определяется то свойство и соответствующее ему положение, которое в лингвистике текста стало аксиомой, а именно: содержание текста не сводится к сумме значений предложений.

*И Кобзарь изложил свою **идею** (1). Кобзарь напомнил, что братва уже много раз пыталась окончательно разделить **сферы влияния**, и каждый раз новая война доказывала, что это невозможно (2). Чтобы "решать вопросы", вовсе не обязательно было **убивать** друг друга на самом деле (3). Можно было*

заменить стрельбу боевыми патронами на стрельбу шариками для пэйнтбола — в том случае, если все стрелки, стремящиеся к переделу мира, добровольно согласятся взять на себя обязательство в случае своей условной гибели выйти из бизнеса, в течение сорока восьми часов покинуть Россию и не предпринимать никаких ответных действий (4). Словом, делать вид, что они действительно померли (Выделенные слова являются семантическими маркерами).

Собственно семантический анализ предложений, составляющих этот абзац, как автономных сущностей малоинформативен для установления смысловой структуры всего абзаца в целом, так как субъект и предикат, выраженной в нем мысли формируется нелинейным способом. Коммуникативная перспектива делит этот абзац на две части: на тематический компонент (первое предложение) и рематический компонент (все остальные предложения). В свою очередь, второе и третье предложения также связаны тема-рематическими отношениями: слово *убивать*, содержащееся в третьем предложении, является признаковым по отношению к словосочетанию *сферы влияния*, находящемуся в следующем предложении. Смысловая соотносительность (2 предложение + 3 предложение: *раздел сфер влияния — убийство*) — (четвертое предложение: *заменить патроны на шарики для пэйнтбола*) выявляет нулевую пропозицию отрывка: *подменить реальное убийство игрой*. Таким образом, существительное *пэйнтбол* приобретает значение 'формальное наказание в виде игры', не обозначенное в толковом словаре. Текст как отдельное высказывание характеризуется уникальной системой лексических значений, присущих только ему. Коннотативные значения речевой единицы,

проявляемые на всех языковых уровнях, закрепляются в общей структуре текста.

Автор художественного текста сам создает свой код, обусловленный его мировосприятием. Образ автора, как и кодовая система передачи смысла, растворены в контексте всего его творческого наследия, поэтому отдельное произведение формируется «как своеобразная монада», отражающая в себе все созданные им тексты. Вследствие этого предложение в художественном тексте как языковой знак приобретает потенцию безграничных актуализаций. В расширенном контексте художественного дискурса слово приобретает семантику символа. В анализируемом рассказе речь идет о преступниках, появившихся после перестройки. Главный герой, бандит по кличке Кобзарь, изобретает конвенцию для таких, как он. В ходе разборки в них будут стрелять не настоящими патронами, а шариками для пэйнтбола. Поражённый шариками, бандит обязан отойти от дел и спокойно коротать остаток дней на фешенебельном курорте. Артистическая легкость, с которой писатель в своих повествованиях любое событие делает поводом для игры, дает возможность предположить, что игровое восприятие мира и игровое же его отображение близки к художественной позиции В. Пелевина. У писателя реальность переходит в игру, а игра – в реальность. Номинация игры – лексема *пэйнтбол* – в контексте дискурса приобретает мерцающую семантику дуалистического символа, соединяющего реальность и ирреальность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. О номинативном аспекте предложения // ВЯ. 1971. №6. С. 63-73.
2. Долгов Ю.С. Валентностный синтаксис и учение В.В. Виноградова о словосочетании и синтагме // Международная юбилейная сессия,

- посвященная 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова. Тезисы докладов. М., 1995. С. 151-152.
3. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. С.528.
  4. Ли В.С. Смысловые компоненты текста // Текст. Структура и семантика. М., 2001. Т.2. С. 85-92.
  5. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, 7-ое издание. 511 с.
  6. Поспелов Н.С. Проблема сложного синтаксического целого в современном русском языке // Уч. зап МГУ. 1948. Вып 137, кн. 2. С. 37-40.
  7. Прияткина А.Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. М., 1990. 176 с.
  8. Сильман Т.И. Структура абзаца и принципы его развертывания в художественном тексте // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975. С.208-216.
  9. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 171 с.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СЛОВАРИ

1. СО – Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Шведовой Н.Ю. М.: Русский язык, 1984.
2. СИ – Словарь иностранных слов / Под ред. Лёхина И.В., Петрова Ф.Н. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1949.
3. В – Википедия

А.А. НЕГРЫШЕВ (*Владимир, Россия*)

К ТЕКСТОЦЕНТРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ДИСКУРСА

Аннотация. В статье предпринята попытка обоснования *текстоцентрической модели дискурса*, позволяющей описать текст как «продукт» дискурса в проекции его институциональных и имманентно-речевых параметров.

Отношения «дискурс ↔ текст» составляют на сегодня одну из актуальных проблем лингвистики текста и дискурс-анализа, интегрирующего в себе подходы различных гуманитарных дисциплин (см., напр.: [2], [7]). Междисциплинарность в данной сфере, однако, сама по себе малопродуктивна, если сводится только к попыткам «всеобъемлющего синтеза» подходов,

концепций и направлений. Более того, позволим себе утверждение, что построение некоей интегрированной теории, «примиряющей» разные школы и направления анализа дискурса и текста, на сегодня едва ли осуществимо, по крайней мере, в рамках парадигмального подхода. Более актуальной для лингвистики представляется выработка таких подходов к дискурсу, которые опирались бы на категориальный аппарат и методологию лингвистического описания текста, но при этом максимально учитывали и «требования» смежных дисциплин, без которых дискурс-анализ объективно не может обойтись.

За основу последующих рассуждений мы принимаем теорию дискурса, получившую наибольшее распространение в отечественном языкознании – дискурса как **речи в социальном контексте**, или, по определению Н.Д. Арутюновой, как «речи, погруженной в жизнь» [1: 137]. В рамках данного подхода, концептуально очень близкого традиции критического дискурс-анализа (Н. Фэйрклау, Т. ван Дейк, Р. Водак и др.), текст «рассматривается лишь как часть дискурса, его знаковый продукт» [6: 130]. По выражению Е.С. Кубряковой [3], текст «создается в дискурсе и является его **детищем**». Автор и читатель, «индивидуальный» или «массовый», не только подчиняются общим правилам дискурсивной среды, в которой они создают / воспринимают текст, но и используют те механизмы текстопорождения / интерпретации, которые выработаны в соответствующей сфере вербально-семиотической деятельности.

На первый взгляд, тексту в данной концепции отводится подчиненное положение по отношению к дискурсу («часть», «продукт», «детище»). Вместе с тем исследовательская практика показывает, что дискурс «вне текста» как бы «ускользает» от

лингвиста, «растворяясь» в своем предмете между трудноуловимыми социальными, культурными, индивидуально-психологическими и другими факторами. В итоге исследователь-лингвист возвращается к *тексту* в поисках «рефлексов» дискурса и традиционное лингвистическое описание просто дополняется анализом контекста.

Тем самым складывается видимое противоречие между «вторичностью», производностью текста в теории и его «первичностью» в практике собственно лингвистического анализа. На наш взгляд, данное противоречие является объективным свойством данной концепции и вовсе не препятствует самому процессу исследования. Необходимо только четко разграничить «сферы ответственности» лингвистики и смежных дисциплин и показать место «продукта» по отношению к «процессу». Иными словами, указанное противоречие не «отменяет» дискурс как многоаспектный объект исследования, однако требует учитывать тот факт, что подходы к объекту, выделение в нем *предмета* исследования в каждой научной дисциплине имеет свою специфику. Таким образом, лингвистическая теория дискурса не может не отличаться от социологической, культурологической и других теорий, равно как и методы исследования у каждой науки свои.

Ниже мы попытаемся предложить такую лингвистическую модель дискурса, которая, с одной стороны, опиралась бы на разработанные в лингвистике процедуры, ориентированные непосредственно на «фактуру» текста в ее эмпирической данности, а с другой – позволяла бы максимально учесть данные смежных с лингвистикой научных дисциплин, генерирующих знание о дискурсивной среде, в которой порождается каждый

конкретный текст. Наша модель была разработана на материале **новостных медиатекстов** – одного из видов так называемых *утилитарных текстов*, типологически противопоставляемых текстам художественной литературы. Удобство для исследования утилитарных новостных медиатекстов в том, что при относительной «прозрачности» и клишированности своей структуры они максимально «плотно» привязаны к дискурсивной среде, в которой они порождаются и «живут». Возможно, что для других институциональных дискурсов предложенная модель будет выглядеть иначе, однако рискнем предположить, что ее ключевые параметры имеют универсальный характер и применимы для описания различных дискурсивных типов текстов.

Итак, попытаемся представить в общих чертах эскиз модели, рабочее название которой – **текстоцентрическая модель дискурса**.

В первую очередь, необходимо развести понятия собственно *дискурса* и *дискурсивной среды*. Если первое (*дискурс*) – это в упрощенном виде *текст + контекст*, то второе (*дискурсивная среда*) – это только *контекст* как совокупность параметров, «стандартов» текстовой деятельности, определяющих как принципы порождения / восприятия текста, так и его структуру.

Далее представляется возможным выделить две группы параметров дискурса: **институциональные** и **имманентно-речевые**. Первые определяют «рамочные условия», своего рода «вертикальный контекст» всей рече-текстовой деятельности в той или иной институциональной сфере, вторые – задают способ реализации отношений между компонентами этой деятельности: *текстом, предметом сообщения, субъектом и объектом речи*. Так, например, *институциональные параметры* новостного и в

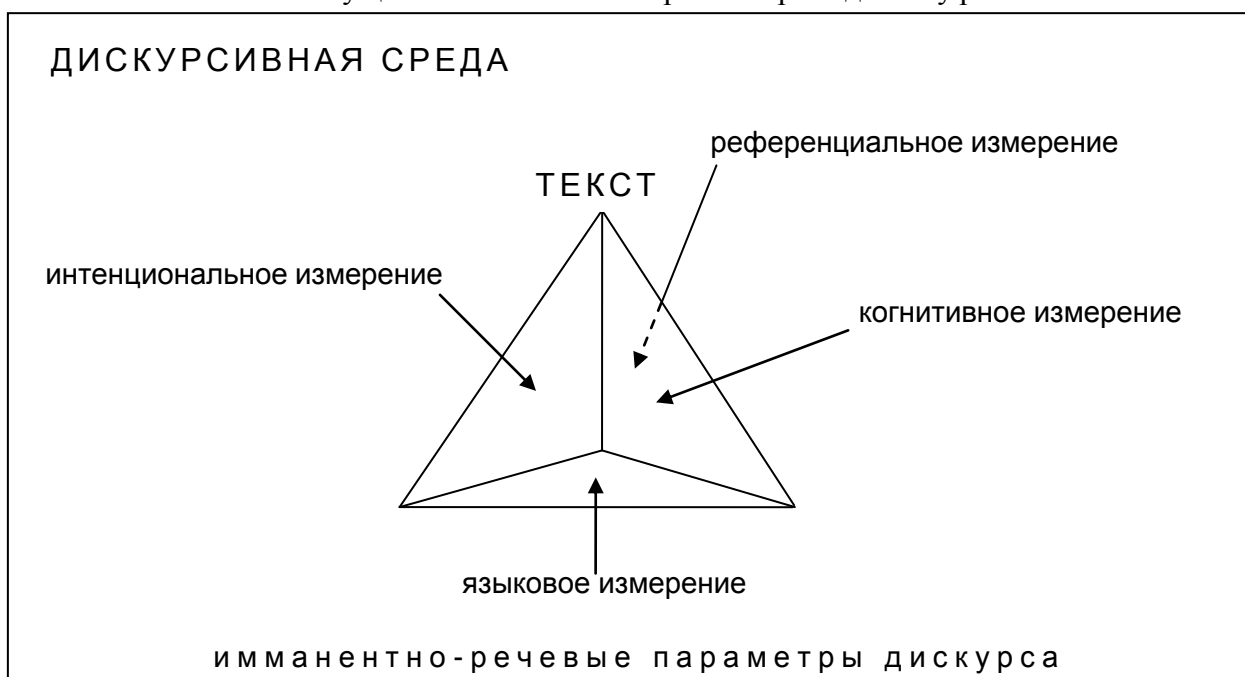

целом массмедийного дискурса включают в себя следующие группы: *социальные* – регуляция социальных отношений и представлений через формирование общественного мнения; *культурно-мировоззренческие* – сохранение либо изменение культурных норм, мировоззренческой парадигмы и картины мира; *коммуникативные* – установление и поддержание доверия к отправителю информации со стороны реципиента в целях обеспечения институциональной устойчивости медиапредприятий; *семиотические* – подчинение планов выражения и содержания техническим и психологическим условиям массовой коммуникационной среды.

Институциональные параметры дискурса в силу своей специфики не входят непосредственно в сферу компетенции лингвистики, а составляют предмет социологии, культурологии, коммуникативистики, семиотики и других дисциплин. Тем не менее, они оказывают решающее влияние на содержание *имманентно-речевых параметров*, которые и составляют предмет собственно лингвистического исследования. Это *интенциональные, референциальные, когнитивные и языковые* параметры, задающие своего рода «измерения» текста, в которых он существует в дискурсивной среде. **Интенциональное** измерение (*автор – текст*) отражает «требования» к тексту, точнее к его автору со стороны социального института, группы, корпорации, «заказывающей» текст и обеспечивающей его функционирование в данном типе дискурса. **Референциальное** измерение (*действительность – текст*) включает в себя отношения по линии «событие действительности – содержание текста», и в каждом субдискурсе СМИ эти отношения складываются по-разному: отражение, интерпретация,

деконструкция, перформативность и др. **Когнитивное** измерение (*текст – реципиент*) задает определенные рамки обработки информации с учетом «требований» ее получателя: особенности восприятия в той или иной дискурсивной среде учитываются при порождении текста, и от адекватности оценки этих параметров во многом зависит «успешность» конкретного (новостного) текста. Поясним, что включение в когнитивное измерение только реципиента вовсе не означает исключение автора как субъекта когнитивной деятельности; речь идет лишь о необходимом упрощении, позволяющем разграничить в авторской деятельности параметр «корпоративных требований» к тексту и «требований», точнее ожиданий, со стороны реципиента. И наконец, **языковое** измерение (*текст – язык*) определяет пределы варьирования структуры текста на макро- и микроуровнях за счет того, что в каждом типе дискурса выработаны свои определенные модели текста и «стандартные» наборы лингвостилистических средств, используемых в той или иной модели.

Таким образом, текстоцентрическую модель дискурса можно представить в виде текста в четырех измерениях, «погруженного» в дискурсивную среду, ограниченную «извне» институциональными параметрами дискурса и заполненную «изнутри» параметрами имманентно-речевыми (см. схему ниже).

Данная модель отражает лишь наиболее значимые для исследования компоненты и отношения, ее последующая детализация предполагает включение таких компонентов дискурсивной среды, как *автор, реципиент, действительность*, а также конкретизацию самих *параметров дискурса*.

Представляя текст в виде тетраэдра, мы неизбежно вынуждены скрыть одну из его граней от наблюдателя (пунктирная часть стрелки), что удобно согласуется с неравноценностью характеристик разных измерений текста в структуре дискурсивной среды. А именно: референциальное измерение в отличие от остальных имеет *статический* характер, поскольку отношение «действительность – текст» является свойством самого текста как «продукта» дискурса, в то время как интенциональное, когнитивное и языковое измерения отражают *динамику* порождения текста в дискурсе. Поясним это с помощью метафор «силы» и «материала» дискурса. Внеязыковая действительность представляет собой экстралингвистический

недискретный *материал*, который проходит «обработку» в дискурсе под действием его «сил», влияющих на любого автора конкретного текста. То есть некто, порождающий текст, неизбежно вынужден в своей речевой деятельности а) руководствоваться требованиями «корпорации», б) учитывать особенности восприятия и когнитивный тезаурус реципиента, в) опираться на рече-текстовые модели и возможности лингвостилистических средств, закрепленные в системе языка. Тем самым обработка внеязыкового фрагмента действительности – выделение значимых компонентов, расстановка акцентов, выбор средств выражения и т.п. – протекает во взаимодействии целого ряда динамических сил, результатом чего является текст как статическая вербальная «проекция» данного фрагмента действительности. Сама же действительность такой «силой» не является, т.к. не «давит» на создателя текста, «требуя» от него того или иного способа своего отражения.

Предложенная модель, как представляется, позволяет исследовать дискурсивные измерения текста в «досягаемых» для лингвистики пределах междисциплинарности. Так, изучение референциального измерения текста возможно в рамках *лингвистической теории референции*, интенционального – в *лингвистической прагматике*, когнитивного – в *когнитивной лингвистике*, языкового – в *лингвостилистике*. При этом последняя имеет особое значение, т.к. именно в ней выработаны процедуры анализа, позволяющие, с одной стороны, описать текст как лингвистическое явление, а с другой – выявить в нем структуры и механизмы, связывающие его с дискурсивной средой.

Экспликация таких структур и механизмов становится целью **дискурсивно-стилистического анализа** текста, рассмотрение

которого выходит за рамки данной статьи. Ограничимся лишь перечислением его ключевых направлений, которые были намечены нами ранее ([4], [5]): 1) описание дискурсивных измерений текста через выявление дискурсивной доминанты текста (направление «дискурсивная среда → текст»); 2) описание макроструктуры текста с точки зрения взаимодействия в ней собственно лингвостилистических средств с имманентно-речевыми параметрами дискурса (направление «текст → дискурсивная среда»); 3) выявление референциальных текстотипов по критерию адекватности «события текста» реальному событию действительности (направление «действительность → текст»).

Таким образом, текстоцентрическую модель можно рассматривать как своего рода методологическое «расширение» концепции текста как «продукта» дискурса, которое позволяет уточнить исследовательские задачи и методы в проблемной области «дискурс ↔ текст».

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева, Москва, 1990. С. 136-137.
2. Йоргенсен М.В., Филипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2008. 352 с.
3. Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. Т. 1. М., 2001. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/kubryakova-01.htm>.
4. Негрышев А.А. Дискурс-анализ и стилистика текста: точки пересечения в методологии исследования // Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты: колл. монография / Под ред. Г.Я. Солганика, Н.И. Клушиной, Н.В. Смирновой. М.: Флинта: Наука, 2014. С. 169-176.
5. Негрышев А.А. Новости в прессе: к моделированию макротекстовой структуры // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / Колл. монография / Под ред. М.Н. Володиной. М.: Академический проект, 2011. С. 85-97.
6. Петрова Н.В. Текст и дискурс // Вопросы языкознания». 2003. №6. С. 123-131.
7. Тичер С. и др. Методы анализа текста и дискурса / Пер. с англ. Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2009. 356 с.

А.В. ПЕТРОВ (*Симферополь, Россия*)

ЧИСЛОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУФФИКСАЛЬНЫХ УНИВЕРБОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье исследуется значение числа суффиксальных универбов в соответствии с лексико-грамматической оформленностью мотивирующих словосочетаний. Фактический материал свидетельствует о существовании симметрии – асимметрии в формировании лексико-грамматических значений производного слова и производящего словосочетания.

В современном русском языке активизировался процесс образования лексических единиц на основе универбации. Термин универбация впервые употребил немецкий исследователь К. Бругманн для отграничения собственно композитов от языковых единиц, также возникших на основе словосочетания [15]. В научный оборот понятие «универбации» вошло благодаря А.В. Исаченко. Процесс универбации учёный рассматривает в связи с выявлением основных тенденций в развитии лексической системы славянских языков.

В дериватологии универбация понимается в широком и узком смысле. В широком смысле – «это практически любой акт возникновения нового слова на базе синтаксически объективированного идеального содержания безотносительно к способу доработки идеального содержания и пути конструирования материальной оболочки нового слова» [13: 21].

В узком смысле универбация – это суффиксальный способ образования слова «на основе словосочетания, при котором в производное слово входит основа лишь одного из членов словосочетания, так что по форме производное соотносительно с одним словом, а по смыслу – с целым словосочетанием (тип сгущённое молоко – *сгущёнка*, грузовой автомобиль – *грузовик*)»

[3: 82]. При этом обязательно в языке должны быть представлены две формы обозначения одного и того же плана содержания: расчленённая и нерасчленённая.

Суффиксальные универбы мотивируются словосочетанием достаточно устойчивого характера или фразеосочетанием и характеризуются идиоматичностью семантики, экспрессивностью, а также общим словообразовательным значением предметности [7].

В.В. Виноградов, определяя хронологические рамки для начала такого процесса, отмечал, что «в истории русского литературного языка с середины XIX века все шире развивается тенденция создавать для составных названий разговорно-просторечные эквиваленты в форме одного слова...» [1: 156].

Иное понимание универбации предложено в работах В.И. Теркулова и Н.В. Дьячок, квалифицирующих универб и словосочетание как дублеты номинатемы. Таким образом, дублетами одной номинатемы выступают словосочетание и семантически и грамматически тождественное ему слово. Однако грамматическая симметрия между расчленённым и нерасчленённым наименованием прослеживается далеко не всегда, что составляет суть известной в лингвистике полемики о родовом соответствии между словосочетанием и производным словом.

Так, М. Докулил считает возможным говорить об универбации только в таких случаях, когда однословное наименование перенимает грамматический род опорного компонента базового словосочетания. Отсутствие же родовой преемственности в соотношении исходной и результативной единиц как будто лишает последнюю статуса универба [10].

Тезис о релевантности сохранения рода в процессе универбации не был поддержан в лингвистике. «Его абсолютизация, – свидетельствует Е.Н. Сидоренко, – не находит подтверждения и при анализе конкретного языкового материала» [10: 119].

Цель статьи – исследовать числовое значение суффиксальных универбов на фоне мотивирующего словосочетания.

Материал для статьи извлекался из справочных изданий «Новое в русской лексике» (1977–1993) (далее НРЛ), словарей-справочников по материалам прессы и литературы 60-х, 70-х, 80-х годов «Новые слова и значения», из художественных и публицистических текстов, а также использовались Интернет-ресурсы.

А.Э. Смирнова рассматривает суффиксальную универбацию через призму симметрии / асимметрии: «...Асимметрия, понимаемая как несохранение, касается размера словосочетания, или, как это наблюдается, перехода из одного рода в другой, одной формы числа в другую» [11: 5].

При образовании суффиксальных универбов проявляется симметрия, обусловленная сохранением числового значения базового словосочетания. Корреляция наблюдается прежде всего в отражении граммы ед. и, реже, мн. числа: галогеновая лампа → *галогенка*, почтовый голубь → *почтарь* и фигуративные композиции → *фигуративы*, Саянские горы → *Саяны* и др. При этом универбы со значением ед. ч. способны составлять грамматическую парадигму: галогеновая лампа → *галогенка* – *галогенки*, почтовый голубь → *почтарь* – *почтари*.

Показательны случаи, когда универб, изначально зафиксированный во мн. ч., употребляется и в ед. ч.: противотуманные фары → *противотуманки* и *противотуманка*, пульсирующие звёзды → *пульсары* и *пульсар* и др. В биологической терминологии противопоставленность по числу несёт дополнительную нагрузку: единица во мн. ч. квалифицируется как родовое обозначение, а в ед. – как видовое: нектароносные растения → *нектароносы*, пыльценосные растения → *пыльценосы*. Ср.: **Черёмуха обыкновенная**. *Весенний нектаронос и пыльценос, даёт поддерживающий взяток*: //http://ru.wikipedia.org/wiki.

Устойчивая числовая симметрия наблюдается, если включённый актанта имеет значение *singularia tantum*. При этом включённые актанта составляют группы: а) непроеводных несклоняемых имён среднего рода (демисезонное пальто → *демисезон*, Хорошевское шоссе → *Хорошевка* и др.); б) отглагольных существительных с процессуальным значением (развлекательное чтение → *развлекаловка*, фигурное катание → *фигурка* и др.); в) членимых склоняемых имён, называющих те или иные науки (органическая химия → *органика*, дискретная математика → *дискрет* и др.).

Общее положение о числовом значении универбов сформулировала Л. И. Осипова: «Отношение к категории числа диктуется характером называемого: конкретные существительные приобретают формы обоих чисел: *канатка* – *канатки*, *канаток*; *маршрутка* – *маршрутки*, *маршруток*; вещественные – *singularia tantum*: *сливянка* – ‚сливовая наливка’» [7: 88]. Бесспорным является вторая часть правила. Конкретные же существительные не всегда имеют формы обоих чисел, как, например:

прослушивающее устройство → *прослушка* – *прослушки*.
Особенно это наглядно проявляется в отдельных универбах с глагольными основами: *запрещёнка* ← запрещённая литература, *нетканка* ← нетканый материал и др.

Числовая асимметрия в паре «мотивирующее словосочетание – суффиксальный универб» проявляется в следующих случаях:

- ед. ч. – pluralia tantum: сороковой день после смерти → *сороковины*, голштинская порода коров → *голштины*, Дарданелльский пролив → *Дарданеллы*;

- singularia tantum – pluralia tantum: шипованная обувь → *шиповки*. Регулярным в производных является включённый актант обувь (*вибрамы*, *вожёрки*, *джазовки*, *плетёнки*, *парусинки* и др.);

- мн. – ед. число: валерьяновые капли → *валерьянка*, зарубежные страны → *зарубежье*, минеральные удобрения → *минералка* (в разг. проф. речи), пареные овощи → *паренка*;

- мн. ч. – singularia tantum: ювелирные украшения → *ювелирка* (в разг. проф. речи). Регулярными включёнными существительными являются следующие: изделия (*литейка*, *глинянка*, *кондитерка*), средства (*антисептика*, *наркота*, *неучтёнка*), произведения (*классика*, *нетленка*, *нелегашка*), товары (*неликвид*, *массовка*);

- мн. – pluralia tantum: безразмерные чулки → *безразмерки*, вельветовые туфли → *вельветки*, чёсанные валенки → *чёсанки*, мавродиевые акции → *мавродиевки*, *мавродики*, нейтральные воды → *нейтралы*, контактные линзы → *контакты*, скобяные изделия – *скобянки* и др.;

- обычно мн. ч. – *singularia tantum*: объективные сведения ('данные, характеризующие кого-, что-л.') → *объективка* (в разг. проф. речи);

- *pluralia tantum* – *pluralia tantum*: бермудские шорты → *бермуды*, противошумные наушники → *противошумы* и др. Наблюдается включение актанта деньги: керенские деньги → *керенки* (истор.), пятаковские деньги → *пятаковки* (истор.) и др.;

- *pluralia tantum* – *singularia tantum*: агентурные данные → агентурка, наличные деньги → *нал* (фин.), *наличка* (фин.) и др.

Крайне редко числовое оформление универба зависит от словообразовательной структуры слова: кирзовые сапоги → *кирзовки*, *кирзачи* (прост.), *кирзуха* (прост.), хромовые сапоги → *хромка*, *хромачи* (прост.).

Числовая асимметрия суффиксальных универбов проявляется при включении существительных, содержащих сему 'собираемость'. Л.В. Сахарный, рассматривая структуру универба и контекст, предложил типологию элементов темы развёрнутого наименования, в состав которого входят родовые единицы и имена с собирательным значением: «Наиболее прозрачные случаи связаны с собирательными словами... как наименованием совокупности классов объектов. Универб при этом обозначает один из классов объектов, входящих в эту совокупность (ср.: *панцирная пехота* – *панцирники*, *Оранжевый орден* – *оранжисты*)» [9: 32]. Подчеркнём, что эта закономерность прослеживается в именах с собирательным значением лиц (русскоязычное население → *русскоязычники*) и не проявляется в именах с собирательным значением предметов (нелегальная литература → *нелегальщина*).

В лингвистике существует узкое и широкое понимание собирательных существительных, которые обозначают совокупность лиц, животных, растений и предметов в виде некоего целого [14: 103].

Узкое понимание термина соотносится с тройственным рядом однокоренных слов, состоящим из ед. ч. и мн. ч. собственно конкретных существительных и образованного от них собирательного существительного [14]: *студент – студенты – студенчество* и др.

Широкое понимание собирательности сформулировано в Русской грамматике: к собирательным «могут быть отнесены также слова, называющие совокупность предметов: *ботва, мелюзга, хлам, мебель*. Все такие слова выражают собирательность лексически, но не словообразовательно» [8: 462–463]. Например, в универбе *обналичка* (← *обналиченная сумма*) собирательность выражается лексическим значением включённого существительного *сумма* ('определённое, то или иное количество денег') и др.

Словообразовательная структура универбов со значением собирательности

Нерасчленённые наименования покрывают собою обширную тематическую группу – «растения» (1-3).

1. Производные с суффиксом *-няк*. В Русской грамматике отмечается, что «существительные с суффиксом *-няк* имеют значение 'совокупность одинаковых предметов (чаще всего растений), названных мотивирующим словом'» [8: 207]. Расчленённые наименования представлены родо-видовыми отношениями. Как правило, включёнными в семантику универбов являются актанты *лес, сад, роща, заросли, кустарник*, которые

имеют в своей семантической структуре сему 'собирательность' (ср.: *лес* – 'множество деревьев, растущих на большом пространстве с сомкнутыми кронами'): *дубняк* ← дубовый лес, *ивняк* ← ивовый кустарник, *липняк* ← липовый лес.

Часть суффиксальных универбов образована на базе словосочетаний, не развивающих родо-видовые отношения: *сушняк* ← сухие деревья, *молодняк* ← молодой лес, *редняк* (обл.) ← редкий лес, *жидняк* (обл.) ← жидкий лес.

2. Производные с суффиксом *-ник*: *ельник* ← еловый лес, *ежевичник* ← ежевичные заросли, *кизильник* ← кизилловые заросли, *осинник* ← осиновый лес и др., а также *горельник* ← горелый лес.

3. Производные с суффиксом *-ач*. Универбы представлены ограниченным количеством единиц, которые составляют деривационную парадигму: *кедрач*, *кедровник* ← кедровый лес, *пихтач*, *пихтовник*, *пихтарник* ← пихтовый лес. Лексемы, входящие в тематическую группу «растения», функционируют и во мн. ч. Ср.: *Пойменные леса Урала представлены дубняками, вязовниками, белотополевниками, осокорниками и ветловниками*: //http://priroda-bko.kz/ru.

4. Производные с суффиксом *-j-*: *гнильё* ← гнилые предметы, *литьё* ← литые предметы, *рваньё* ← рваные вещи, *старьё* ← старые вещи, устар. *вишеньё* ← деревья / кусты вишни. Тип непродуктивен. Ср.: новообразование *неходовьё* (НРЛ-87) ← неходовые товары.

5. Производные с суффиксом *-ин(а)* разных словообразовательных типов, которые не пополняются новообразованиями, но являются продуктивными в говорах:

латанина ← латаная одежда, *моченина* ← мочёные яблоки, а также *буковина* ← буковый лес, *кондовина* ← кондовые деревья.

6. Производные с суффиксом *-ик(а)*: *синтетика* ← синтетические вещества, *комбинаторика* ← комбинаторные явления, *моторика* ← моторные рефлексy и др.

7. Производные с суффиксом *-щин(а)*: *китайщина* ← китайские товары, *нелегальщина* ← нелегальная литература, *нестроещина* ← нестроевые солдаты. По свидетельству В.И. Максимова, «к середине XIX в. в русском языке функционировал уже единый суф. *-щин(а)*, вар. *-овщин(а)* с собирательным значением» [6: 115]. И.И. Ковалик отмечал, что «о собственно русском происхождении суф. *-щин(а)* с собирательным значением свидетельствует и почти полное отсутствие соответствующих образований в украинском и белорусском языке, не говоря уже об остальных славянских языках» [4: 31]. Словообразовательный тип особенно продуктивен в диалектном языке: *заморщина* ← заморский товар, *застольщина* ← застольная братия, *скупщина* ← скупленные вещи и др.

Единичными являются лексемы со следующими суффиксами: *-н-* (*мелкотня* ← мелкая рыба); *-к(а)* (*андреевка* ← Андреева трава, *тимофеевка* ← Тимофеева трава, *липка* (обл.) ← липучая трава) и нулевым: *рвань* ← рваная одежда, обувь; *листва* ← лиственный лес (НРЛ-83), *хвоя* ← хвойный лес (НРЛ-83), *кленовь* (НРЛ-91) ← опавшие кленовые листья.

Таким образом, значение собирательности суффиксальных универбов выражается посредством специальных словообразовательных формантов и непосредственно лексическим значением включённого существительного.

Числовое значение способно дифференцировать семантику производных. Здесь наблюдаются различные случаи:

а) флексия *а* (для имён существительных в ж. роде ед. числе) и флексия *ы, и* (для имён существительных во мн. числе): *пластика* ← пластическая операция – *пластики* ← пластические массы; *плетёнка* ← плетёная булочка – *плетёнки* ← плетёные сандалии; *полярка* ← зарплата в Заполярном округе – *полярки* ← сапоги для Заполярья и др. Ср. также в разносуффиксальных производных: *дутка* ← дутая куртка – *дутики* ← дутые сапоги;

б) нулевая флексия (для имён существительных в м. роде ед. ч.) и материально выраженная флексия в именах существительных мн. ч.: *дутик* ← велосипед на дутых шинах – *дутики* ← дутые сапоги; *контакт* ← контактный телефон – *контакты* ← контактные линзы; *пластик* ← пластиковая карточка – *пластики* ← пластические массы.

Таким образом, суффиксальные универбы необходимо изучать не только с точки зрения родовой, но и числовой соотносительности с мотивирующими словосочетаниями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц // Виноградов В.В. Избр. труды: Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 140–161.
2. Дьячок Н.В. Универбация в русском языке: принципы структурно-семантического и ономазиологического описания. Горловка, 2014. 332 с.
3. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: КомКнига, 2005. 223 с.
4. Ковалик І.І. Словотворча будова збірних і одиничних іменників у східнослов'янських мовах у порівнянні з іншими слов'янськими мовами // Питання слов'янського мовознавства. Кн. 6. Львів, 1958.
5. Копелиович А.Б. Род и грамматика межсловных синтаксических связей. М.; Владимир: Институт языкознания РАН; ВГГУ, 2008. 147 с.
6. Максимов В.И. Суффиксальное словообразование имён существительных в русском языке. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1975. 223 с.

7. Осипова Л.И. Активные процессы в современном русском словообразовании (Суффиксальная универбация и усечение). М.: Прометей, 1994. 117 с.
8. Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980. 783 с.
9. Сахарный Л.В. Структура слова-универба и контекст // Словообразование и семантико-синтаксические процессы в языке. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1977. С. 27–37.
10. Сидоренко Е.Н. К вопросу о мотивационной базе универбов (на материале словацкого и украинского языков) // Проблемы развития и функционирования современных славянских литературных языков. М., 1993. С. 110–124.
11. Смирнова А.Э. Сорбция как активный способ словообразования. Минск, 2000. – 19 с.
12. Теркулов В.И. Слово и номинатема: опыт комплексного описания основной номинативной единицы языка. Горловка, 2007. 240 с.
13. Устименко И. А. Ономаσιологический аспект семантической конденсации // Лексикология. Семасиология. Белгород: БелГУ, 2001. С. 19–25.
14. Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык: в 3-х частях. Ч. II. Словообразование. Морфология. М.: Просвещение, 1981. 270 с.
15. Шумагер А. И. К проблеме универбации в лингвистике // Лексические категории: на материале немецкого языка. Калинин: КГУ, 1984. С. 133–139.

М.В. ПИМЕНОВА (*Владимир, Россия*)

ДЕРИВАЦИОННОЕ ГНЕЗДО, ГНЕЗДО РОДСТВЕННЫХ СЛОВ И КОРНЕВАЯ ГРУППА

Аннотация. Статья посвящена сопоставлению терминов словообразования и морфемики (*деривационное гнездо, гнездо родственных слов*) и вводимого в научный оборот термина лексикологии *корневая группа*, которым предлагается обозначать производные слова, объединенные общим корнем-инвариантом и генетической аттракцией (как связанные, так и не связанные отношениями производности для того или иного синхронного языкового среза).

*Дорогому Августу Борисовичу
с благодарностью и наилучшими пожеланиями*

Профессор **Август Борисович Копелиович** в одной из своих монографий «Некоторые спорные вопросы словообразования и синтаксиса» (2011) обращает внимание на ряд нерешенных проблем «в теоретических исследованиях в области морфемики и словообразования, равно как и в вузовской

учебной работе» [5: 35], к которым он относит в том числе «недостаточную дифференцированность таких явлений, как деривационное гнездо (ДГ) и гнездо родственных слов (ГРС)» [5: 35].

А.Б. Копелиович отмечает, что «... в научном обиходе термин ДГ имеет вполне определившееся значение совокупности родственных слов, упорядоченной отношениями производности. К термину ГРС прибегают редко, в ходу термин «лексическое гнездо (Л-гнездо)... или «лексическая семья» со следующим определением: “... объединение однокоренных слов, имеющих семантическое сходство, но не упорядоченное отношениями производности”» [5: 36]. По мнению А.Б. Копелиовича, термин «гнездо родственных слов» предпочтительнее, поскольку он «... делает наглядной принадлежность обоих терминов к одному ряду <...> Отношения мотивации и родственности наиболее точно характеризуют семантику ДН и ГРС как комплексных единиц словообразования и морфемики» [Там же: 36-37, 40]. Далее А.Б. Копелиович указывает, что «ГРС и ДГ в равной мере явления синхронии, тем не менее между ними имеется определенное диахроническое расстояние. На диахронной оси может быть представлена следующая последовательность: диахронические (реконструированные) отношения родственности и производности (этимологическое гнездо родственных слов) – синхронные (живые) отношения родственности (ГРС) – отношения мотивации (ДГ)» [5: 36-37, 40].

Обращаясь к «вышележащему» по отношению к морфемике и словообразованию языковому уровню – лексикологии – укажем на важность дифференциации рассматриваемых А.Б. Копелиовичем терминов от других смежных явлений.

Прежде всего следует отметить, что «слово находится, помимо парадигматических и синтагматических отношений, также в определенных **ассоциативно-деривационных отношениях** с другими словами» (выделено автором) [13: 225]. При анализе лексических единиц эти отношения рассматриваются как отдельный аспект – **эпидигматический** (греч. ἐπί – ‘над, сверх’) [10: 118], связанный с семантической производностью, то есть с процессом преобразования лексического значения исходной единицы. Правда, этот уровень признается не всеми лингвистами, свидетельством чему является отсутствие фиксации данного системного аспекта изучения языка в учебных пособиях, в лингвистических терминологических и энциклопедических словарях (например: [1, 6, 7, 9]), хотя учет этой «третьей структурной оси организации лексики» [10: 118] необходим (особенно – в историко-семасиологических исследованиях), так как ось эпидигматики «удерживает» единство слова в диахронии.

С точки зрения эпидигматического аспекта в лексикологии выделяются, во-первых, **этимон** (греч. ἔτυμον – первоначальное значение и форма слова), **производное слово** (репрезентант или вариант этимона-инварианта) [6: 467-469, 597; 9: 500-503], а также лексико-семантическая группа единиц, которую мы условно называем **корневая группа**, имея в виду производные слова, объединенные общим корнем-инвариантом и генетической аттракцией (как связанные, так и не связанные отношениями производности для того или иного синхронного языкового среза).

От понятий словообразования и морфемики, рассматриваемых А.Б. Копелиовичем, корневая группа, на наш взгляд, отличается следующим. Во-первых, для лексических единиц корневой группы нерелевантны отношения мотивации (что

отличает данное объединение как от ДГ, так и от этимологического гнезда). Во-вторых, корневая группа отражает не только синхронные, но и диахронные родственные отношения (что отличает ее от ГРС и Л-гнезда/семьи).

Следует отметить, что описание лексики по корневым группам (без указания на словообразовательные отношения) восходит к так называемым словарям-корнесловам XIX в.: И. Калайдович «Опыт правил для составления русского производного словаря с некоторыми замечаниями на правила, принятые Обществом <любителей Российской Словесности>» (1824); Ф.И. Рейф «Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению; или Этимологический лексикон русского языка» (т. 1-2, 1835-1836); Ф.С. Шимкевич «Корнеслов русского языка, сравненного со всеми главнейшими славянскими наречиями и двадцатью четырьмя иностранными языками» (ч. 1-2, 1842) [9: 505]. По принципу корневой группы («гнезда») построены также «Словарь Академии Российской» (ч. 1-6, 1789-1794); «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля (т. 1-4, 1863-1866).

Мы полагаем, что можно говорить об особом **корнесловном методе**, находящемся на пересечении традиционных методов *семантических полей* (парадигматических – М.М. Покровский, Й. Трир, О. Духачек, Х. Геккелер, С.Д. Кацнельсон; функционально-семантических – Ф. Брюно, О. Есперсен, Л. Вайсгербер, Х. Бринкманн, В.Г. Адмони, М.М. Гухман, А.В. Бондарко), метода *описания лексики по группам* (тематическим – Н.И. Толстой, Ф.П. Сороколетов, Г.В. Судаков, Г.Н. Лукина; лексико-семантическим – Ф.П. Филин, Н.Г. Михайловская, К.В. Смолина, Л.П. Клименко) и метода *словообразовательного*

анализа/гнезда (Г.О. Винокур, Н.М. Шанский, А.Н. Тихонов) (см. [5: 73-111]). Этот метод используется в диахронических исследованиях, как правило, имплицитно и представляет собой описание семантики анализируемых слов по межчастеречным группам, которые объединены восходящими к общему этимону корневыми морфемами [2, 3, 4, 12, 14]. Эксплицируется данный метод в работе Р.М. Цейтлин «Сравнительная лексикология славянских языков X/XI – XIV/XV вв. Проблемы и методы» [11].

От традиционных лексико-семантических методов корнесловный метод отличается тем, что компоненты анализируемых корневых групп связаны не семантической, а генетической аттракцией (семантический инвариант заложен в синкретизме этимона), а от метода словообразовательного анализа /гнезда – тем, что его задачей является не выявление мотивированности (производности / непроизводности), а экспликация семантического развития этимона, которая, как в капле воды, отражает семантическое изменение лексической системы в целом (*от части – к целому*).

На нашем материале при помощи корнесловного метода представлены выражающие эстетическую оценку межчастеречные корневые группы, объединенные восходящими к общему этимону ядерными (*крас-, лһп-, добр-*) и периферийными корневыми морфемами (*благ-, свһт-, бһл-; вел-, бог-, зол-, слад-, хорош-, худ-, твар-, хытр-, чист-; вид-, высок-, зор /зар-, золот / злат-, лик / лич-, (об)-раз-; весел-, рад-, див-, слав-, чуд- / гнһв-, мерз-, скверн-, страш-, ужас-; дряхл-, уныл-* и др.). Ядерные корневые группы отличаются значительным количеством относящихся ко всем частям речи производных лексических

единиц (*добр-* 54, *крас-* 36, *лһп-* 26). Сохраняющие первоначальное синкретичное значение этимона производные слова (прилаг. *красьныи, добрыи, лһпыи, нелһпыи*; элативы *прһкрасьныи, прһдобрыи, прһлһпыи*; сущ. *краса, красота, доброта, лһпота*; глаг. *красити, украсити, красити ся, красовати ся* и нареч. *красьно, красьнһ*), начиная с XI-XII вв., регулярно выражают связанные с удовлетворением чувства прекрасного значения сублимированного типа во всех типах и жанрах древнерусских текстов (как оригинальных, так и переводных), прежде всего в контекстах, характеризующих внешность человека.

Расчленяющие синкретичное значение этимона производные слова, образованные от ядерных корневых элементов *крас-*, *добр-*, *лһп-* при помощи словосложения (прилаг. *краснолицыи, добролһпень, доброзрачень, доброкрасныи, велелһпныи, доброшумныи, добробесһдныи, добровоньныи*; сущ. *краснолюбие, красогласование, добровидһнье, доброгласие, добровоньство*; глаг. *добовоняти, доброухати* и др.) и аффиксации (прилаг. *красивъ*; сущ. *оукрашение, преоукрашение, безкрасие, некрасота, красьба*; глаг. *украшати, преоукрашати*; нареч. *преоукрашено, великолһпнһ*), выражают, начиная с XIV-XV вв. значения эстетической оценки признаков предмета (явления, процесса, состояния), воспринимаемых различными органами чувств (зрительно, на слух, при помощи обоняния).

Для иллюстрации сложности процесса становления на эпидигматическом уровне системы средств выражения эстетической оценки в ядерных корневых группах представлены случаи выражения аксиологических значений всех типов: 1)

эмотивные значения ('все положительное, хорошее', 'лучший, наилучший', 'отличный по качеству, добротный'; 2) значения этической оценки: ('добродетельный'; 'достоинство, добродетель', 'благочестиво'; 3) значения эмоциональной оценки ('радостный', 'радоваться, веселиться'); 4) значения телеологически-рационалистической оценки ('благоприятствующий', 'искусный, опытный, умелый'); 5) значения нормативно-рационалистической оценки ('надлежащим образом', 'приличие, благопристойность', 'нечестивый, противозаконный, недозволенный'); 6) значения утилитарно-рационалистической оценки ('напрасный, бесполезный', 'напрасно, бесполезно').

С этой же целью в данных корневых группах рассмотрены выражающие разнообразные дескриптивные значения производные слова, не связанные с ценностным отношением и ориентированные на отражение элементов действительности: 'добро, имущество, пожитки, богатство, достояние' (сущ. *добро*, *доброта*, с XI-XII вв.); 'птицелов, ловящий птиц с помощью клея' (сущ. *лѣпитель*, с XII-XIII вв.); 'лепить' (глагол. *лѣпиту*, с XIII в.); 'красить, окрашивать что-л.', 'выкрасить, раскрасить', 'подкрашивать себе лицо, волосы', (глагол. *красити*, *красити ся*, *украсити*, с XIII-XIV вв.); 'название растения *Asperula ararige*, *Asperula odorata*' (сущ. *лѣпокъ*, с XIV-XV вв.); 'внешний вид, обличье, образ' (сущ. *подобие*, с XIV-XV вв.); 'красный цвет' (прилаг. *красьныи*, с XIV-XVI вв.).

Производные с корнем *крас-* с XVI-XVII вв. встречаются также в многочисленных терминологических словосочетаниях-синкретемах в функции гипонима, в которых видовое значение возникает как на основе мелиоративного значения оценочного типа ('хороший, лучший' – *красное крыльцо*, *красная площадь*,

красный угол, красная лавка, красная рыба, красная дичь, красная кожа, красная пшеница, красный рядъ, красная цена, красный мастер), так и на основе дескриптивного цветового признака (*красная икра* (ср. *черная икра*), *красная лисица, красный гриб* – ‘подосиновик’, *красное вино* (ср. *белое вино*), *красный воск* и др.) (подробнее см. [8]).

В заключение хочется пожелать дорогому Августу Борисовичу «золотого сечения» во всех сферах жизни – семье, науке, поэзии. Крепкого-крепкого здоровья, счастья, успехов, благополучия!

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 3-е изд., стереотип. М.: КомКнига, 2005. 576 с.
2. Батажок Н.И. История развития значений исходных рефлексов корня *-lik* в праславянском и русском языках (опыт семантической реконструкции): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1979. 24 с.
3. Генералова Е.В. Лексическое выражение понятийной оппозиции «прямое – кривое» в истории русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1998. 20 с.
4. Виноградов В.В. О некоторых вопросах русской исторической лексикологии // Известия Акад. Наук СССР. ОЛЯ. 1953. Т.12. Вып.3. С. 185-210.
5. Копелиович А.Б. Некоторые спорные вопросы словообразования и синтаксиса. Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та, 2011. 156 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
7. Новиков Л.А. Основы семантики. Книга «Семантика русского языка» (1982) // Л.А. Новиков. Избранные труды. Т. 1. Проблемы языкового значения. М.: Изд-во РУДН, 2001. С. 341-672.
8. Пименова М.В. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.; Владимир: Филологический факультет СПбГУ: ВГПУ. 2007. 415 с.
9. Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. 703 с.
10. Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Под ред. Б.А. Серебренникова. М.: Наука, 1988. С. 108-140.
11. Цейтлин Р.М. Сравнительная лексикология славянских языков X/XI – XIV/XV вв. Проблемы и методы. М., 1996. 232 с.
12. Ширина Л.И. Прилагательные вкуса в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1971. 21 с.

13. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М.: Просвещение, 1977. 335 с.
14. Этерлей Е.Н. О семантике слов с корнем *яр-* (в связи с наименованием славянского божества Ярилы) // Диалектная лексика: 1975 / Под ред. Ф.П. Сороколетова. Л.: Наука, 1978. С. 102-114.

Г.Т. ПОЛЕНОВА (*Таганрог, Россия*)

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КАТЕГОРИИ РОДА

(на материале енисейских языков)

Аннотация. Статья посвящена проблеме эволюции категории рода. Решать эту проблему автор предлагает на материале столь архаичных языков, как енисейские, в которых обнаруживаются черты всех ступеней развития языка, согласно континентальной типологии Г.А. Климова. По выводам автора, категории рода предшествовала категория класса.

Исследования грамматического рода имеют давние традиции, восходящие к античным временам. Со времен первооткрывателя категории рода Протагора вопросы, связанные с происхождением и сущностью категории рода, вовлекают в дискуссию многие поколения лингвистов. Проблемы категории рода поднимались в классических трудах Л. Блумфилда, К. Бругмана, Я. Гримма, В. фон Гумбольдта, О. Есперсена, Т. Кампанеллы, М.В. Ломоносова, А. Мейе, Г. Пауля, Э. Сепира, Г.Штейнталя.

Вопросам генезиса категории рода особое внимание уделили В.В. Виноградов, Л. Ельмслев, О. Есперсен, В.В. Иоффе, Дж. Лайонз, А. Мейе, О. Семереньи, способам ее выражения Ф.И. Буслаев, С.Д. Канцельсон, А.А. Потебня, ее семантической обусловленности Я. Гримм, В. Гумбольдт, О. Есперсен, А. Мейе, Г. Пауль. Однако, несмотря на большое количество работ, посвященных проблеме рода, данная категория относится к числу

тех труднообъяснимых грамматических явлений, которые до сих пор не получили в науке однозначного освещения.

В.А. Виноградов определяет род как грамматическую категорию, свойственную разным частям речи и состоящую в распределении слов или форм по двум или трем классам, традиционно соотносимым с признаками пола или их отсутствием; «эти классы принято называть мужской, женский, средний род» [3: 417]. Именные классы в его определении – это «лексико-грамматическая (выделено мною – Г.П.) категория существительного, состоящая в распределении имен по группам (классам) в соответствии с некоторыми семантическими признаками при обязательном формальном выражении классной принадлежности имени в структуре предложения» [3: 173].

Г.Г. Корбетт, справедливо не видя большой разницы между категорией рода и категорией класса, отметил, что это наиболее загадочная грамматическая категория: "Gender is the most puzzling of the grammatical categories. It is a topic which interests non-linguists as well as linguists and it becomes more fascinating the more it is investigated. In some languages gender is central and pervasive, while in others it is totally absent" [14: 1]. Кетский язык нужно отнести к первой группе, по Г.Г. Корбетту, где эта категория „central and pervasive”. Мы ее называем категорией класса. Если род – это морфосинтаксическая грамматическая категория, которая находит свое выражение в различных деклинационных моделях, то класс маркируется посредством согласовательного механизма в целом, причем в случае енисейских языков – преимущественно и наиболее последовательно в системе глагольного спряжения.

В.В. Иоффе, определяя историю индоевропейского рода как историю согласования, отрицает подходы и теории, сводящие

семантику рода к выражению различий по полу и использующие синтагматическое понимание рода при характеристике истории рода: «возникновение новой системы согласования никак не связано с выражением пола и целиком объясняется развитием новых типов склонения в индоевропейском» [6: 60].

После В.В. Иоффе положение о согласовательном характере категории рода прозвучало в трудах А.Б. Копелиовича. А.Б. Копелиович дает следующее определение рода: «род есть отношение между предметными и определяющими их словами» [9: 8].

И поскольку речь идет о двух взаимодействующих составляющих, минимальной единицей применительно к категории рода, как доказывает А.Б. Копелиович, не может быть слово как таковое, но согласовательная модель с зависимым словом адъективного типа. А.Б. Копелиович, вслед за В.В. Иоффе, признает неверной и уводящей исследователя в сторону от проблемы саму постановку вопроса о возможности или невозможности экстралингвистической мотивации рода. По его мнению, значение проблемы выходит за рамки лингвистики. Что касается термина «мотивация рода», то он может быть использован применительно к грамматическому роду только в том случае, если значение термина будет соотнесено с предметом рода, с его релятивной сущностью и не будет сводиться к денотативной оправданности родовой формы субстантивного имени. «Мотивацией применительно к грамматическому роду может считаться такое явление, которое обнаруживается синтагматически. <...> выбор формы согласуемого слова мотивируется интралингвистическим фактором, т.е. объясняется

самим принципом организации в языке согласовательных отношений, не таящим в себе никаких загадок» [9: 103-104].

Наши дальнейшие рассуждения подтверждают правоту А.Б. Копелиовича. Исторический анализ многих языков показывает, что грамматический род – явление сравнительно позднее, возникшее не ранее образования разряда имени.

Как бы далеко ни продвинулись в своем развитии современные индоевропейские языки, в них можно обнаружить следы древнейшего состояния языка, в одних больше, в других меньше. Так, в немецком языке, по Й. Эрбену, к мужскому роду, помимо названий людей мужского пола, относятся преимущественно названия крупных одушевленных предметов типа: *Wal* 'кит', *Elefant* 'слон', *Tiger* 'тигр', *Adler* 'орел', *Baum* 'дерево'; названия 'действующих' приборов и инструментов, например: *Schlüssel* 'ключ' (закрывающий), *Wecker* 'будильник', *Bohrer* 'сверло'. К женскому роду, кроме названий людей и животных женского пола, относятся названия малых одушевленных предметов, как: *Taube* 'голубь', *Maus* 'мышь', *Blume* 'цветок' [15: 108]. Г. Хельбиг и Й. Буша различают грань между естественным родом (= полом) – «Geschlecht» и грамматическим родом «Genus»: «Естественный род (Geschlecht) имеет две формы (мужской и женский род), грамматический род (Genus) имеет три формы (мужской, женский и средний род)» [16: 106, перевод наш – Г.П.]. Оба вида выражаются прежде всего формами артикля, который Г. Пауль называет *Geschlechtswort* 'родовое слово'. Артикль *der* восходит к указательному местоимению *der*, исторически представляющему собой слияние двух основ: и.е. мужск. род *so*, женск. *sā* и мужск. *to*, женск. *tā*.

До артикля род определяли окончания основ как имени, так и глагола: четыре тематических гласных *a, o, i, u* и ряд согласных. В качестве архаизмов в анатолийском языке Фр.Адрадос назвал фактическое отсутствие оппозиции единственное / множественное число в косвенных падежах, лишь зачаточное развитие оппозиции одушевленный / неодушевленный, полное отсутствие оппозиции мужской / женский [13: 13]. В хеттском языке категория рода отсутствует. Противопоставляются только *genus neutrum* и *genus commune*.

Различные индоевропейские языки, таким образом, дают представление о разных этапах в развитии языка. Выход за пределы системы индоевропейских языков позволяет проследить путь становления той или иной категории. В этом плане следует приветствовать обращение к ностратике, которая последнее время несправедливо была забыта. Имеется в виду работа А.Е. Манькова [10].

Он писал, что «в большей части случаев не виден принцип отнесения существительных к тому или иному роду: уже в самый ранний период засвидетельствованной истории всех индоевропейских языков род является не только полностью сложившейся, но и десемантизированной категорией» [10: 79]. Более того, автор считает, что для диахронического изучения рода необходимо также рассмотреть эволюцию плана содержания классифицирующих категорий и установить факторы, определяющие направление этой эволюции. Он пришёл к выводу, что категория рода является морфологической реализацией понятия пола (*sexus*)» [10: 88].

Ряд лингвистов, говоря о семантическом факторе, делают четкое разделение между одушевленными и неодушевленными

существительными. Так, А.В. Бондарко пишет: «Принцип членения по родам в рамках неодушевленных существительных является чисто формальным: между словоформами типа *портрет, стена, окно* нет различий в грамматической семантике. Что же касается одушевленных существительных, то здесь вступает в силу семантический фактор» [2: 37]. Отмечая тесную связь между родом одушевленных имен существительных и семантикой отношения к полу, А.В. Бондарко рассматривает это как одно из оснований для трактовки рода как морфологической категории,

Приведём ещё мнение А.Т. Аксёнова, что «само появление рода как грамматической категории возможно только в том случае, если грамматическая система языка выработает определенную последовательность форм, служащих для его выражения» [1: 24].

Исконной и отличительной чертой нигеро-конголезских языков является наличие именных классов, но их положение в системе языка характеризуется неустойчивостью, которая особенно явно проявляется в так называемых луговых языках Камеруна. В африканистике обсуждается проблема именных классов как разрушающейся категории, постепенно движущейся в направлении двухклассной **системы [11: 3].** **Характерной чертой всех семитохамитских языков является наличие двух грамматических родов [5: 52].**

Имена существительные в языке бурушаски распределены между четырьмя семантическими группами слов, из которых **первую** группу составляют существительные, обозначающие мужчин, вторую – обозначающие женщин, третью – живые

существа и некоторые предметы, четвертую — все остальные [8: 37].

В китайском языке, как известно, нет вообще привычных грамматических категорий. Для обозначения пола в случае смысловой необходимости употребляются особые слова или же словообразования.

Мы убеждены в том, что в современных языках отражена история развития любого грамматического явления, и эту историческую, включая доисторическую, картину можно проследить, сопоставляя данные языков различных систем и привлекая при исследовании отражения в языке древнейшей картины мира архаичные мифологии, например, таких аборигенов Сибири, как енисейцы.

Китайский язык восходит, на наш взгляд, к языку нейтрального строя, по схеме Г.А. Климова [7], когда не было частей речи и каждое явление имело своё обозначение.

По мифам и верованиям кетов (последних живущих на берегах Енисея и его притоков некогда многочисленных родов енисейцев), прародительницей всего мира, земного и небесного, является Земля-мать *baŋam* (*baŋ* «земля», *am* «мать»). В обществе это соответствует материнскому строю, следы которого ещё чётко прослеживаются в фольклоре и обычаях кетов. Мифология и лексика позволяют говорить о существовавшем некогда представлении о земле как о женском живом существе. Земля считалась первопричиной **жизни** и смерти человека.

Во времена матриархата господствовал классный строй языка, который ныне сохранился в языках Африки, Кавказа и в других местах, где сохранились языки, находившиеся в изоляции от великих цивилизаций.

Категория класса в енисейских языках признана лексико-грамматической категорией, т.к., с одной стороны, наблюдается классовая дифференциация лексики (именные классы), а с другой – грамматическое выражение классов (грамматические классы).

Именные классы в кетском языке – это семантическая категория, т.к. в структуре самих существительных в форме основного падежа почти нет ее формальных показателей. К классу одушевленных относятся, например, такие названия объектов и явлений природы, как: *i* 'солнце', *q̄p̄* 'луна', *baŋ* 'земля', *bej* 'ветер', *s'es* 'река', *haj* 'кедр', *ej* 'сосна', *din* 'ель', *alal* 'деревянное изображение духа', *tap'* 'обруч для чума, бубна'; *bol'va* 'гриб', *hu* 'сердце', *ej* 'язык' и др.

На лексическом уровне классовая дифференциация проявляется в особой сочетаемости местоимений, прилагательных и других разрядов лексики с существительными.

Каждому именному классу соответствует свое вопросительное местоимение. Ср.: кет. *bes's'a* 'кто' (жен. кл.), *bits'e/bis's'e* 'кто' (муж.кл.), *as'a* 'что' (неодуш. кл.), югск. *anejt* 'кто' (муж. кл.), *aseda* 'кто'(жен. кл.), *assa* 'что' (неодуш. кл.); кет. *ana* 'кто'(о человеке), *akus'/aks'* 'что'(о вещи); котт. *as'ix* 'кто', *sina/sena* 'что'.

Сравним пары типа кет. *ob* 'отец' – *am* 'мать', *hip* 'сын' – *hun* 'дочь' *boat* 'старик' – *boam* 'старуха', *q̄p̄* 'дядя', 'дед' – *q̄m̄* 'женщина', 'жена'; котт. *fip* 'сын' – *fun* 'дочь', *o:p* 'отец' – *a:ma* 'мать', *hi:pa* 'дедушка' – *hi:ma* 'бабушка'.

Классы могут выражать разные глагольные словоформы с одним лексическим значением в зависимости от денотата, ср.: *dukin* 'он стоит' – *duol'in* 'он стоял'; *dakin* 'она стоит' – *daol'in* 'она стояла'; *ab qus' es'ka hapta* 'мой чум в лесу стоит'.

В системе кетского склонения выражена оппозиция мужской / немужской путем чередования в составе падежных аффиксов гласных соответственно *a /i*, ср.: *qajdaŋa* ‘к лосю’ – м. кл., *qajdiŋa* ‘к лосю’ – ж. кл., *qus'diŋa* ‘к чуму’ – вещн. кл.; котт. *o:p'отец'* – *o:pa'отца'*; *a:ma* ‘мать’ – *a:mi* ‘матери’, *iti* ‘зуб’ – *iti:* ‘зуба’.

Абсолютный падеж индифферентен в отношении класса и имеет нулевую флексию. Приведенные в таблице №1 падежные окончания дательного падежа, бенефактива, аблатива и адессива являются производными от показателя родительного падежа. Родительный падеж занимает ключевое положение в падежной системе енисейских языков.

Таблица № 1. Кетские падежные показатели, различающие классы

Падеж	Ед. число, мужск. класс	Ед. число жен./вещной.	Множ. число одушевленный	Множ. число неодушевленный
Родительн.	<i>-da</i>	<i>-d(i) / -t</i>	<i>-na</i>	<i>-d(i)/-t</i>
Дательный	<i>-daŋa</i>	<i>-diŋa</i>	<i>-naŋa</i>	<i>-diŋa</i>
Бенефактив	<i>-data</i>	<i>-dita</i>	<i>-nata</i>	<i>-dita</i>
Аблатив	<i>-daŋal'</i>	<i>-diŋal'</i>	<i>-naŋal'</i>	<i>-diŋal'</i>
Адессив	<i>-daŋta</i>	<i>-diŋta</i>	<i>-naŋta</i>	<i>-diŋta</i>
Вокатив	<i>-ǎ-</i>	<i>-a (ж.)-</i>		

Данные показатели, кроме вокатива, могут отрываться от имени и отстоять от него на одно или более слов. Они также употребляются самостоятельно в роли местоимения 3-го лица, ср.: *daŋal'* ‘от него’, *diŋal'* ‘от нее’.

Показатели остальных падежей категории класса не выражают: кет. комитатив *-as'*, каритив *-an*, локатив *-ka/-ga*. Коттский инструментальный падеж *-o:*, комитатив *-oš'* (*-aš'*).

По нашим выводам, при классном строе, звук "а" был дейксисом человека и олицетворяемых явлений и животных – *Genus Commune*. Различия по полу еще не существовало. Класс вещей выражался нулем [12: 38].

При раннеактивном строе языка звук "а" был дейксисом женщины, что подтверждают материалы кетского и коттского языков. А.П.Дульзон предполагал наличие в протоенисейском формы *a-da* 'я-женщина', которая "до нас не дошла, но сохранилась в форме личного местоимения 3-го л. *бу-да* 'она', как и '*ду*' в местоимении для мужского пола: имб. *бу-д*, *бу-ду* 'он' [4: 178-179]. По кетской мифологии, *Es'* – Бог и Небо рождён Землёй, а на небе он сначала жил с женой *Hosejdam*, потом они поссорились и *Es'* сбросил *Hosejdam* на землю, придав ей самые зловредные черты. Так отражён переход к патриархату в обществе и к активному строю языка. Хоседам становится отрицательной альтернативой Еся, олицетворением темных сил. Она живет на западе или на севере, под землей, к ней стекаются все реки, она хозяйка мира мертвых. Злые духи находятся у нее в подчинении. В языке наступает эпоха развитого активного строя и грамматизации бывших классно-дейктических частиц. В период патриархата дейксис важности и активности "а" переходит к мужчине. Женщина получает показатель "i", ср.:сев. кет. *ar'ä qim* 'его жена', *ir'ä te't* 'ее муж'.

Ранее мы утверждали, что гласные *i/e*, *u*, *a/o* выражали основные типы указания по К. Бругману: общий (*Der-Deixis*) -*u*; указание на сферу говорящего (*Ich-Deixis*) -*i/e*; указание на сферу вне говорящего (*Jener-Deixis*) -*a/o*. Эти абстрактные типы указания, дошедшие до наших дней в виде кетских *ki* 'этот', *tu* 'этот', 'тот' (известный, упомянутый), *qa* 'тот' (подальше),

развились из более конкретных типов указания: *bi-bu-ba, ki-ku-ka, ti-tu-ta, di-du-da, ni-nu-na, hi-hu-ha, xi-xu-xa, li-lu-la, si-su-sa*, обозначавших конкретное указание типа 'внизу', 'вверху', 'там', 'здесь', 'спереди', 'сзади' и т. п. Согласные компоненты *b-, k-, t-, d-, n-, x/h, l-, s-, η* в составе дейктических частиц были классными показателями предметов, на которые делалось указание, причем часть этих классных показателей (*t-, d-, n-*) указывала на одушевленные предметы, а другая (*b-, k-, x/h-, l-, s-, η* – на неодушевленные [12: 131-132].

При матриархате основная оппозиция классов, как мы отмечали, была «одушевленный / неодушевленный» (с учетом первобытной картины мира) и выражалась через *xa, ax / xo, ox, xi, ix, xi, ix, ∅*, где *x* – любой согласный звук. В конце матриархата, в период зарождения активного строя, противопоставлялись классы «женский / неженский» - *xa, ax / xi, ix* и др., как при классном строе. При патриархате, в период развитого активного строя языка, оппозиция приобрела вид: *xa / xi, xi* и пр. – «активный / инактивный» [12: 40]. Активный класс преобразовался в мужской род, а инактивный дал начало женскому роду и среднему.

Из изложенного мы делаем вывод, что категория рода вырабатывается при активном строе языка в соответствии с контенсивной типологией языков, по Г.А. Климову.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенов А.Т. К проблеме экстралингвистической мотивации грамматической категории рода // ВЯ. 1984. №1. С. 14 - 25.
2. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Л., 1976. 255 с.
3. Виноградов В.А. Род. // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 417-418.
4. Дульзон А.П. О древней центрально-азиатской языковой общности // Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1968.
5. Дьяконов И. М. Семито-хамитские языки: Опыт классификации. Изд. 2-е, пер. М.: КомКнига, 2006. 120 с.

6. Иоффе В.В. Происхождение и развитие категории рода в праиндоевропейском языке // ФН. 1973. №2. С. 53-61.
7. Климов Г.А. Типология языков активного строя. М.: «Наука», 1977. 320 с.
8. Климов Г.А., Эдельман Д.И. Бурушаски М.: «Наука», 1970. 116 с.
9. Копелиович А.Б. Происхождение и развитие индоевропейского рода в синтагматическом аспекте. Владимир, 1995. 125 с.
10. Маньков А.Е. Происхождение категории рода в индоевропейских языках // ВЯ. 2004. №5. С. 79 - 92.
11. Морфонология и морфология классов слов в языках Африки. Имя. Местоимение. М.: «Наука», 1979. 252 с.
12. Поленова Г.Т. В поисках истоков языка: сб. избр. тр. Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та имени А.П. Чехова, 2011. 336 с.
13. Adrados, F.R. Die räumliche und zeitliche Differenzierung der Indoeuropäer im Lichte der Vor- und Frühgeschichte. Innsbruck, 1982.
14. Corbett, Greville G. Gender. Cambridge University Press, 1991. 384 с.
15. Erben J. Abriss der deutschen Grammatik. Berlin: Akademie, 1966. 316 с.
16. Helbig, G., Buscha, G.J. Kurze deutsche Grammatik für Ausländer. Leipzig, 1976. 294 с.

В.Г. РУДЕЛЕВ (Тамбов, Россия)

И СНОВА – О СЛОВЕ И ЧИСЛЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию древней внутренней формы слов, называющих древние славянские числа.

*С памятью о далеком городе
на берегу реки Амура, где мы бродили с юбиляром
и спорили – на виду изумрудных сопок...*

В 2013 году я написал и опубликовал статью о *слове* и *числе* [1], подвергнув герменевтическому анализу стихотворение великого русского поэта Н.С. Гумилева «Слово». Все внимание в статье, как мне теперь кажется, было сосредоточено на *слове*, а рассуждение о *числе* было всего лишь в нескольких набросках. Теперь меня больше всего интересует именно *число*. И, конечно, – строки Гумилева:

А для низких целей были числа,
Как домашний подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умное число передает...

Но – в еще большей степени:

Патриарх седой, себе по руку
Подчинивший и добро и зло,
Не решаясь обратиться к звуку,
Тростью на песке чертил число... [2]

Все-таки было бы очень интересно представить себе те знаки, которые на песке тростью чертил Патриарх, еще не решившийся обратиться к божественному Звуку, т.е. к Слову. Мы непременно это сделаем. Мы обязаны это сделать. Но пока все-таки попробуем порассуждать о том, почему А.С. Гумилев противопоставил так резко Число Слову (= Звуку).

В системе основных частеречных классов русского языка Число (числительное) занимает периферийное, но довольно-таки твердое положение. Это можно представить в двухцентральной динамической модели:

$$S \leftarrow V \rightarrow A \leftarrow N \\ a^1 \quad a^2 \quad a^3,$$

где S, V, A, N – частеречные классы:

- 1) S <субстантив = существительное = имя>;
- 2) V <глагол>;
- 3) A <адъектив = «прилагательное» = качественно-предикативное слово>;
- 4) N <нумератив = числительное>;

← и → – знаки маркированности, с указаниями на немаркированные элементы и направления нейтрализаций;

$a^1 \quad a^2 \quad a^3$ – однородные дифференциальные признаки с разными степенями актуальности (<сильная предикативность>, <слабая предикативность>, <нулевая предикативность>).

Порядок нейтрализаций:

1) V:S (в скоростных точечных, или номинативных текстах фетовского типа: «*Шепот, робкое дыхание...*» где глаголы обретают формы существительных).

2) Вслед за этим происходит нейтрализация A:/S:V/, когда адъективы приобретают формы субстантивов.

3) Наконец, к смешениям с субстантивами подключаются числительные, образуя свои субстантивные формы типа: *двойка, тройка* и т.п.

Пока что было описано действие только первого частеречного блока с **нулевым** [3] субстантивным центром. Тот же блок, преобразуясь ради адъективных позиций, создает второй частеречный центр, создающий возможность смешения всех частей речи с адъективом, в том числе и числительных, которые получают свои формальные адъективы – так называемые «порядковые числительные» (*первый, второй, сто двадцать четвертый* и пр.).

Как видим, положение числительного в системе частей речи русского языка периферийное, пассивное. Центра числовое слово в системе не образует, поскольку числовых форм остальные части речи не имеют. Впрочем, таким центром не становится и глагол: ни одна из русских частей речи не имеет глагольных (спрягаемых) форм. Но глагол – вершина предикативности; это значит, что он – главный герой синтаксиса, композиции, текста. Но что бы мы ни говорили о периферийности числительного, т. е. *числа*, оторвать число от слова нельзя. Если был когда-нибудь такой отрыв, то он базировался на чем-то ином, но не на частеречной системе...

* * *

Несомненно, числовые (цифровые) знаки у большинства народов, пришедших к созданию азбуки, были древнее звуковых. Мало кто обращает внимание на сообщения о письменности у древних славян (словен), которые до изобретения письма якобы великим Константином Философом (ок. 827-869) писали *чертами* и *резами* (*разами*). *Черты*, как нам теперь уже кажется, были несомненными буквами, изобретенными кем-то из свиты Андрея Первозванного, скорее всего, Лихославом (*Lucostlavos) для гольтескифского (протославянского или балто-славянского) народа, а *резы* у этого народа были свои, еще более давние (ср.: [4; 5]).

Азбука *чертами* была обретаена Константином Философом в Хазарии, она была, несомненно, обработана, получив современный для той эпохи вид, и названа «*глаголицей*» (*глаголемая литица*), т. е. став церковным письмом с буквами, которые были употреблены, в частности в *литие* <церковной христианской службе на славянском языке>. С *глаголицей* Константин (в иночестве – Кирилл) и отправился в 863 году в Моравию служить делу христианства на славянском языке. Глаголические буквы (вчерашние *черты*) имели не только фонические смыслы, но еще и числовые (тогда они получали дополнительные значки – так называемые *титла*), а еще они были тайными малыми иконами, т.е. содержали сакральные значения. Так, например, самая первая, крестообразная буква + имела фоническое значение [а:], числовое [1] и сакральное [Бог Отец]... Последнее было очень важно, поскольку в Византии с 717 до 842 года существовал запрет на православные иконы, а в Болгарии, кажется, он держался еще очень долго и после 842 года. Именно запреты на православные иконы заставили

Константина связать ряд глаголических букв с православными образами Бога Отца, Бога Сына, Бога Святого Духа и Пресвятой Богородицы Марии.

Многие считают, что в России (на Руси) глаголицы вообще никогда не было, поскольку христианство на Русь пришло через Болгарию вместе с новой православной азбукой, называвшейся *кириллицей*, а последнюю составил Константин-Кирилл еще до своего хождения в Хазарию. Можно было бы в это поверить, если бы в словенском (русском) христианском обряде не было ярких несомненных следов глаголической азбуки, Что стоит одно только русское пятикупольное барокко с образом младенца Христа в виде глаголической буквы *Слово* (средний, центральный, грибообразный купол храма) на груди Матери Марии, представленной четырьмя куполами по краям храмовой кровли, – совершенно очевидной глаголической буквой *Мыслеть* с фоническим значением [m], числовым [40] и соответствующим сакральным [Богоматерь Мария].

Мне не понятно, почему крещение Руси нужно обязательно хотя бы мысленно переносить с самого начала новой эры на конец X века. Но почему до нас не дошли *резы* (*разы*) – самые древние знаки основных чисел, мне ясно. Их место заняли Кирилловы *глаголы* – вначале глаголические, затем (уже после кончины Константина-Кирилла) кириллические. Они-то и скрывают от нас то древнее Время (*Час*), которое было заменено *Временем Оным*:

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял свое лицо, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города...

* * *

Ну, а нам все-таки что-то осталось от самых древних *резов* (*разов*). Где же? В чем же? В числовых знаках на пальцах. Их можно было тростью перенести и на песок, вспомнив о чьем-то долге, решив этот долг, если и не простить, то по крайней мере скостить (ср. *Притчу об Управителе*, которую некоторые толкователи считают случайной и чуждой в *Нагорной проповеди*. Как же так? Управитель учит лжи: «*Сколько ты должен своему Господину?*» Должник отвечает: «*Сто мер пшеницы*». Управитель советует (нет, приказывает!): «*Возьми свои расписки («буквы») и напиши: «Пятьдесят!*». Боже мой! Какая ложь! Да за такое ... Было время...» А Господин (Господь), вернувшись, похвалил Управителя... За что похвалил-то? А за то, что житницы (амбары) в его имении были не пусты и люди (рабы) живы были, не умерли с голоду. Сто мер пшеницы отдать Господину – значит всей семьей умереть, а пятьдесят мер – тоже тяжело, но выжить можно!..

* * *

Люди, воспитанные в основном на улице (Ельня, Рязань – не самые интеллигентные города), чего только не услышат!. А *мы* еще и в диалектологических экспедициях кое-что умом постигли. А потом Соссюра и Бенвениста подчитали [6; 7] (см. еще [8; 9]). Вот и представляем теперь шеренгу чисел, которые упоминаемый Н.С. Гумилевым Патриарх, наверное, чертил на песке тростью:

1/ *Один* <1>. Внутренняя форма этого числового слова: **(j)ehd-* (ларингальный вариант: **(j)hd-* со значением <еда>). Ср.: у М.Фасмера [10, т.2: 8, 18; т.3: 122]. Изображение числа <1> на пальцах: большой (*на´больший*) палец поднят перпендикулярно к остальной ладони; значение: <*хорошо*>, <*хороший*> и под. Ср. в

народной песне 20-х гг: «*Раньше ты носила шляпу из торгесина, / Фетровые боты на большой...*». Мне известны некоторые преобразования описанного кинетического знака: вторая ладонь – знак крыши над большим пальцем; она увеличивала степень <хорошего> качества («*на большой – с покрывашкой*»); оставив «*покрывашку*» над поднятым *большим* пальцем только мысленно, можно было потереть друг о друга три пальца свободной руки (*большой, указательный и средний*) и усилить оценочное качество: «*на большой с покрывашкой и присыпкой*». Но эти преобразования знака со значением <1> – уже превращение описанного числового знака (<1>) в другие (со значениями <5>, <3>, <9>).

2/ *Два* <2>. Внутр. форма: **dii-* (вариант: **di-*; переогласовка *i в *u – явление позднее, диалектное). Древнее значение реконструируемой формы – <*глаза*> (двойств. ч). Изображение на пальцах: согнутые кружками два пальца (*большой и указательный*) на обеих руках.

3/ *Три* <3>. Внутр. форма **ter-* (вариант: **tr-* со значением <*тереть, растирать*>. Изображение на пальцах: три соединенных пальца на правой руке (*большой, указательный, средний*), находящиеся в движении. Такой знак, являясь символом Святой Троицы, используется у русских православных христиан, кроме старообрядцев, при осенении крестом.

Весьма возможно, что *троеперстие* было самым древним способом осенения крестом, а все остальные способы этого ритуального действия возникли позже. Здесь, однако, я не могу обойти вниманием пародийный (отрицательный) вид троеперстия со значением <0> – так называемый «*кукиш*»... У поэта-палиндромиста Н.Ладыгина [11] великолепно обыгрывается

сходство очертаний древних «нуля» и «тройки» в троеперстии патриарха Никона (глазами протопопа Аввакума):

Но кинь Никон,
Радуя, удар
Еще.
И маши *кукишами*,
Даря обедни, инде бояр ад.

Помню свое ельнинское детство. Мне было всего пять лет, и тогда у меня сильно заболел глаз. Мать повела меня к соседке-знахарке и ворожее по фамилии *Суханова* (в простолюдье – *Суханиха*). Суханова, сложивши три перста кукишеобразно, стала водить это построение пальцев вокруг моего больного глаза и приговаривать: «*Ячмэнь, ячмэнь, на табе кукиш; на гетат кукиш чаго хочешь купишь; купишь сабе кабылу, кабыла твая издохнет, ячмэнь твой иссохнет*». Глаз очень быстро прошел, а я стал играть со своими игрушками: *лошадью, мишкой, зайцем* – в суханихин заговор – со всеми особенностями ельнинского (деревенского) говора. Мать услышала и стала меня ругать, сказав, что произносить понравившееся мне слово нельзя: оно – очень неприличное...

4/ *Четыре* <4>. Внутр. форма **ket-* сохранилась в ст.-сл. слове *съчетати* <*сочетать*> (речь идет о свадьбе) и производных (ср. *чёт / нечет*). Кинетический рисунок пальцев: выдвигаются вперед обе ладони с двумя вытянутыми пальцами – указательным и средним. Первое четное число, родственное числу <2>.

5/ *Пять* <5>. Внутр. форма **rep-* со значением <*распинать*>. Возможно, был вариант **rp-*. Рисунок на пальцах: отсоединением большого пальца от всех остальных раздвигается ладонь (ее нужно раздвинуть как можно больше (как при игре в

опристенек; ср. рассказ В. Распутина «Уроки французского языка»). Вариант *пядь* представляет <малую меру длины>. Во время обучения автора в средней школе оценка «5» была самой высокой; однако автор начал учиться, когда ещё «пятерки» не ставили, а высшей оценкой была «*очень хорошо*» (наряду – с «*очень плохо*» – так называли низшую оценку, «*единицу*» или «*кол*»). Великолепный парадокс чисел!

Мать однажды попросила меня (в ту пору ученика первого класса) показать тетрадь по письму. Я с гордостью открыл первую страницу, на которой красовалось «*очень хорошо*» (это вместо нынешней «*пятерки*»). «*Молодец!*» – сказала мать и даже меня поцеловала. На следующей странице было просто «*хорошо*», и мать меня больше уж не целовала. Дальше было и вовсе «*посредственно*», и мать опечалилась. «*Что ж так, сынок?*» – спросила она с укоризной. «*Посредственно*, – сказал я матери, – положительная оценка... А на следующей странице было «*плохо*» (нынешняя «*двойка*!»), и мать заплакала. А потом... Уж и вспоминать не хочется! Дальше было – «*очень плохо*». И мать упала в обморок. Она как-то умудрялась упасть в обморок, твердо стоя на двух ногах или сидя со мной рядом в кинотеатре, когда из моих уст извергались уличные выражения, усвоенные в школе на Старом Базаре...

Вспоминаю свои студенческие и аспирантские годы, когда я, сидя в библиотеке за чтением очередной Академической грамматики, падал в обмороки, научившись у матери, читая, что *соловей* – это такой <предмет>, и *Человек* – <предмет>, и даже *Бог* – <предмет>, а *шепот* – <опредмеченное действие>, а *двойки*, *тройки*, которые я получал в школе по некоторым предметам, – <опредмеченные числа>. Мой учитель профессор

В.И. Лыткин успокаивал: «Вот выучитесь, станете профессором, тогда будете писать по-своему, а пока – смиритесь. Не вы – один! Хотя, конечно, даму в модных брюках назвать <омужчиненной женщиной> язык не пошевелится!..».

Интересно, однако, что число *пять* было числом узловым (итоговым), подобным нынешнему числу *десять*. Ср. у П.П. Ершова (1815-1869) в «Коньке-горбунке»: «*трипять шапок серебра*». Интересно, как в данном случае реализовывалась семантика слова *трипять*: сложением или умножением. Имело это слово значение <8> или <15>? Видимо, <15>, поскольку для «*восьмерки*» был особый кинетический и словесный знак (см. далее).

6/ *Шесть* <6>. Внутр. форма **kweh-* со значением <бежать, будучи прогоняемым чем-то вроде палки> (ларинг. вариант **kwh-* – в слове *хвост*). Древний (основной) вариант сохранился, видимо, в словах: *шастать* <*шататься*>, <*бродить*>, <*без дела ходить взад и вперед*> (по В.Далю [12, т.4: 623]) или *шасть* («*шасть за порог*»). На пальцах отражен императивный, устрашающий жест: три пальца на обеих ладонях (большой, указательный и средний) выкидываются (при оставшихся двух прижатыми к ладони: мизинце и безымянном) вперед полусогнутыми, дугой. Жест очень неприятен тому, в чью сторону энергично выбрасываются руки чем-то недовольного человека.

7/ *Семь* <7>. Внутр. форма **sed-* со значением <*садиться*>. В отличие от числа *шесть*, на пальцах создается жест приглашения, с указанием места, куда следует сесть приглашаемому человеку: одна из двух ладоней открытой стороной, протянутая вперед, демонстрирует желание, чтобы кто-то присел; второй ладонью (двумя вытянутыми пальцами:

указательным и средним) указывается место, куда гостю следует сесть.

8/ Восемь <8> – наиболее трудное слово. Внутренняя форма **(w)ost-* со значением <светлый, белый> содержится, видимо, в имени *Осмомысль*, синонимичном имени Ярославъ (ср. имя галицкого русского князя Ярослава-Осмомысла, отца Ефросиньи Ярославны – жены легендарного князя Игоря из «Песни о полку Игореве» (XII в.)). Идея <света> (<просвета>) на пальцах рук передается наложением четырех пальцев правой руки на тыльную сторону левой ладони, с пригнутым большим пальцем, – так, чтобы оставались **просветы** (*па-см-ы*) между всеми пальцами. Упомянутая идея делает кинетический образ <8> одним из самых приятных числовых жестов.

9/ Девять <9>. В этом числовом знаке начинается сложение уже произведенных знаков. Выше говорилось (см. 1/) об усложнении кинетического образа числа со значением <1> пятипальцевой «*покрышечкой*», а затем трехпальцевой «*присыпочкой*». Это и есть кинетический образ числа со значением <9>, второго после <5> узлового, итогового слова-числа. Известно выражение «*за тридевять земель, в тридевятом царстве, в тридевятом государстве*». Видимо, в этих выражениях представлено число со значением <27>.

Древняя внутренняя форма числа *девять* – **deu-* со значением <сила> повторяется в словах *дужий* (= *дюжий*) и *девясил* <растение>. Интересно также числовое слово *девянство* <90>; слово это возникло после перехода на *десятичный* счет, видимо, заимствованный, а не развившийся в балто-славянских диалектах, откуда вышли славянские языки.

Слово *девянсто* явилось памятью о древней *сотне* со значением <90>: «*девяно съто*».

* * *

На этом мы вынуждены закончить увлекшее нас исследование древних славянских чисел; видимо, их и чертил тростью на песке могучий Патриарх, так и не решившийся обратиться к *Богу-Слову*. Между тем и среди приверженцев *Бога-Слова*, по Гумилеву, немало предателей, забывших (это – мягко говоря) и *Нагорную проповедь*, и все иные проявления *Божьего Слова*:

Но забыли мы, что осиянно
Только Слово среди земных тревог,
И в Евангелье от Иоанна
Сказано, что слово – это Бог...

Думается, что в этом случае речь идет не о забвении божественных слов ради чисел. Скорее всего, поэт думает об «образцах» типа «*опредмеченное действие*» или (еще хуже!) модных ныне терминах вроде «*физические лица*». Но об этом – в следующий раз! Впрочем см.: [13].

ЛИТЕРАТУРА

1. Руделев В.Г. Слово и число в русских поэтических грамматиках начала XX века (герменевтический анализ стихотворения Н.С.Гумилева «Слово») // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. Тамбов, 2013. – Вып. 9 (125). С.208-217.
2. Гумилев Н.С. Стихи и поэмы. Тбилиси, 1989.
3. Руделев В.Г. Идея частеречного нуля как путь создания непротиворечивой и реальной теории частей речи русского языка // Слово. Словарь. Словесность / Коммуникация. Текст. Синтаксис (К 90-летию со дня рождения С.Г.Ильенко) / Материалы Всеросс. научн. конф. Санкт-Петербург, РГПУ им. А.Н.Герцена. 13-15 ноября 2013 г. С. 344-348.
4. Сафонова О.В., Руделев В.Г. Названия животных как средство создания героического образа (к реконструкции и герменевтической обработке «Слова о полку Игореве»). Тамбов, 2013.
5. Толстой М.В. Рассказы из истории русской церкви. Изд-во Спасо-Преобр. Валаамского монастыря, 1991.

6. Соссюр Ф. де. Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках, пер. с франц // в его книге: Труды по языкознанию. М., 1977. С. 287 и сл.
7. Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование, пер. с франц. М., 1955.
8. Курилович Е. Индоевропейские этюды. Краков, 1935, рабочий пер. с франц. автора статьи.
9. Руделев В.Г. Фонологическая эволюция (серия статей) // Собр. соч. в 6 тт.. Т.5: Мифы о редуцированных / Избр. произведения по историческому языкознанию. Тамбов, 2001.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 тт. Изд 2-е. М., 1986-1987.
11. Ладыгин Н. И жар и миражи. Палиндромические стихи. Тамбов. 2003.
12. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. М., 1955.
13. Руделев В.Г., Руделева О.А. К вопросу о необходимости использования термина «физическое лицо» в русском языковом общении // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. Тамбов, 2013. Вып. 2 (130). С.26-32.

М.В. САНДАКОВА (Нижний Новгород, Россия)

МЕТОНИМИЧЕСКАЯ МОТИВАЦИЯ В СФЕРЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО

Аннотация. Статья посвящена производным именам прилагательным, мотивация которых связана с метонимией мотивирующего слова. Выделяется два основных типа мотивации: 1) метонимическая мотивация (*лисий воротник, кассовый фильм, адресная помощь*); 2) ассоциативно-метонимическая мотивация (*халатное отношение к делу, палочная дисциплина, кухонное диссидентство*).

Среди типов словообразовательной мотивации, связанной с возникновением переносных значений, метонимическая мотивация – явление не столь частое. По наблюдениям Е.А. Земской, «отношения переносной мотивации в русском языке имеют обычно метафорический характер» [3: 128]. Мотивация, так или иначе связанная с метафорой, описана в целом ряде лингвистических исследований. Разнообразие мотивационных типов, а также подходов к ним нашло отражение в терминологии: метафорическая и переносная мотивация [6]; ассоциативная переносная и образная мотивация [3]; ассоциативно-

описательная и ассоциативно-сравнительная мотивация [13: 38–60]; отражённая переносная, метафорическая и ассоциативно-образная мотивация [7: 84-90]; компаративная и метафорическая мотивация [8] и др.

Мотивация, связанная с метонимией, описана в [2; 4; 8] и др. Невысокая распространённость метонимической мотивации, по мнению О.П. Ермаковой, объясняется тем, что при словообразовании более обычным является усвоение производным словом метафорического, чем метонимического значения своего производящего [2: 82].

Однако наследование метонимического значения, по наблюдению О.П. Ермаковой, регулярно в сфере относительных прилагательных типа *лисий, бараний*. Например, значение прилагательного *лисий* ‘такой, который сделан из меха лисы’ опирается на метонимическое значение существительного *лиса* ‘мех лисы’, ср.: *надеть рыжую лису – надеть лисью шубу* [2: 82].

По нашим наблюдениям, в адъективной сфере можно выделить два связанных с метонимией мотивационных типа.

1. Метонимическая мотивация как таковая (мотивация метонимическим значением).

В результате метонимической мотивации, как уже говорилось, могут возникнуть относительные прилагательные: *лисий воротник, оленья шапка*. Метонимическую мотивацию могут иметь и качественные прилагательные. Например, *глазастый* имеет значения: ‘с большими глазами или с глазами навывкате’ и ‘с острым зрением, зоркий’ [МАС]. Первое значение мотивировано прямым значением производящего существительного *глаз* как ‘орган зрения’, второе – его метонимическим значением ‘способность видеть; зрение’ [МАС].

Если прилагательное образовано по модели относительного, то его значения могут принадлежать разным лексико-грамматическим разрядам: при мотивации прямым значением возникает относительное, при мотивации метонимическим – качественное значение. Так, прилагательное *головной* имеет значения: ‘такой, который относится к голове’, мотивированное прямым значением существительного *голова*, и ‘идущий от сознания, рассудка; рассудочный’ (устар.) [МАС], мотивированное метонимическим значением слова *голова* как ‘ум, сознание; рассудок’ [МАС]. Ср.: *головная боль* (относительное значение) – *головное решение, жизнь, чувство, произведение* (качественное значение): ...*Рассудочной, «головной» лирики у Окуджавы и вовсе не бывало...* (Д. Быков. Булат Окуджава.)

У прилагательного *кассовый* метонимическое значение сформировалось во второй половине XX века. Ср.: *кассовый аппарат, чек, сбор, расходы, выплаты, обслуживание – кассовый фильм, спектакль, постановка, актёр*. Качественное значение мотивировано метонимическим значением ‘денежная наличность’, которое есть у слова *касса*, осложняемым ситуативными ассоциативными признаками ‘прибыль’, ‘доход’: ... «*Война и мир*» – *произведение не кассовое, в нём нет упоительных арий...* (Лит. газ. 23. 07 – 29. 07. 2014); *Журнал Forbes опубликовал список самых кассовых актёров за 2012 год*. (Росс. газ. 26. 12. 2012).

Аналогично для прилагательного *адресный*: *адресная книга, стол, бюро – адресная помощь, льготы, направление бюджетных средств, рассылка рекламы, программа кредитования*. У существительного *адрес* есть метонимическое значение ‘конкретный объект, к которому обращено, которому

предназначено что-либо' [ТСАЛ]: *адреса социальной помощи*. От него образовалось недавно зафиксированное метонимическое значение прилагательного 'обращённый к определённой группе лиц, предназначенный им' [ТСАЛ]: *Совмин Республики Крым утвердил **адресную** программу капитального ремонта домов на 2014 год* (Росс. газ. 09. 07. 2014).

2. Ассоциативно-метонимическая мотивация (мотивация прямым значением, семантически осложнённым по метонимическому принципу).

Такая мотивация отличается большей регулярностью по сравнению с метонимической. Как известно, метонимия представляет собой не прямое именование объекта, номинативный сдвиг, при котором происходит, по выражению Р. Якобсона, «захват ближайшего предмета» [14: 330]. Метонимия работает на «смещении фокуса внимания» [9: 241] с одного объекта на другой. Метонимический когнитивный принцип, работающий при словообразовании, состоит в том, что происходит мысленный «захват» предмета (нескольких предметов), находящегося рядом с тем, чьё имя служит мотиватором. В основе ассоциативно-метонимической мотивации – широкий охват определённого фрагмента действительности, целой ситуации, которую репрезентирует один из её участников. Имя этого участника становится мотиватором относительного прилагательного: оно осложняется целым развёрнутым представлением и задаёт целую ситуацию, а за производным от него прилагательным закрепляется значение одного из возможных свойств ситуации.

Например, прилагательное *книжный* употребляется как относительное (*книжный магазин, переплёт, шкаф*) и как

качественное, имеющее, по словарям, два значения: 'почерпнутый только из книг, не подкреплённый практической деятельностью, отвлечённый' [МАС] (*книжные представления о жизни*) и 'основывающийся на таких знаниях, предпочитающий их реальным' [МАС] (*сугубо книжный человек*). Мотивирующее слово *книга* вызывает представление о чтении и, как следствие, абстрактном книжном знании, далёком от реальной жизни. Примеры употреблений качественного значения в более широком контексте: *Ганц, конечно, не портрет Гоголя... Это книжная фантазия юного поэта...* (И. Золотусский. Гоголь); *Люди нового круга были ещё более книжны, чем он, они дальше его стояли от жизни, им многое было непонятно в Макаре ...* (М. Горький. Случай из жизни Макара).

Интересно отметить семантическое развитие слова *кухонный*, которое происходило в XX веке и продолжается сегодня. В словарях новые значения пока не зафиксированы, однако их узуральность подтверждается многочисленными употреблениями в прессе, художественных текстах, разговорной речи, ср.: *кухонный гарнитур, посуда – кухонные дискуссии, протесты, недовольство, вольнодумство, диссидентство.*

Слова *кухня*, а также предложно-падежная форма *на кухне* вызывает представление о ситуации семейного, бытового, доверительного общения в своём кругу. Отсюда у прилагательного *кухонный*, на наш взгляд, можно выделить два вторичных значения. Первое из них – 'бытовой, обыденный / семейный и дружеский': *Если хочется поплакать – не сдерживайте слёз. «Кухонную» психотерапию ещё никто не отменял* (Труд. 04. 09. 2008); *...В его лоб оказался вжат ствол... «Вальтера», и Андерс почувствовал смерть не то чтобы*

*«близко» – обыденно. Чёрным чудом одомашненная волчица оказалась удручающе бытовой, даже словно бы **кухонной*** (М. Палей. Хор).

Возникновение второго значения связано с определённым социально-историческим фоном. Во второй половине XX века в СССР *кухня* сделалась своеобразным символом доверительного общения, откровенных разговоров обо всём том, о чём невозможно было говорить вслух в официальной обстановке, ср.: *...Он [сборник] надолго остался одиноким памятником советско-антисоветской мысли, а свободомыслие прописалось на интеллигентской **кухне** и в курилках...* (Лит. газ. 06.08. – 12.08.2014). Отсюда значение прилагательного *кухонный* как 'противопоставленный официозному и скрываемый от него'. Употребления в таком значении довольно частотны: *Вряд ли гудевший от песен Академгородок с его полудозволенной свободой, **кухонной** фрондой и полуночными спорами был для него оптимальной средой* (Д. Быков. Булат Окуджава.); ***Кухонный** вольнодумец – призвание экстерриториальное. Штаты были анти-СССР.* (М. Веллер. Ножик Серёжи Довлатова) [Нац. корпус русск. яз.].

Путём локативной мотивации образованы также вторичные значения прилагательных *кабинетный, окопный, площадной, уличный* и др. Так, *площадной* имеет качественное значение 'грубый, непристойный, пошлый' [МАС], связанное с представлением о ситуациях, когда *на площади* шумят, толпятся, вздорят, ругаются (*площадная брань, слова*), а также показывают зрелища (*площадное представление, искусство*). Ср. в более широком контексте: *...Это был только повод представить зрителю несколько блестящих оркестровых номеров с*

народными песнями, танцами и площадными шуточками...
(Д. Быков. Орфография) [Нац. корпус русск. яз.]; *Что театр? Площадное искусство. Подчинено зрелищности, подмосткам. Насколько Гоголь грубее в «Ревизоре», чем в «Мёртвых душах»!*
(А. Чудаков. Ложится мгла на старые ступени).

Предмет, имя которого служит мотиватором, может приобретать символическое значение. Такую разновидность ассоциативно-метонимической мотивации можно назвать **ассоциативно-символической**.

Например, значение прилагательного *халатный* как 'небрежный и невнимательный в выполнении своих обязанностей, дела и т. д.' [МАС] основано на символическом представлении о *халате*. Ср.: *халатная ткань, пуговицы – халатное отношение к работе*. В русской дворянской культуре *халат* воспевался, воспринимаясь «как символ русского барства с его ленью и небрежной распущенностью» [1: 720]. По наблюдениям В. В. Виноградова, на семантические изменения прилагательного оказало воздействие словоупотребление Н. В. Гоголя, который придал слову переносное значение и ироническую окраску: ... *Прямо, так как был, надел сафьянные сапоги... какими бойко торгует город Торжок, благодаря халатным побуждениям русской природы...* (Н. В. Гоголь. Мёртвые души) (пример из [1]). В современном употреблении слова *халатный, халатность* имеют ярко выраженную отрицательную оценочность, например: *халатное отношение к работе, служебная халатность*.

Ассоциативно-символическую мотивацию имеет прилагательное *квасной* в устойчивых словосочетаниях *квасной патриотизм, квасной патриот* (ср.: *квасной запах, гуща, сусло*). Как пишет В. В. Виноградов, такие употребления вошли в речевой

обиход в конце 20-х годов XIX века под влиянием П. А. Вяземского [1: 237–242]. Квас воспринимался и воспринимается как некий шуточный символ русской жизни и национальных традиций. *Квасной патриотизм* означает ‘огульное восхваление всего своего, даже отсталых форм жизни и быта и порицание всего чужого’ [МАС].

Семантическая сложность исследуемых прилагательных даёт основание для неоднозначной интерпретации мотивационных механизмов. Ряд прилагательных можно рассматривать как результат мотивации не только производящим существительным, но и исходным (относительным) значением прилагательного (семантическая деривация): *кабинетный учёный, хлебная должность* (ср. неединственность мотивации в работах [2; 5; 11]). Для некоторых прилагательных можно говорить об осложнении метонимии метафорой: *палочная дисциплина, площадная лексика, копеечная зарплата*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. История слов / Отв. ред. академик РАН Н. Ю. Шведова. М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1999. 1138 с.
2. Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке. М. : Русский язык, 1984. 152 с.
3. Земская Е. А. Классы производных слов // Земская Е. А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 120–196.
4. Козинец С. Б. Словообразовательная метафора в русском языке. Автореферат дисс. ... доктора филологических наук. М., 2009. 46 с.
5. Копелиович А.Б. Некоторые спорные вопросы словообразования и синтаксиса. Владимир: ВлГУ, 2011. 156 с.
6. Лопатин В. В. Метафорическая мотивация в русском словообразовании // Лопатин В. В. Многогранное русское слово : Избранные статьи по русскому языку. М. : «Издательский центр “Азбуковник”», 2007. С. 267–271.
7. Николина Н. А., Фролова Е. А., Литвинова М. М. Словообразование современного русского языка: Учебное пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М. : Издательский центр «Академия», 2005. 160 с.
8. Огольцева Е. В. Образный потенциал словообразовательной системы современного русского языка (отсубстантивное словообразование). Дисс. ... доктора филологических наук. М., 2007. 491 с.
9. Падучева Е. В. Пространство в облики времени и наоборот (к типологии метонимических переносов) // Логический анализ языка. Языки пространств /

- Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 239–254.
10. Словарь русского языка в четырёх томах. Изд. 3-е. / Гл. ред. А. П. Евгеньева (МАС). М. : Русский язык, 1985.
  11. Тихонов А. Н. Основные понятия русского словообразования // Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка в двух томах. Том 1. М. : Русский язык, 1985. С. 18 – 52.
  12. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Скляревской (ТСАЛ). М., 2006.
  13. Улуханов И. С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 320 с.
  14. Якобсон Р. Заметки о прозе Бориса Пастернака // Якобсон Р. Работы по поэтике: Переводы. М. : Прогресс, 1987. С. 324–338.

Н.А. САФРОНОВА (Владимир, Россия)

«ПСЕВДОВРЕМЕННОСТЬ» КАК ОДНО ИЗ ЗНАЧЕНИЙ ОТНОСИТЕЛЬНОГО СИНТАКСИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ОБОСОБЛЕННЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Аннотация. Статья посвящена одному из частных значений категории относительного синтаксического времени в обособленных конструкциях, недостаточно исследованных в настоящее время, – значению «псевдовременности». Дается понятие псевдовременности и отмечаются основные факторы, способствующие развитию данного значения в обособленных конструкциях различных типов.

Категория относительного синтаксического времени, наряду с сопутствующей модальностью и персональностью, в современной синтаксической науке признается одной из составляющих полупредикативности, которая, по мнению исследователей, является неотъемлемым семантическим и грамматическим свойством всех обособленных членов предложения и отличает их от соответствующих необособленных [5: 40; 6: 206; 2: 20; 1: 68].

Традиционными значениями относительного времени считаются значения совпадения, предшествования и следования обособленной конструкции по отношению к предикативной основе предложения: *Он, пять минут назад чудовище, показался ей теперь эталоном мужской смелости и отваги (Н. Нестерова) –*

предшествование; *Но Строев, хоть и постанывая, дышал и был в сознании (Н. Нестерова) – одновременность; После Макара Ивановича явился на свет я, затем через год моя сестра, а затем уже лет через десять или одиннадцать спустя – болезненный мальчик, младший брат мой, умерший через несколько месяцев (Ф. Достоевский) – следование.*

Однако нередко значение относительного синтаксического времени обособленной конструкции не может быть квалифицировано столь однозначно. См., к примеру: *Охваченный безумным страхом за Иисуса, точно видя уже капли крови на его белой рубашке, Иуда яростно и слепо бросался на толпу, грозил, кричал, умолял и лгал, и тем дал время и возможность уйти Иисусу и ученикам (Л. Андреев); И если я буду сына своего любить больше самой себя, а сын так же своего сына, свою жену, то, как молекулы, цепляясь одна за другую, создают неделимое вещество, так и люди, любя только самых наиблизких, свяжутся воедино (В. Тендряков).*

В «Теории функциональной грамматики» для характеристики одной из разновидностей таксисных отношений между глаголом-сказуемым и деепричастием несовершенного вида используется термин «псевдоодновременность» [3:250]. Псевдоодновременные отношения наблюдаются в конструкциях с деепричастиями несовершенного вида, связанными с глагольным действием отношениями характеристики: *С глубоким интересом разговаривал с ними о маленьких, милых привычках Иисуса, подолгу с настойчивостью расспрашивая об одном и том же, таинственно совал деньги в руку, в самую ладонь, – и те приносили амбру, благовонное дорогое мирро, столь любимое Иисусом, и обтирали ему ноги (Л. Андреев). Деепричастия в*

подобных примерах могут иметь значение оценки или интерпретации ситуации, выраженной предикативной основой предложения: *И поднял палец, намекая тем на прежнее злоречие Иуды* (Л. Андреев); *И на Выборгской стороне, в доме вдовы Пшеницыной, хотя дни и ночи текут мирно, не внося буйных и внезапных перемен в однообразную жизнь ...* (И. Гончаров); – *Десятки реализовать не удастся, – ввязался всё тот же голос, леденя сердце буфетчика, – по смерти Ивана Фокича дом немедленно сломают и десятки будут отправлены в Госбанк* (М. Булгаков). Действия, представленные как одновременные, таковыми не являются, так как в действительности имеет место только одно действие, а деепричастие лишь характеризует его с другой точки зрения.

Вместе с тем характеризующее, интерпретативно-оценочное значение может проявляться и в конструкциях с деепричастиями совершенного вида: – *Ах! – произнёс он в ответ продолжительно, излив в этом ах всю силу долго таившейся в душе грусти и радости, и никогда, может быть, со времени разлуки не изливавшейся ни на кого и ни на что* (И. Гончаров); *Края ямы осыпались, вода стояла круглый год, превратив котлован в болото* (Н. Нестерова). Деепричастия при этом могут относиться как к финитным формам, так и к инфинитиву, не выражая отдельного действия: *У Шергина были те же иллюзии, как у Сергея в финскую: получить высшую награду, доказав этим, что не может быть врагом человек, воспитавший такого сына* (В. Кондратьев). В связи с тем, что основным темпоральным значением деепричастий совершенного вида является значение разновременности по отношению к глаголу-сказуемому, говорить о «псевдоодновременности» названных

глаголом и деепричастием действий представляется некорректным. Относительное временное значение в подобных конструкциях можно квалифицировать как «псевдовременность», так как временного соотношения между действиями в подобных примерах не наблюдается.

К факторам, способствующим возникновению псевдовременных отношений между обособленной конструкцией и предикативной основой предложения, можно отнести и наличие в составе обособленной конструкции некоторых союзов, частиц, наречий и вводно-модальных слов (*как, будто, словно, точно, почти, как бы, видимо, очевидно, вероятно, может быть* и др.). Названные лексико-грамматические экспликативы субъективной модальности вносят в обособленную конструкцию значения предположительности, неуверенности, гипотетичности, что, в свою очередь, препятствует возникновению значений одновременности / разновременности обособленной конструкции и сказуемого и формирует значение псевдовременности обособленной конструкции: *Какой-то листок в палисаде Ивана Африкановича чуть шелохнулся, словно бы просыпаясь, и заря опять широким полотнищем охватила лилово-золотой окоем, добела раскаляя синие бока вчерашних облаков, всю ночь неподвижно дремавших на краю неба (В. Белов); – Да вас давно надо бы всех разогнать, – сказал Митька и, как бы стреляя, указательным пальцем затыкал то в сторону Пятака, то в сторону Мишки (В. Белов); Сутрапьян, видимо забыв прежнюю дружбу, встретил меня весьма негостеприимно (В. Белов).*

Следует заметить, что экспликативы субъективной модальности могут входить в состав обособленной конструкции независимо от морфологической представленности

главенствующего слова, в связи с чем значение псевдодовременности может проявляться в обособленных конструкциях различных типов: деепричастных, причастных, адъективных, субстантивных: *Возле ложи стоял Дыбенко и тоже молчал, хотя при этом часто поглядывал на Ленина, то ли определяя реакцию, то ли ожидая звонка* (Б. Васильев); *Точно замороженная, точнее – испуганная, она повернулась и пошла прочь* (Н. Нестерова); *Это был обычный южный лагерь, может быть, даже немного лучше других* (В. Пелевин); *Вот прошел за окном первый, наверное еще пустой, троллейбус* (В. Белов); *Возле Ксении крутились Эвелина из министерства, какие-то пиджаки, должно быть, спонсоры* (В. Токарева). Следует отметить, что специализированные экспликативные сопутствующей модальности и относительного синтаксического времени служат средством введения в предложение обособляемого члена и «нередко являются решающим условием обособления» [4: 21]. См., к примеру: *Разговаривая с собой, она сдернула со скамьи какое-то тряпье, вероятно свою постель, сняла с гвоздя около печи два тулупа и стала постилать для Егорушки* (А. Чехов) (ср: *...сдернула со скамьи какое-то тряпье, свою постель...).

Таким образом, значение псевдодовременности, наряду с традиционно отмечаемыми исследователями отношениями одновременности, предшествования и следования обособленной конструкции по отношению к предикативной основе, может считаться одной из частных реализаций категории относительного синтаксического времени в предложениях с обособленными конструкциями. Данное временное значение наблюдается в различных типах обособленных конструкций. К факторам, способствующим возникновению отношений псевдодовременности

между обособленной конструкцией и предикативной основой, можно отнести характеризующий, интерпретативно-оценочный характер обособленного члена, а также наличие в его составе экспликаторов субъективной модальности со значением гипотетичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кабакова М.М. О темпоральных возможностях причастий в полупредикативной функции // Современный русский синтаксис: предложение и его членение. Владимир: ВГПУ, 1994. С. 65-76.
2. Прияткина А.Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. М.: Высшая школа, 1990. 176 с.
3. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А.В. Бондарко. Л.: Наука, 1987. 348 с.
4. Фурашов В.И. Несогласованные определения в современном русском языке. М., 1984. 112 с.
5. Фурашов В.И. Обособленные согласованные определения в современном русском языке. Владимир: ВГПИ, 1975. 192 с.
6. Фурашов В.И. Полупредикативность как семантическое свойство обособленных членов предложения // Многоаспектность синтаксических единиц. М.: Прометей, 1993. С. 204-216.

Е.А. СЕЛИВАНОВА (Черкассы, Украина)

КАТЕГОРИЯ ПРИТЯЖАТЕЛЬНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ:

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ И КОГНИЦИЯ

Аннотация. В статье представлена характеристика категориального спектра посессивных отношений, унифицированных в русском языке посредством наиболее регулярного грамматического средства выражения данной категории – притяжательных местоимений. Притяжательность в когнитивном аспекте условно объединяет различные типы отношений между условным или реальным посессором и предметами, явлениями, процессами, понятиями, ситуациями на основе допустимости для них семантики присвоения.

Проблема категориального содержания посессивности (притяжательности), рассматривавшаяся в типологическом, сравнительно-историческом, структуралистском и функциональном аспектах, сегодня не утрачивает своей

актуальности и проецируется на принципы современной когнитивной научной парадигмы. В различных языках притяжательные отношения либо конкретизируются и передаются лексическими, синтаксическими или регулярными морфологическими средствами, либо унифицируются и обобщаются в определенных синтаксических конструкциях. На этом основании лингвисты предлагают различные терминологические наименования посессивных отношений: традиционные – посессивность, принадлежность, обладание, владение, собственность, и нетрадиционные – ассоциативность (Л.А. Боади, В. Уэлмерс), аттрактивность (Т.Н. Воронцова), посессивное наличие (Т.Е. Аношкина), *appartance* (Л. Теньер). Некоторые ученые вовсе отказываются от каких-либо обозначений притяжательности, сомневаясь в существовании данной категории в языке (Г. Бирнбаум, Дж. Лайонз), что обусловлено сужением посессивности до содержания владения.

Широкое понимание притяжательности как особого вида реляции постулируется в рамках гносеологического подхода в работах И.И. Мещанинова, А.М. Пешковского, Ю.Д. Апресяна, О.Н. Селиверстовой, Р.М. Гайсиной, А.М. Мухина и др. Этот подход органично встраивается в постулаты современной когнитивной семантики, согласно которым человек как субъект когниции генерирует значения и избирает собственный или навязанный ему языком способ интерпретации действительности, могущий не соответствовать положению вещей и их отношениям в мире [9: 371-376]. Исходя из такого несоответствия украинская исследовательница притяжательности Н.В. Гуйванюк квалифицирует семантику конструкций типа *мамина фабрика*, *Серезина школа*, *Оксанин детский сад* как нереальную,

ненастоящую посессивность [3: 43]. На этом же основании Т.В. Цивьян отмечает, что «приклеивание ярлыка посессивности в ряде случаев настолько оторвано от реальности, что при буквальном понимании создается почти комический эффект» [14: 5].

Тем не менее, подобная формальная унификация посессивных отношений в славянских языках значительно расширяет спектр семантики категории притяжательности. Не случайно, исследователи подчеркивают условность термина «притяжательность», передающего «целый ряд логических отношений, основанных на органической связи одного предмета с другим» [4: 23], хотя двупредметность притяжательности как отношения между субъектом и объектом, которую отстаивают немало лингвистов (Г.П. Алексеев, Т.Л. Арефьева, Н.В. Коростелева, Р. Мароевич, А.М. Мухин, Р. Ницолова, В.Н. Топоров, М.И. Черемисина и др.), также не является абсолютной, ибо в ряде конструкций объект и вовсе отсутствует (к примеру, *моя правда, скромность Олега, переживания Петра* и под.), или субъект и объект невозможно разграничить (например, *дружба Ивана и Петра, у Кости мать больна*), или отношения притяжательности могут быть опосредованы рядом предметов (*их грузовики*, т. е. грузовики предприятия, на котором они работают).

Широкий диапазон притяжательной семантики также обусловил научную дискуссию о статусе категории посессивности: понятийном (О. Есперсен, С.Д. Кацнельсон, Н.А. Слюсарева, М.М. Гухман и др.) как «предшествовании идеи притяжательности ее языковой категории» [13: 149] или языковом. Отстаивая некую промежуточность притяжательности, Н.В. Гуйванюк также отмечает первичность понятийного статуса данной категории и

вторичность языкового: «Находя в языке некоторые совокупности средств для оформления этих жизненно важных отношений принадлежности (посессивности), категория понятийная превращается в языковую» [3: 4].

Доминирование в 70–80-е годы XX века функционально-грамматических исследований в конечном счете привело к рассмотрению притяжательности как функционально-семантической категории, базирующейся на некоем понятийном инварианте и интегрирующей разноуровневые вербальные средства для ее репрезентации в языке и речи. Ядром данной категории для многих лингвистов стала грамматическая категория даже в языках, где посессивность не была морфологически маркированной (Б.В. Болдырев, Н.К. Дмитриев, Р. Мароевич, И.Х. Рустамов и др.), однако такой подход в целом не решил проблемы.

Цель нашей статьи – обосновать статус категории притяжательности, выявив ее когнитивную базу и структуру и описав таксономию языковых средств репрезентации на материале русского языка.

По нашему мнению, посессивные отношения объединены прежде всего унифицированными языковыми формами, каковыми в русском языке являются конструкции с притяжательными местоимениями. На этом основании притяжательность квалифицируется нами как языковая категория, результат вербализации. На когнитивном уровне, в сфере знаний о языке существует лишь допущение подобной унификации, хотя концептуально конструкции с притяжательными местоимениями передают различные отношения между так называемым посессором, фиксируемым прономинативом, и именем

притяжательности – определяемым словом. Посессор на когнитивном уровне не является таковым для большинства типов отношений. Реально он получает этот статус исключительно в отношениях собственности, владения, в остальных случаях он репрезентируется как посессор лишь условно, формально, а семантически его когнитивный статус зависит от типа связи с «притяжаемым» и пропозициональной развертки конструкций с притяжательными местоимениями.

Исходя из изложенного, посессивность можно определить как языковую категорию, унифицирующую различные типы отношений между условным или реальным посессором и предметами, явлениями, процессами, понятиями, ситуациями как присвоение. Такое определение может быть подтверждено данными других языков, в которых отношения присвоения дифференцируются с помощью регулярных грамматических показателей. Так, Л. Леви-Брюль отмечает, что для выражения притяжательности кому-либо банановой кожуры, остатков пищи меланезийцы используют особый аффикс, что обусловлено их тотемическими представлениями [7: 211]. Кроме того, в ряде языков грамматически дифференцированными являются отношения отчуждаемой и неотчуждаемой, отъемлемой и неотъемлемой принадлежности [6: 37, 60].

Различные мнения лингвисты высказывают и по поводу включения в притяжательную семантику особых разновидностей отношений, что вызвано неупорядоченностью типов посессивности и отсутствием их обоснованной таксономии. К примеру, Н.В. Коростелевой зафиксирована вокативная принадлежность, И.Х. Рустамовым – окказиональная, К. Илиевой – двойная и коммуникативная, М.И. Чураевой – включения,

К.Г. Чинчлей – присущности, С.В. Фроловой – сравнения, Т.Л. Арефьевой – притяжательность к месту происхождения, Т.И. Виноградовой, В.Д. Метаксой и др. – притяжательность авторства и т. п. Причиной этому служит потенциальная возможность глубинной развертки притяжательных конструкций, при которой на пропозициональном уровне обнаруживаются различные типы «присваиваемых» ситуаций и пропозициональных посредников отношений между когнитивными коррелятами компонентов этих конструкций.

Избрав в качестве индикатора таксономии отношений «присвоения» конструкции с притяжательными местоимениями, мы руководствовались данными дистрибутивного и семантического анализа текстового материала (рассмотрено около 10 000 конструкций притяжательности в русской речи различных жанров), а также результатами трансформационного анализа, представленными в нашем диссертационном исследовании [10: 38-75]. Базой для дифференциации притяжательной семантики послужили 20 трансформационных моделей, каждая из которых путем формального и семантического варьирования прошла проверку на возможность замены конструкций с притяжательными местоимениями различной дистрибуции прономинатива. Таковыми моделями были избраны:

1) имя притяжательности (подлежащее) + притяжательное местоимение в позиции сказуемого;

2) имя притяжательности (подлежащее) + местоимение *ничей* в позиции сказуемого;

3) предложение с конструкцией «*ничей* + имя притяжательности»;

4) вопросительное предложение с конструкцией «чей + имя притяжательности»;

5) предложение с конструкцией «чей-то (-либо, -нибудь) + имя притяжательности»;

6) личное местоимение (подлежащее) + *иметь* + имя притяжательности в винительном падеже;

7) имя притяжательности (подлежащее) + принадлежать + личное местоимение в дательном падеже;

8) личное местоимение (подлежащее) + *обладать* + имя притяжательности в творительном падеже;

9) личное местоимение (подлежащее) + *владеть* + имя притяжательности в творительном падеже;

10) личное местоимение (подлежащее) + *владелец (хозяин, собственник, обладатель)* + имя притяжательности в родительном падеже;

11) имя притяжательности + притяжательное местоимение + *собственность (принадлежность)*;

12) *У* + личное местоимение в родительном падеже + *есть* (факультативное сказуемое) + имя притяжательности в именительном падеже;

13) предложение с конструкцией «личное местоимение в именительном падеже + *с* + имя притяжательности в творительном падеже»;

14) предложение с конструкцией «имя притяжательности + *у* + личное местоимение в родительном падеже»;

15) предложение с конструкцией «имя притяжательности в винительном падеже + личное местоимение в дательном падеже»;

16) предложение с конструкцией «у + личное местоимение в родительном падеже + *на (в)* + имя притяжательности в предложном падеже»;

17) имя притяжательности (подлежащее) + *в наличии (имеется)* + у + личное местоимение в родительном падеже;

18) сложноподчиненное предложение с конструкцией «личное местоимение + *который (чей)* + имя притяжательности»;

19) имя притяжательности (подлежащее или дополнение) + *присущ (свойствен)* + личное местоимение в дательном падеже;

20) личное местоимение (подлежащее) + сказуемое, производное от имени притяжательности.

В результате произведенных трансформаций установлено, что унифицированным содержанием обладают только притяжательные местоимения с мощным анафорическим потенциалом и возможностями разноплановой глубинной развертки, остальные 20 трансформационных моделей ограничены в употреблении дистрибуцией прономинатива и вследствие этого – разновидностью семантики присвоения, что еще раз подтверждает языковой статус категории притяжательности.

Конструкции с притяжательными местоимениями в речи разноплановы, в зависимости от способа глубинной развертки их можно распределить на четыре функционально не сопологающиеся группы.

Первая группа объединяет сочетания имен притяжательности с местоимениями, не содержащие в глубинной структуре скрытого непритяжательного предиката. В пределах данной группы разграничиваем:

1) притяжательность части целому (парто-холономические отношения), нередко квалифицируемую как неотчуждаемая принадлежность (*моя рука, его (дома) дверь, их (часов) стрелка, ее (рыбы) хвост*);

2) притяжательность качества (признака, свойства) его носителю (*твоя доброта, ваша честность, его (неба) синева, ее (дисциплины) сложность*);

3) притяжательность процесса (действия, состояния) его субъекту, носителю (*мое опоздание, твой плач, ее (двери) скрип, его (ветра) шум*);

4) притяжательность «личной» (предметной, понятийной) сферы ее обладателю (*ее возраст, твоя профессия, наша национальность, ее (воды) плотность, моя судьба, твое имя*);

5) притяжательность по родству, свойству, функциональной общности (*моя жена, наш дядя, ваш начальник, их партнер, ее друг, наш наставник*);

6) собственность (*ваша сумка, твой дом, их автомобиль, его карандаш*).

Требует разъяснения понятие личной сферы посессора, введенное Ш. Балли, который понимал ее наиболее широко, как «совокупность частей тела, а также предметов, существенно связанных с личностью так, что эта связь может осмысливаться как постоянная и тесная» [1: 68]. Основываясь на концепции Ш. Балли, М.А. Журинская включила в личную сферу тело и его части, имя, мысли, чувства, переживания, различные окружающие человека предметы, связь с которыми может представляться в различной степени нерасторжимой, а также других людей, так как человек в полном объеме состоит из тела, психических, атрибутивных характеристик и социальных связей. По мнению

исследовательницы, в личную сферу могут попадать и предметы собственности, обмена [5: 308]. Фактически, такое расширение личной сферы отождествляет ее с большинством значений имен притяжательности.

Однако, как показал трансформационный анализ, притяжательность личной сферы и отношения собственности, притяжательности качества, свойства, процесса и притяжательности по родству, свойству, функциональной общности не могут быть сведены воедино, ибо обладают различным трансформационным потенциалом. Наше понимание личной сферы близко концепции неотчуждаемости А.В. Головачевой, рассматривающей как неотчуждаемые конструкции с именами притяжательности *голос, дыхание, походка, слух, размер, рост, жизнь, судьба, душа, разум, речь, здоровье* [2: 20]. Тем самым имена личной сферы – это абстрактные субстанции, тесно связанные с посессором и определяющие его существование.

Вторая группа объединяет конструкции с широкой релятивной семантикой «присвоения» целой ситуации, на когнитивном уровне соотносящиеся с имплицитными непритяжательными пропозициональными структурами. По словам болгарской исследовательницы Р. Ницоловой, в подобных случаях «притяжатель и притяжаемый объект сведены каким-либо действием или состоянием» [8: 61], устанавливаемым на базе скрытого предиката. Такие предикаты коррелируют с различными эксплицируемыми именами притяжательности, соотносимыми с терминами предикатно-аргументных структур:

– объектами различных типов (*мой роман* – который я написал, *его шапка* – которую он подарил мне, *твой завод* –

которым ты руководишь, *наши деревья* – которые мы посадили, его *Иван* – о котором он рассказывал);

– субъектами (*твой следователь* – который ведет дело, *мой шофер* – который везет меня на маршрутке в Киев);

– инструментивами (*мой трактор* – которым я пашу землю, *твоя электропила* – которой ты спиливаешь деревья);

– локативами (*твой берег* – где ты отдыхаешь, его *микрорайон* – в котором он живет, ее *лес* – где она пряталась);

– темпоративами (ее *год* – в течение которого она не работала, *моя осень* – в течение которой я написала книгу, *наша эпоха* – в которой мы живем);

– коллективами – компонентами собирательности, опосредующими отношение включения (*наша группа* – в которую мы включены как ее члены, его *класс* – в который он включен как ученик) и т. д.

Данные конструкции в речи могут анафорически соотноситься с эксплицитными высказываниями (*Мы посадили огурцы. Наши огурцы* (которые мы посадили) *были крепенькими и вкусными*) или с фоновыми знаниями коммуникантов (*Вот мой трамвай подошел* (на котором я могу доехать до места предназначения)). Ситуация речи и контекст позволяют декодировать свернутый смысл конструкций с притяжательными местоимениями: *Что же ты так мало ешь? Али не нравится тебе моя лапша?* (которую я сварила) (А. Калинин); *Эта ворона не шла ни в какое сравнение с моими рыцарями, принцами, кощеями, чемберленами, брианами* (которых я нарисовал), *но во мне сразу заговорило вино моей молодой художнической славы* (Ю. Нагибин); *Теперь женщинам предстояло подыскивать объяснения в ответ на язвительные вопросы мужей о том,*

какая оса укусила сегодня их распрекрасного цыгана (которого они так хвалили) (А. Калинин).

В отличие от второй, третья группа конструкций с притяжательными местоимениями имплицитно интегрирует интеграцию двух пропозиций: первая передает отношения прямого «присвоения» имплицитному посессору, вторая соотносит с ним лицо, фиксируемое притяжательным местоимением, опосредуя эту соотнесенность ситуацией: *твои овцы* – овцы являются собственностью колхоза, которым ты руководишь; *мои герои* – герои романа, который я написал; *наша разведка* – разведка части, в которой мы служим; *мое оконце* – оконце дома, в котором я остановился на ночлег. Нередко только контекст позволяет декодировать смысл подобных конструкций: *Стойте, стойте, дорогой друг, а не в этих ли шкафах таятся те самые тома, которых недостает в моей энциклопедии. – В вашей? – Да, в той самой, что покоится в шкафах директорского кабинета* (энциклопедия принадлежит организации, которой я руковожу) (Л. Карелин).

Четвертая группа включает конструкции с притяжательными местоимениями, служащие метонимическими обозначениями субъектов пропозиций: *Мой разум не способен это понять*, т. е. я не способен это понять; *Твой станок работал лучше всех*, т. е. ты работал лучше всех; *Все это сделано твоими руками*, т. е. тобой. Данные конструкции малочисленны, обычно стилистически маркированы, придают высказыванию особую экспрессивную коннотацию и способны фразеологизироваться преимущественно в значении принадлежности части целому: *А когда-то там бегали мои босые ноги* (Ю. Нагибин); *Подумать только, что ты мог попасть не в мои руки* (Г. Бакланов); *Вы все такие же*

родные и милые моему сердцу (С. Бабаевский). В художественном тексте конструкции данной группы могут служить средством ввода дополнительной информации о субъекте: *Его странные уши без мочек ... цепко выхватывали любой намек на хорошую строчку* (Е. Евтушенко).

Проекция вербальной репрезентации языковой категории посессивности на когнитивные структуры, в частности, пропозиционального статуса, позволяет констатировать способность русского языкового сознания унифицировать различные отношения между предметами, явлениями, понятиями, ситуациями как присвоение, которое когнитивно дифференцируется на семь основных типов отношений. Такая дифференциация обеспечена спецификой трансформационного потенциала конструкций с притяжательными местоимениями, передающих все типы посессивных отношений и имеющих анафорическую природу и высокую степень редукции информации, в них заложенной.

Перспектива дальнейших исследований категории притяжательности лежит в плоскости выявления побочных и вторичных категориальных значений конструкций притяжательности в речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 298 с.
2. Головачева А.В. К вопросу о содержательном аспекте категории посессивности / А.В. Головачева // Категория притяжательности в славянских и балканских языках: Тезисы совещания. М.: Наука, 1983. С. 19-23.
3. Гуйванюк Н.В. Средства выражения притяжательности в украинском литературном языке (на материале произведений писателей XIX– XX века): дис. на соискание учен. степ. канд. филол. н.: спец. 10.02.02 «Украинский язык» / Нина Васильевна Гуйванюк. Черновцы, 1977. 297 с.

4. Дмитриев Н.К. Категория принадлежности / Н.К. Дмитриев // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Морфология. М., 1956. Ч. 2. С. 22-37.
5. Журина М.А. О выражении значения неотторжимости в русском языке / М.А. Журина // Семантическое и формальное варьирование. М.: Наука, 1979. С. 295-347.
6. Категория притяжательности в славянских и балканских языках: Тезисы совещания. М.: Наука, 1983. 124 с.
7. Леви-Брюль Л. Выражение принадлежности в меланезийских языках / Л. Леви-Брюль // Эргативная конструкция предложения. М.: Наука, 1950. С. 208-217.
8. Ницолова Р.Л. Някои особености в семантиката и дистрибуцията на притяжателните местоимения в българския език в съпоставка с полския език / Р.Л. Ницолова // Съпоставително езиковедие. 1979. № 3. С. 55-56.
9. Рахилина Е.В. Основные идеи когнитивной семантики / Е.В. Рахилина // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / Под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой, И.А. Секериной. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 370-389.
10. Селиванова Е.А. Функционально-семантическая характеристика категории притяжательности в современном русском языке (притяжательные местоимения): дис. на соискание учен. степ. канд. филол. н.: спец. 10.02.01 «Русский язык» / Елена Александровна Селиванова. Киев, 1988. 200 с.
11. Селіванова О.О. Лінгвістична енциклопедія / О.О. Селіванова. – Полтава: Довкілля-К, 2010. – 844 с.
12. Селіванова О.О. Світ свідомості в мові. Мир сознания в языке. Монографічне видання / О.О. Селіванова. Черкаси: Ю. Чабаненко, 2012. 488 с.
13. Топоров В.Н. О некоторых предпосылках формирования категории притяжательности / В.Н. Топоров // Славянское и балканское языковедие. Проблемы диалектологии. Категория посессивности. М.: Наука, 1986. С. 142-167.
14. Цивьян Т.В. Об одном аспекте посессивности и способах его выражения в балканских языках / Т.В. Цивьян // Славянское и балканское языковедие. Язык в этнокультурном аспекте. М.: Наука, 1984. С. 79-86.

К.Я. СИГАЛ (Москва, Россия)

МАТЕРИАЛЫ К СИНТАГМАТИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКЕ СОЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ СЛОВОФОРМ

Аннотация. Статья посвящена эмпирической систематизации и характеристике разнообразных приемов синтагматического выделения, отображающих коммуникативную актуализацию финальных словоформ, входящих в состав сочинительных конструкций.

Одной из заслуг А.Б. Копелиовича перед теоретическим языкознанием является разработка основ синтагматической грамматики [4]. К сожалению, многие синтаксические явления до сих пор мало рассматривались в аспекте синтагматической грамматики, предполагающем их описание в динамике речевых реализаций.

Как известно, компоненты сочинительных конструкций словоформ, связанные соединительными и разделительными союзами или бессоюзным способом (т.е. специализирующиеся на выражении непротивительных отношений), выстроены на синтагматической оси речевого высказывания во внутрипозиционную цепочку, в которой все они семантически одноплановы и прагматически недифференцированы. Однако, как неоднократно отмечалось в трудах по общему и русскому синтаксису, позиция инициального сочиненного компонента может быть прагматически выделенной, так как с нее начинается линейная развертка когнитивных и текстовых иерархий (см., в частности, [7], где представлен краткий обзор литературы по проблеме и приведены некоторые результаты собственных наблюдений). Позиция финального сочиненного компонента также способна актуализироваться, для чего в речевой деятельности (в

том числе и в письменной) выработаны особые приемы ее синтагматического выделения.

Под **синтагматическим выделением** понимается ослабление синтагматического единства сочиненных компонентов, заключающееся в отрыве последнего сочиненного компонента путем его графического (в устной речи – просодического) или структурного отделения от единой синтагматической цепочки компонентов сочинительной конструкции.

Сохраняя за собой синтаксический статус сочиненного компонента и в то же время приобретая структурно-синтагматическую отдельность, синтагматически выделенная сочиненная словоформа имеет более значительный прагматический «вес» и придает всему сочинительному ряду расчлененный и, главное, субъективно-модальный характер: в нем не только названо некое множество предметов или признаков и выражено определенное сочинительное отношение между обозначающими их словоформами, но и маркирована необычность их объединения в речевом высказывании, ориентированность на принцип «фон – фигура» синтагматического выделения как особой «упаковочной» операции при развертке сочинительной конструкции, добавочность одного или – реже – нескольких неинициальных сочиненных компонентов.

Наблюдения позволяют дифференцировать пять специальных приемов синтагматического выделения сочиненных компонентов (словоформ).

Прием **паузации** состоит в том, что перед последним компонентом сочинительной конструкции делается пауза, т.е.

небольшая приостановка в речи, отображающая неожиданность или намеренность присоединения финального компонента. В письменном тексте такого рода паузы обозначаются с помощью многоточия.

Например: –...*Ножка ведь не то что вот наши ножищи, а что-то этакое **миниатюрное, волшебное... аллегорическое!*** (А. Чехов); –...*Мой папа был профессиональный спортсмен, чемпион Советского Союза по настольному теннису, а затем – тренер сборной России. Мама – **инженер и... экскурсовод** по Летнему саду (Секретные материалы, № 18, 2002 г.); *Проезжая мимо дома губернатора, бабушка горделиво отвернулась. – Тут живет губернатор **Васильев... или Попов** какой-то. (Бабушка очень хорошо знала, что он Попов, а не Васильев.)* (И. Гончаров).*

Как показывает сопоставление последних двух примеров, пауза может делаться и после сочинительного союза, и перед ним: подобным образом на просодическом (графическом) уровне чаще всего разграничиваются неожиданность и намеренность присоединения соответственно.

Прием паузации служит для синтагматического выделения финального сочиненного компонента преимущественно в устной речи, об этом свидетельствует и то, что в письменных текстах прием паузации используется в конструкциях прямой речи и лишь изредка попадает в субъективизированные фрагменты авторского повествования.

Прием **парентетического** (или **парентезного**) **«сдвига»** заключается в том, что последний сочиненный компонент вместе с сочинительным союзом заключается в скобки (или реже – выделяется тире) и становится тем самым прагматически более

акцентированным. Скобочное выделение сочиненного компонента отображает просодическую вставку в устной речи.

Отношения скобочного сочиненного компонента к синтаксически однофункциональному компоненту вне скобок рассматриваются обычно как семантически неоднозначные [3], но здесь правильнее было бы говорить о том, что сочиненный компонент в скобках усложняет семантику предложения-высказывания в целом, чему способствует добавочность и факультативность смыслового содержания парентезной части.

Например: *Трагизм поэмы все круче и круче нарастает, достигая своей **вершины (или бездны?)** в восьмой главе...* (А. Кондратович). В данном предложении-высказывании парентетический «сдвиг» придает сочинительной конструкции следующий смысл: 'того или другого, а может быть, того и другого вместе, трудно сказать определенно'. В обычной сочинительной конструкции *вершины или бездны* выражается только взаимоисключение двух противоположных состояний. Этот смысловой оттенок добавочности и, безусловно, ожидаемой «конфликтности» парентезных частей позволяет привлечь особое внимание адресата к содержащимся в них сочиненным компонентам.

Приведем лишь некоторые примеры: *Наше дело – не напевать учащимся идеи, как в граммофон, а раскрыть перед ними идейные богатства великих произведений **прошлого (и настоящего)*** (Г. Гуковский); *Для независимости от группы (в литературе. – К.С.) нужно обладать сильным характером и почти равнодушием к славе, чтобы устоять перед соблазном групповой поддержки, которая добавляет немалую долю **официального (или неофициального)** успеха* (Л. Васильева);

Страсть к искусству (к экзотике), к загадкам (и чудесам), видно, у нас в крови (А. Терц).

В парентезном «сдвиге» находят неиссякаемые коммуникативно-эстетические возможности многие художники слова. Ср., например, характерное метаязыковое рассуждение А. Терца: *...я люблю скобки. Не то, что люблю, а как-то хочется постоянно говорить в скобках, забываясь куда-то между слов, глубже, в нору. <...> В расчеты прозы до сих пор слабо входили возможности скобок. Скобки имели в основном вспомогательное значение и не смели претендовать на внимание. Между тем построение речи на каких-то параллельных и пересекающихся путях или уровнях, что графически можно выявить скобками, сближает письменность с формами пространственного искусства, в котором глаз перепрыгивает с предмета на предмет, с одного пятна на другое, и придает словесному полю своего рода рельефность, неровность, слоистую глубину, в чем скобки в принципе могут сыграть не подсобную, но первую скрипку, образуя запруды, пещеры, ущелья, откуда и истекает, разлившись по тексту, главный, пронизывающий смысл («Голос из хора»).*

Психолингвистический анализ так называемых совмещенных структур, т.е., в частности, единой синтаксической организации скобочного и внескобочного членов, представлен в специальной монографии А.А. Мецлера. По его мнению, «совмещенная структура является ярким примером взаимодействия механизма обратной связи с памятью, поскольку при линейном характере речи парентезные конструкции отдаляют друг от друга члены предложения... лишь внешне (в письменной речи пространственно, а в устной – во времени) на столько, сколько

времени и места заняла соответствующая «инкорпорированная» конструкция. При этом не происходит разрыва логико-грамматических отношений. Данный процесс сопряжен с постоянным удержанием в памяти исходной формы, вокруг которой организуется вся совмещенная структура» [6: 55].

Прием **парцелляции** состоит в расчленении речевого высказывания с сочинением по линии внутриврядной синтаксической связи и в просодическом (графическом) отчленении последнего сочиненного компонента при сохранении его формальной связи с оставшимися в предшествующем предложении синтаксически однофункциональными компонентами. Просодическое отчленение состоит здесь в применении интонации конца предложения (пунктуационный маркер – преимущественно «точка», но также и другие знаки конца предложения).

В просодическом плане прием паузации, формально близкий приему парцелляции, выглядит, однако, совершенно иначе: его специфика заключается в некотором продлении так называемой «сочинительной паузы», характерной для просодической «упаковки» сочинительной связи. Многоточие, выступая в функции пунктуационного маркера обоих приемов синтагматического выделения сочиненных словоформ, проявляет омонимическую тенденцию: в данном случае многоточие используется в неодинаковых пунктуационных ситуациях и для обозначения разных смысловых нюансов.

Необходимо отметить, что при двухкомпонентности сочинительной конструкции парцелляция отчленяет одну синтаксически однофункциональную словоформу от другой по принципу структурно-композиционной симметрии. Симметричный

характер размещения двух сочиненных словоформ определяется, с одной стороны, относительно формального показателя парцелляции – интонации конца предложения / знака препинания, обозначающего конец предложения (точки или ее функционального эквивалента), расчленяющего синтаксически однофункциональные словоформы, а с другой стороны, относительно сочинительного союза, маркирующего целостность сочинительной конструкции словоформ.

В двухкомпонентных сочинительных организациях словоформ с парцелляцией наиболее очевиден комплексный характер их просодико-/пунктуационно-союзного маркера, одновременно выполняющего разнонаправленные конструктивные функции.

Парцелляция трактуется обычно как эмоционально-стилистическое и интонационное несомещение двух и более речевых отрезков в синтаксических границах одного предложения-высказывания. Важно учитывать, однако, и то, что эти речевые отрезки могут быть синтаксически специфицированными и что просодическое (графическое) расчленение может использоваться как особый прием актуализации парцеллированного комплекса.

Отчлененный сочиненный компонент, как правило, становится прагматически выделенным, чему нередко способствует его семантическая (или референтная) контрастность по отношению к предшествующим синтаксически однофункциональным компонентам.

Например: *Сереее тринадцать лет. В прошлом году он попал в приют, а до этого жил с матерью и сестрами дома. Домом, впрочем, это назвать трудно. Да и говорить о*

*человеке, который своего ребенка в младенчестве выбросил в мусоропровод, как о матери язык не поворачивается... . О нем никто никогда не заботился. Никто не думал о том, чтобы его накормить и одеть, чтобы он ходил в школу и общался с друзьями. Чтобы вылечить его тяжело поврежденную злобой и алкоголизмом матери **спину. И душу...** (Советская Россия, 15 февраля 2001 г.); **—...Актеры вообще нередко играют и с сотрясением мозга, и с переломанными ногами... И с надломленной душой** (7 дней, № 27, 2002 г.); **Если вы не можете уснуть, считайте до четырех. Или хотя бы до половины пятого** (Антенна, 4–10 ноября 2002 г.).*

В некоторых текстовых блоках при наличии формально однотипных синтаксических условий говорить о парцелляции не представляется возможным. Например: *А сегодня можно и батареи чуть теплыми держать: кто измерит? И воду отключить: трубы, мол, старые. Словом, власть всегда найдет оправдание своей бесхозяйственности: ведь мы за нее исправно платим. Или недоплачиваем?* (Правда, 17–18 декабря 2002 г.).

В данном случае устранить точку (длительную паузу) как внешнюю границу синтаксически однофункциональных компонентов нельзя, так как сочинение их недопустимо в контексте одного и того же предложения-высказывания с альтернативным вопросом при сохранении его лексико-грамматического состава.

Соглашаясь с В.В. Бабайцевой в том, что на собственно синтаксической основе разграничить парцелляцию и присоединение непросто [2], мы считаем возможным опираться при дифференциации названных структур на следующий признак

(естественно, он выявлен исключительно при анализе сочинительных конструкций словоформ): если отчлененная часть беспрепятственно воссоединяется с одним или несколькими предшествующими синтаксически однофункциональными компонентами, она является парцеллятом; если же такое воссоединение не выглядит естественным или вообще невозможно, ее следует квалифицировать как присоединительную.

Таким образом, в примере из газеты «Правда» мы имеем дело не с парцелляцией, а с присоединением. Вместе с тем необходимо отметить, что проблемы разграничения парцелляции и присоединения в речевой деятельности говорящего (в отличие от речевой деятельности адресата) не существует, так как, по справедливому замечанию В.В. Бабайцевой, «при парцелляции происходит отчленение фрагмента от базового предложения, а при присоединении – добавление, присоединение фрагмента к базовой части» [2: 555]. Иными словами, с точки зрения своего коммуникативного назначения в речи говорящего (и тем более пишущего) парцелляция и присоединение довольно четко дифференцированы.

Прием **интерпозиции детерминирующего компонента** основан на таком расположении сочиненных компонентов на синтагматической оси, при котором один сочиненный компонент размещается перед общим членом, а другой – после него. При этом синтагматическая выделенность финального компонента сочинительной конструкции словоформ обуславливается тем, что он вводится одиночным соединительным союзом, маркирующим расчлененность единой синтаксической позиции, занимаемой данной сочинительной конструкцией.

Например: *За казенной Сибирью идет коренная Сибирь: торговый народ и простой* (Н. Гарин-Михайловский); *Бедный парнишка был Пахомов этот и больной* (И. Шмелев).

Продуктивность приема интерпозиции, в ряде случаев предполагающего включение в пространство между сочиненными компонентами значительных по объему речевых отрезков (см. пример из И. Шмелева), высвечивает такую характеристику синтаксической позиции сочинительного ряда словоформ, как ее продленность, способность к расчленению и разрывам в речевом высказывании.

Данный прием нередко взаимодействует с паузацией, в результате чего прагматическая акцентуация отчлененного сочиненного компонента возрастает. Например: *—...Га, давай твои дела! – На этот раз я с большой просьбой... и последней!* (Л. Леонов).

Характеризуя интерпозицию детерминирующего компонента с психолингвистической точки зрения, следует сказать о том, что этот прием отображает добавочный характер вводимой сочинительным союзом словоформы, ее незапланированность в первичном тексте.

Особенно наглядно показано «зарождение» подобных синтаксических построений в следующем текстовом фрагменте: *Яконов вернулся в свой кабинет к Вереневу и Нержину, отправил второго, первому предложил подъехать в его машине, оделся, уже в перчатках вернулся к столу и под записью «Нержина – списать» добавил: «и – Хороброва»* (А. Солженицын).

Очевидно, что препозиция и постпозиция сочиненных компонентов по отношению к их общему детерминирующему

члену способствует синтагматическому (и, главное, прагматическому) выделению последнего компонента сочинительной конструкции словоформ.

С целью синтагматического выделения используется также прием **вынесения** сочиненного компонента **за глагольно-предикатную рамку**, характерный, например, для немецкого языка и получивший исчерпывающее описание в отечественной германистике.

Еще в начале 1960-х гг. было подмечено, что в немецком порядке слов действуют две разнонаправленные тенденции: к укреплению глагольно-предикатной рамки и к ее «разрыхлению», направленному на учет фактора адресата [5: 91].

В.Г. Адмони, выявляя сложность и многосоставность формального аппарата сочинительной связи, писал: «Наличие целого ряда средств связи позволяет варьировать организацию группы однородных членов предложения, делает, в частности, возможным их дистанцирование. Например, один из однородных членов нередко выносится за рамку: *Der Nebel war **zart** geworden **und durchsichtig*** (A. Seghers)» [1: 38–39].

И.П. Сухова вводит понятие «зарамочных однородных членов», т.е. «компонентов расчлененного однородного ряда, вынесенных за глагольно-сказуемую рамку с обязательной опорой на коррелирующий член внутри рамки» [8: 86].

Считая вынос любого сочиненного компонента за рамку принципиально мотивированным коммуникативными факторами, И.П. Сухова уточняет: «Те однородные члены, которые должны составить «фон» (обычно это однородные члены с более общим значением), остаются в рамке, а те однородные члены, которые должны быть на переднем плане – более частные, на которых

должно быть сконцентрировано внимание читателя, выносятся за рамку» [8: 87–88].

Несмотря на то, что в русском языке рассматриваемый прием не представлен, можно усмотреть его функциональный аналог в приеме интерпозиции детерминирующего компонента (ср., например, стилистико-синтагматический переводной эквивалент немецкого предложения-высказывания, рассматриваемого В.Г. Адмони: *Туман нежным стал и прозрачным*), так как оба эти приема, действующие чаще всего в синтаксической зоне предиката, основаны на выдвигании второй ремы в предложении-высказывании.

Совершенно очевидно, что в связной речи активно формируется и в каких-то своих фрагментах оказывается практически сложившейся особая система синтагматических приемов **актуализации** финальных словоформ в сочинительных конструкциях с непротивительными отношениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка (система отношений и система построения). Л.: Наука, 1973. 367 с.
2. Бабайцева В.В. Явление переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. 640 с.
3. Клопова Е.С. Скобки в союзных рядах (к проблеме неоднозначности однородных членов)// Служебные слова и синтаксические связи. Владивосток: ДВГУ, 1985. С. 145–156.
4. Копелиович А.Б. Род и грамматика межсловных синтаксических связей. М.; Владимир: ИЯз РАН; ВГГУ, 2008. 147 с.
5. Крашенинникова Е.А. Рамочная конструкция и ее разрыхление// Крашенинникова Е.А. Новое в немецкой грамматике. Вып. II. М.: Учпедгиз, 1961. С. 86–92.
6. Мецлер А.А. Структурные связи в тексте. (Парентезные конструкции). Кишинев: Штиинца, 1987. 141 с.
7. Сигал К.Я. Прескрипторные правила линейаризации в когнитии и тексте (на материале русских сочинительных конструкций)// Вопросы когнитивной лингвистики. № 3. 2005. С. 11–25.
8. Сухова И.П. Зарамочные однородные члены предложения в структуре текста (на материале современного немецкого языка)// Словосочетание и структура текста. Л.: ЛГПИ, 1978. С. 86–94.

В.А. ФЕДОСОВ (*Владимир, Россия*)

ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА: ЗНАЧЕНИЕ И ФОРМА

Аннотация. В статье описываются языковые единицы – как они усваиваются при овладении родным и иностранным языками: высказывание (предложение) -> слово -> морфема -> фонема. В статье описываются значение и форма каждой из этих единиц.

1. Единицы языка. В каждом естественном языке, в том числе и в русском, есть следующие единицы: высказывание (предложение) -> слово -> морфема -> фонема [10]. Именно в таком порядке усваиваются эти единицы при овладении родным [2] и иностранным [11] языком. В таком же порядке и преподаются эти единицы при начальном обучении иностранному языку [12]. В такой же последовательности, надо полагать, и развивается язык в целом, а вместе с ним и единицы языка. В таком же порядке следовало бы излагать и науку о языке – как конкретного языка (например, русского), так и языкознания в целом. К сожалению, в науке единицы языка описываются в обратном порядке (см., например, курсы «Современный русский язык», «Языкознание» и др.), а именно: фонетика -> грамматика -> лексика -> высказывание (предложение). Дело еще и в том, что вузовское преподавание языка отражает не развитие языка, а его синхронное состояние, которое при описании можно начинать с «любого конца». Начинается же оно с фонетики потому, что звуков речи (как в их форме, так и в их значении – при различении смысла слов и морфем) немного и описать их проще. Морфем тоже не очень много, но описать их в системе уже труднее, не говоря уже о словах (о лексике), которых много, и образуют они сложную систему, которую до сих пор в лингвистике в целом не

знают, как описывать. Еще сложнее описывать высказывания с их значением сообщения о внеязыковой действительности: высказываний больше, чем слов, и система их сложнее, чем лексическая система. Между тем, развитие языка, проявляющееся при овладении языком, родным и иностранным, начинается именно с высказывания (с предложения), а заканчивается фонетикой. В качестве примера приведем освоение русского языка как иностранного, представленного в венгерских учебниках для начального обучения [6, 11, 12].

Поставленные в экстремальные условия (учеников, находящихся «на нуле», обязательно надо научить говорить), преподаватели во главу синтаксической типологии предложения ставят вовсе не двусоставные предложения, как это принято в научной лингвистике, а однословные предложения, которые в научной лингвистике находятся на периферии синтаксиса. Более того, среди однословных предложений на самом первом месте стоят междометные предложения (*Ой!*, *Ах!*, *Ура!*, *Привет!* и др.), которые в научной лингвистике до сих пор остаются «неясной и туманной категорией слов» (Л.В. Щерба). К междометным предложениям в преподавании иностранных языков относятся и наиболее употребительные слова речевого этикета: *Здравствуй!* *Привет!*

Составители венгерских учебников (и не только венгерских – любых учебников по иностранному языку) знают, что овладение иностранным языком происходит в целом так же, как и овладение родным языком [5]. А овладение родным языком начинается с однословных предложений [2], в том числе и с междометных предложений – **полусловных** (как их называют специалисты по детской речи), которые еще не имеют номинативной функции, как

обычные слова в предложении, но уже обладают коммуникативной функцией. Они информируют собеседника не об отдельном предмете в ситуации, а о целой ситуации, целой области действительности (каникулы...-> *Ура!*), из которой еще не выделяются предметы с помощью слов [8]. Вслед за **однословными** предложениями [7] в школьных учебниках для начального обучения появляются **полуторасловные** предложения, ориентированные, с одной стороны, на ситуацию (каникулы...-> *Вот каникулы!*), а с другой стороны – на второе слово (*Какие каникулы? → Веселые каникулы!*). Именно в это время в развитии языка (в обучении языку) появляется диалог [9]. После **двухсловных** предложений формируются трехсловные и многословные предложения. В этих первых предложениях дает о себе знать **лексика**, оформляющаяся в качестве единиц этих предложений посредством появляющейся после лексики **грамматики**. **Фонетика**, различающая смысловые единицы (слова, морфемы), образуется как система (при сопоставлении звуков речи) в самую последнюю очередь. В преподавании иностранного языка фонетика «пропускается вперед» только тогда, когда иностранный язык преподается, начинаясь с письменной формы или в «в сопровождении» письменной формы. В таком случае звуки речи используются не в сопоставлении друг с другом (как это происходит в фонетической системе), а в сопоставлении с буквами: звукобуквенные соответствия («вводно-фонетический курс», «сопроводительно-фонетический курс»).

Таковы единицы языка и в таком именно порядке они появляются при становлении языка (при овладении языком): высказывание (предложение) -> лексика -> грамматика -> фонетика.

2. Значение и форма языковых единиц. У каждой из вышеназванных единиц языка есть значение и форма, есть план содержания и план выражения. При этом чем ближе единица располагается к началу указанной выше цепочки (последовательности) единиц, тем в большей мере эта единица предназначена в качестве значения; чем ближе единица к концу названной последовательности единиц, тем в большей степени она способна стать формой. Так, высказывание – это, можно сказать, абсолютное значение: для каждой из последующих единиц высказывание является значением. Напротив, звук речи – это, можно сказать, абсолютная форма: для каждой из предшествующих ему единиц звук речи является материальной оболочкой.

Для каждой отдельной единицы, взятой как значение, все последующие единицы в указанной цепочке являются формой. Например, для слова как значения формой являются морфемы и фонемы, но непосредственной формой для слова является непосредственно следующая за словом единица, а именно морфема. И наоборот, для каждой отдельной единицы, взятой в качестве формы, все предшествующие единицы в цепочке являются значениями. Например, для морфемы, взятой в качестве формы, значением являются слово и предложение, но непосредственным значением для морфемы является непосредственно предшествующая ей единица – слово.

Несмотря на то, что при использовании языка вначале может идти как значение, так и форма, например при говорении имеет место: значение -> форма, а при слушании: форма -> значение, тем не менее в целом значение предшествует форме. Так, ребенку слова нужны для того, чтобы называть

существующие издавна предметы окружающего мира (значение будущих слов). Иностраный язык изучается с той целью, чтобы с его помощью сообщать о предметах в мире (сообщать о значении выучиваемых слов).

3. Описание значения и формы языковых единиц. При описании единиц языка вместе с их значением описывается и форма, а вместе с формой описывается ее значение - тем более, если это описание предназначается для использования в практике языка – при говорении (значение -> форма) и при восприятии языка (форма -> значение). Именно так описываются единицы языка в традиционной грамматике, предметом которой являются: 1) **слова** со значениями «предмет», «действие», «признак» и др. с их частными значениями: у «предмета» - «число», «род», у «действия» - «лицо» и т.д., на которые указывают морфемы «частей речи» (традиционная морфология); 2) **предложения** со значением ситуации с субъектно-предикатными, обстоятельственными и др. отношениями, на которые указывают слова разных «частей речи» с их частными значениями, непосредственно осуществляющими согласование, сочетаемость слов друг с другом, маркированную соответствующими морфемами (традиционный синтаксис). О роли категории «рода» в морфологии и синтаксисе см. работы А.Б. Копелиовича, в частности [3].

Разумеется, при описании значения языковых единиц можно на время абстрагироваться от их формы, а при описании формы – от значения. Такова, впрочем, процедура (техника) всякого описания (ведь сразу всё не опишешь). Но, описав одно, надо сразу же описывать и другое, после чего требуется синтезировать оба эти описания, ведь всякая единица – это единство ее

значения и формы, и использование этого описания предполагает языковые единицы в единстве их значения и формы. Однако в практике языкознания XX века имело место такое, когда, описав форму языковых единиц, лингвисты забывали об описании значения этих форм, а описав значение, забывали описывать его форму. Даже, хуже того, заявляли при этом, что у языковых единиц нет другой стороны: есть только форма (без значения) или есть только значение (без формы).

В качестве примера описания языковых единиц в их форме без значения назовем формальные грамматики, которые создавались во времена структурной лингвистики в 50-70-ые годы XX века. В том, что описывалась только форма, не было бы большой беды, если бы эти формальные грамматики ограничивались рамками сугубо научных исследований. Можно было бы, вооружившись терпением, подождать, пока после этих формальных грамматик будут описаны семантические грамматики, после чего будет произведен синтез формы и значения на качественно новом уровне – и в традицию вошли бы принципиально новые грамматики. Однако формалисты (структуралисты) полагали, что их грамматики навсегда являются формальными - «объективными». Эти грамматики одновременно предлагались и для использования в практике языка – в учебных пособиях для порождения и восприятия речи, хотя, располагая только формой языка (без значения), невозможно ни говорить, ни воспринимать речь.

В качестве конкретного примера назовем «Курс современного русского языка» [1], составленный в Венгрии под редакцией и при авторстве акад. Ф. Паппа. Ф.Папп написал в названном «Курсе» раздел «Формальный синтаксис», находясь

под влиянием порождающей грамматики Н. Хомского. Этот учебный «Курс» издавался несколько раз и настойчиво предлагался студентам и аспирантам всей Венгрии не только как теоретический курс, который надо было выучивать перед экзаменом по русскому языку, но и как практический курс, который надо было использовать как грамматику-автомат при говорении и восприятии русского языка. Правда, акад. Ф. Папп сразу понял, что его формальный синтаксис-автомат никакой практики языка обеспечить не может, так как в его синтаксисе-автомате есть только форма и нет значения. Чтобы исправить положение, в этом «Курсе» сразу же после «Формального синтаксиса» Ф. Паппа помещен «Семантический синтаксис», написанный другим автором (Э. Палл). Э. Палл пишет: «Настоящий раздел учебника ставит перед собой практическую цель...как используются описанные в формальном синтаксисе структуры на практике, как ими передаются отдельные смысловые отношения» [1:561]. Но описала Э. Палл всего лишь два значения: «время» и «способ действия», называя для них следующие формы: в простом предложении – падежи, предлоги, части речи; в сложном предложении – также и союзы. Но это были вовсе не те формы, которые описал Ф. Папп в своем формальном синтаксисе-автомате. Кроме того, два значения – это совсем недостаточно для того, чтобы порождать и распознавать все высказывания в русском языке. В итоге синтеза формального и семантического синтаксиса не получилось. Но положительно то, что авторы рассматриваемого «Курса современного русского языка» поняли, что форма в языке не может функционировать без значения, что, кроме того, между формой и значением должны существовать еще и строгие соответствия.

В качестве примера того, как, описав значение в языке, лингвисты забывали описывать форму, назовем описания некоторых современных лингвистов – представителей так называемой когнитивной лингвистики. Дело и здесь тоже не в забывчивости лингвистов, а в их сознательном отказе от описания формы. Эти лингвисты утверждают, что значения под названием «концепты», посредством которых, по их мнению, мыслит человек, не являются вербальными – существуют без языковой формы: «Мышление человека невербально...Люди мыслят концептами» [4:19]. И далее: «Мышление народа не опосредуется его языком, что можно считать в современной науке установленным фактом...» [4: 55]. Получается, что всё изложенное нами выше о единстве значения и формы - в соответствии с современной наукой (идеалистической) - является ненаучным (материалистическим).

ЛИТЕРАТУРА

1. Болла К., Палл Э., Папп Ф. Курс современного русского языка. Budapest, 1968. 670 с.
2. Гвоздев А.Н. Вопросы изучения детской речи. М., 1961. 210 с.
3. Копелиович А.Б. Род и грамматика межсловных синтаксических связей. М.-Владимир, 2008. 147 с.
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М., 2007. 314 с.
5. Федосов В.А. Об изоморфизме в овладении первым (родным) и вторым языками // Функциональное описание языка в целях преподавания. Под ред. Н.И. Формановской. М., 1985. 146-147 с.
6. Федосов В.А. Последовательность в изучении типов предложения при овладении иностранным языком // *Studia Slavica Savariensia* 1-2. Szombathely, 2007. С. 136-146.
7. Федосов В.А. Однолексемные предложения в венгерских школьных учебниках русского языка // «Вестник» 22. Будапешт, 2008. С. 26-32.
8. Федосов В.А. Междометные предложения в русском языке (в венгерских школьных учебниках для начального обучения) // *Slavica XXXVIII*, Debrecen, 2009. С. 217-238.
9. Федосов В.А. Полуторасловные предложения (в учебниках по русскому языку для начального обучения) // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы 8-ой межд. конфер. Владимир, 2009. С. 372-377.
10. Федосов В.А. Высказывание, лексика, грамматика и фонетика // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы 10-ой межд. конфер. Владимир, 2013. С. 612-617.
11. Lengyel Zsolt, szerk. *A nyelvoktatás Alfa-Bazisa*. Budapest, 1986. 220 с.

12. Soltesz Judit, Vihar Judit, Hejjas Endre. Elso orosz konyvem. Altalanos iskola. 4. osztaly. Budapest, 1983. 108 c.

Н.В. ЦЕЛИКОВА (*Владимир, Россия*)

ТОПИКАЛИЗАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЭГО-КАТЕГОРИИ

Как известно, кроме формально-синтаксической структуры, предложение характеризуется определенной линейно-динамической структурой, воплощающей его актуальное членение. Благодаря взаимодействию предикативной основы и актуального членения в предложении возникают предикативные отношения разных уровней, которые могут совпадать, но могут и расходиться [1]. В этой связи П.А. Лекант считает необходимым различать предложение и высказывание как разноуровневые понятия, когда высказывание считается одной из сторон предложения (содержательной, коммуникативной) [4: 85], а А.Б. Копелиович подчеркивает принципиальную разницу между понятиями «синтаксические связи» и «синтаксические отношения», т. е. речь идет о разграничении грамматического и семантического уровней предложения [3: 149].

Явление *топикализации* относится к семантической сфере, т. е. к сфере высказывания, являясь одним из средств актуализации того или иного значения. *Топикализацию*, проявляющуюся в стремлении словоформы занять позицию темы или просто позицию в абсолютном начале предложения, можно понимать как одну из форм субъективной оценки (т. е. оценки говорящего субъекта), т.к. позиция словоформы в абсолютном начале предложения как результат инверсии отражает желание

Я-говорящего выделить то или иное значение, вывести его на первый план.

Как было отмечено, явление *топикализации* является следствием соотношения «предложение – высказывание», являясь примером оформления высказывания в предложении, а также соотношения компонентов структуры высказывания и компонентов формы (членов) предложения. Иногда *топикализация* является следствием асимметрии формы предложения и передаваемого ею высказывания, порождая экспрессивность: «асимметрия может создаваться нарочито, сознательно самим говорящим (пишущим) для экспрессивного описания, характеристики» [4: 86-87]. Я-говорящий может варьировать смысл высказывания, используя различные языковые средства.

В результате инверсии происходит не только варьирование смысла высказывания за счет перераспределения его смысловых акцентов, но иногда появляются дополнительные смыслы, понятия, вступающие в отношения с основными, имеющимися ранее, реализуя таким образом *дополнительную предикацию*, свойственную как обособленным членам предложения, так и другим осложняющим высказывание случаям, к которым, в частности, относятся детерминанты: «дополнительная предикация в свернутом виде может содержаться в детерминирующем второстепенном члене» [4: 87].

Таким образом, *топикализация* по своей цели – смысловое выделение словоформы или сочетания слов – связана с обособлением. Так, позицию в абсолютном начале предложения часто занимают обращения, выполняющие роль 1-ой темы высказывания: *Россия, нищая Россия, мне избы серые твои;*

твои мне песни ветровые, как слезы первые любви! (А. Блок.); именительный темы, в устной речи осложняющий предложение вторым подлежащим, также является примером *тематического* обособления: *Ребенок, он растет и ему необходимо надлежащее питание, Центральный банк, он поддерживает налогоплательщиков, Трава, она осенью желтеет.* Ярким примером *топикализации* являются детерминанты, или детерминирующие члены предложения, на связь которых с обособлением указывает и А.Б. Копелиович, описывая случаи препозитивных обособленных определений, относя их к детерминантам, ср.: *Измученные, мы долго молчали, сидя друг против друга* (М. Горький), *Люди же, изумленные, встали как камни* (М. Горький) [3; с. 152].

Итак, *топикализация* – это выдвижение словоформы или сочетания слов в позицию абсолютного начала предложения. Роль топика «состоит в том, чтобы ограничить применение главной предикации некоторой определенной областью. Топик устанавливает пространственные, временные или личностные рамки, в пределах которых верна главная предикация» [6: 309].

«Топик» [5: 193; 6: 309] чаще всего употребляется как синоним к понятию «тема», однако, если уточнить, то *топик* – это многозначное понятие, имеющее несколько значений: 1) *топик-детерминант* (2-ой топик, или дополнительный топик двусоставного предложения при 1-ом топике – подлежащем; топик-детерминант содержит дополнительную предикацию в свернутом виде [4: 87], семантически осложняя простое предложение): *У него жена и дети всякий раз в театре* (Н.В. Гоголь); *У меня, бывало, муха летит, так и муху слышно* (А.П. Чехов); 2) *актуальный топик* – тема предложения в ее

традиционном понимании, выделяемая в рамках актуального членения предложения, зависящая от порядка слов: О гимназии и реальном училище К.И. Мая написано много (Д.С. Лихачев) (ср.: Много написано о гимназии и реальном училище К.И. Мая); 3) *грамматический топик*, т.е. подлежащее: Птицы летят на юг; 4) *грамматикализовавшийся, или языковой топик* – тема, регулярно возникающая в абсолютном начале предложения в определенных синтаксических конструкциях (односоставных или грамматически / семантически неполных двусоставных предложениях) при нейтральном порядке слов: Его встретили почтительно (Ф.М. Достоевский), А мне разрешили (К. Симонов), На улицах быстро темнело (А.И. Куприн), В воздухе соль и йод. (И. Бродский), На столах – выдолбленные глыбы льда со свежей икрой, могучие осетры на серебряных цоколях, старое венецианское стекло (А.Н. Толстой), Вдали слышались голоса (А.П. Чехов) – последнее предложение является семантически неполным, т.к. субъект лексической ориентации предиката [2: 45] (мне, нам) не выражен.

Таким образом, *топикализация* – позиция какой-либо единицы текста в абсолютном начале предложения – может быть языковой (при нейтральном порядке слов) и речевой (в случае инверсии).

ЛИТЕРАТУРА

1. Иосилевич Н.В. Соотношение подлежащего и дополнения с семантическими категориями субъекта и объекта. Владимир, 2004. 144 с.
2. Иосилевич Н.В. Детерминант как особый член предложения / Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Владимир, 2007. С. 114-115.
3. Копелиович А.Б. Некоторые спорные вопросы словообразования и синтаксиса. Владимир, 2011. 156 с.
4. Лекант П.А. Грамматические категории слова и предложения, М., 2007. 215 с.
5. Ли Чарльз и Томпсон Сандра Подлежащее и топик: новая типология

- языков // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. С.193-235.
6. Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топик и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.11, М.: Прогресс. С. 277 – 316.
7. Шведова Н.Ю. Детерминанты // ЛЭС. М., 1990.

Л.А.ЧЕРНОВА (Коломна, Россия)

СИНТАКСИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ «МЫСЛИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. Темой статьи является описание структурных схем простых предложений, объединенных в единое синтаксическое поле «мыслительная деятельность», на материале рассказа А.П.Чехова «Невеста». Цель работы – выявить группировки структурных схем заявленного концепта в тексте, их лексическую наполняемость, дать их лингвистическую и стилистическую интерпретацию. Результатом работы является формирование знания о конкретной языковой личности. Новое в статье - анализируемый языковой материал (текст рассказа А.П.Чехова «Невеста» с набором конкретных ситуаций, мыслительных операций и лексическим наполнением схем), группировка схем в составе текста, их лингвистическое и стилистическое толкование, которое позволяет раскрыть основную целевую установку автора текста.

Данный концепт рассматривается в монографической работе Г.А. Волохиной и З.Д. Поповой «Синтаксические концепты русского простого предложения» (Воронеж, 2003) в виде схем, основой для построения которых являются мыслительные глаголы (137-140):

1) кто знает что (при участии глаголов: знать, помнить, придумать, вычислить, задумать, загадать, узнать, запомнить, разгадать, понять, понимать, выяснить, выучить, выследить, изучать, запомнить, обдумать, угадывать, замечать, представить себе и др.);

2) кто дает что кому (при участии глаголов: напомнить, напоминать);

3) кто знает, думает, помнит о чем (при участии глаголов: думать, подумать, вспомнить, размышлять, мечтать, забыть, догадываться, жалеть, заботиться и др.).

Материал того или иного художественного текста позволяет представить иные группировки схем синтаксического концепта «мыслительная деятельность» со своим набором мыслительных единиц и их лексическим наполнением. Цель нашей статьи – выявить возможные репрезентации данного концепта и их контекстуальное содержание на материале рассказа А.П.Чехова «Невеста». Данный концепт представляет собой важное звено в характеристике языковой личности главной героини рассказа. Надя Шумина – размышляющая личность, и ее мыслительные операции составляют значительную часть ее дискурса. Кроме того, в реализации данного концепта участвуют и мыслительные операции других персонажей – матери Нади и приятеля Саши, но они предназначены для восприятия и осмысления их Надей.

Для анализа мы используем текст рассказа А.П.Чехова по изданию: А.П.Чехов. Дом с мезонином. Повести и рассказы: М., «Худ. лит.», 1983. – 304 с.; значения глаголов документируем по словарю: Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. РАН. Ин-т русского языка. – 4-е изд., доп. – М.: «А ТЕМП», 2004. – 944 с.

Высказывания, характеризующие мыслительную деятельность главного персонажа в чеховском рассказе «Невеста», могут быть представлены в виде следующих схем, которые дифференцируются лексическим значением глаголов:

- 1) кто думает что/ о ком /о чем;
- 2) кто (не) понимает что;
- 3) кто (не) помнит что;

4) кто (не) знает что.

Схема 1 представлена в рассказе «Невеста» 18 примерами при участии глаголов: думать, придумать, вдуматься, подумать, мечтать, приходиться на мысль (всего 23 глагольные единицы).

Примеры:

1. *Дышалось глубоко и хотелось **думать**, что не здесь, а где-то под небом, над деревьями, далеко за городом, в полях и лесах развернулась теперь своя весенняя жизнь, таинственная, прекрасная, богатая и святая, недоступная пониманию слабого, грешного человека (286).* 2. *Наде было уже двадцать три года; с шестнадцати лет она страстно **мечтала** о замужестве, и теперь, наконец, она была невестой Андрея Андреича, того самого, который стоял за окном; он ей нравился, свадьба была уже назначена на седьмое июля, а между тем радости не было, ночи спала она плохо, веселье пропало... (287).* 3. – *Все это старо и давно надоело, – сказала она и встала. – Вы бы **придумали** что-нибудь поновее (288).* 4. *Надя, как и во все прошлые майские ночи, села в постели и стала **думать** (290).* 5. – *И как бы там ни было, милая моя, надо **вдуматься**, надо понять, как нечиста, как безнравственна эта ваша праздная жизнь, - продолжал Саша (292).* 6. *Она сидела, положив голову на колени, и **думала** о женихе, о свадьбе... (292).* 7. *И Надя, как ни **думала**, не могла сообразить, почему до сих пор она видела в своей матери что-то особенное, необыкновенное, почему не замечала простой, обыкновенной, несчастной женщины (293).* 8. *Это странный, наивный человек, **думала** Надя, и в его мечтах, во всех этих чудесных садах, фонтанах необыкновенных чувствуется что-то нелепое; но почему-то в его наивности, даже в этой нелепости столько прекрасного,*

что едва она только вот **подумала** о том, не поехать ли ей учиться, как все сердце, всю грудь обдало холодком, залило чувством радости, восторга (293). 9. – Но лучше **не думать**, лучше **не думать**... – шептала она. – Не надо **думать** об этом (293). 10. Он шутил все время, пока обедали, но шутки у него выходили громоздкие, непременно с расчетом на мораль, и выходило совсем не смешно, когда он перед тем, как соскрести, поднимал вверх свои очень длинные, исхудалые, точно мертвые пальцы, и когда **приходило на мысль**, что он очень болен и, пожалуй, недолго еще протянет на этом свете, тогда становилось жаль его до слез (291). 11. Для нее уже ясно было, что она разлюбила Андрея Андреича или, быть может, не любила его никогда; но как это сказать, кому сказать и для чего, она не понимала и не могла понять, хотя **думала** об этом все дни, все ночи... (294). 12. Она всю ночь сидела и **думала**, а кто-то со двора все стучал в ставню и насвистывал (296). 13. Наде казалось, что она очень взволнована, что на душе у нее тяжело, как никогда, что теперь до самого отъезда придется страдать и мучительно **думать**; но едва она пришла к себе наверх и прилегла на постель, как тотчас же уснула и спала крепко, с заплаканным лицом, с улыбкой, до самого вечера (297). 14. Прошла осень, за ней прошла зима. Надя уже сильно тосковала и каждый день **думала** о матери и о бабушке, **думала** о Саше (299). 15. Надя пошла наверх и увидела ту же постель, те же окна с белыми, наивными занавесками, а в окнах тот же сад, залитый солнцем, веселый, шумный. Она потрогала свой стол, постель, посидела, **подумала** (300). 16. Нина Ивановна встала и перекрестила Надю и окна. – А я, как видишь, стала религиозной, – сказала она. – Знаешь, я теперь занимаюсь

философией и все думаю, думаю.... И для меня теперь многое стало ясно, как день (301). 17. Бабушка и Нина Ивановна пошли в церковь заказывать панихиду, а Надя долго еще ходила по комнатам и думала. 18. «Прощай, милый Саша!» – думала она, и впереди ей рисовалась жизнь новая, широкая, просторная, и эта жизнь, еще неясная, полная тайн, увлекала и манила ее (302).

В данных высказываниях, использующих схему 1, мыслительные глаголы имеют следующие значения:

1) «думать» – направлять мысли на кого-что-нибудь, размышлять (182);

2) «придумать» – изобрести, найти, догадаться что-нибудь сделать, выдумать, вообразить (590);

3) «вдуматься» – сосредоточившись, внимательно обдумать что-нибудь (71);

4) «подумать» – см. «думать» (544);

5) «мечтать» – предаваться мыслям о ком-чем-нибудь (354).

Общим лексическим значением для данных глаголов выступает основное значение глагола «думать» – направлять мысли на что-нибудь. Данный глагол является самым употребительным в общей схеме 1, другие глаголы характеризуются единичным употреблением. Абсолютное большинство примеров со схемой 1 представляет мыслительный процесс Нади и только 2 примера содержат информацию о мыслительных процессах Саши и Нины Ивановны (матери Нади). Объектами мысли Нади выступают следующие предметы, события и факты: весенняя жизнь в природе и мечта о таинственной, прекрасной жизни, давняя мечта о замужестве и нынешнее отношение к ней, критическое отношение Саши к

праздной жизни семьи Шуминых, о женихе и о свадьбе, о матери, о поездке в большой город учиться, о гостях с их малоприятными разговорами о свадьбе, о сложной ситуации перед свадьбой, о болезни Саши, о прекрасной будущей жизни. Предметом мысли Саши является праздная жизнь Шуминых, предметом мысли Нины Ивановны – ее собственная жизнь, философия, отвлеченная от реальной жизни.

Схема 2 представлена в рассказе «Невеста» 15 примерами при участии следующих глаголов: понимать, понять, сообразить, постигать, сознавать (всего 20 глагольных единиц). Примеры:

1. *То же самое, что было двадцать лет назад, никакой перемены. Ну, бабушка, бог с ней, на то она и бабушка; а ведь мама, небось, по-французски говорит, в спектаклях участвует. Можно бы, кажется, **понимать** (288).* 2. *Надя почувствовала, что мать **не понимает** ее и не может **понять** (291).* 3. – *И как бы там ни было, милая моя, надо вдуматься, надо **понять**, как нечиста, как безнравственна эта ваша праздная жизнь, – продолжал Саша. – **Поймите** же, ведь если, например, вы и ваша мать, и ваша бабулька ничего не делаете, то, значит, за вас работает кто-то другой, вы заедаете чью-то чужую жизнь, а разве это чисто, не грязно? (292).* 4. *Надя хотела сказать: «Да, это правда»; хотела сказать, что она **понимает**; но слезы показались у нее на глазах, она вдруг притихла, сжалась вся и ушла к себе (292).* 5. *И Надя, как ни думала, не могла **сообразить**, почему до сих пор она видела в своей матери что-то особенное, необыкновенное, почему не замечала простой, обыкновенной, несчастной женщины (293).* 6. *Для нее уже ясно было, что она разлюбила Андрея Андреича или, может быть, не любила его никогда; но как это сказать, кому сказать и для*

чего, она **не понимала** и не могла **понять**, хотя думала об этом все дни, все ночи...(294). 7. – Имею удовольствие и благодатное утешение видеть вас в добром здоровье, – сказал он бабушке, и трудно было **понять**, шутит это он или говорит серьезно (295). 8. – Позволь мне уехать из города! – сказала она наконец. – Свадьбы не должно быть и не будет, **пойми!** (296). 9. – Мама, выслушай меня! – проговорила Надя. – Умоляю тебя, **вдумайся и пойми!** Ты только **пойми**, до какой степени мелка и унижительна наша жизнь (296). 10. – Не могу... – проговорила она. – Как я могла жить здесь раньше, **не понимаю, не постигаю!** (297). 11. Саша минуту смотрел на нее с удивлением; наконец он **понял** и обрадовался, как ребенок (297). 12. И тут было видно по всему, что личную жизнь свою Саша устроил неряшливо, жил как придется, с полным презрением к удобствам, и если бы кто-нибудь заговорил с ним об его личном счастье, об его личной жизни, о любви к нему, то он бы ничего **не понял** и только бы засмеялся (299). 13. Саша глядел весело, но покашливал и говорил надтреснутым голосом, и Надя все **вглядывалась** в него и **не понимала**, болен ли он на самом деле серьезно или ей только так кажется (299). 14. Своим веселым, танцующим почерком он писал, что путешествие по Волге ему удалось вполне, но что в Саратове он прихворнул немного, потерял голос и уже две недели лежит в больнице. Она **поняла**, что это значит, и ей было неприятно, что это предчувствие и мысли о Саше не волновали ее так, как раньше (302). 15. Она ясно **сознавала**, что жизнь ее перевернута, как хотел того Саша, что она здесь одинокая, чужая, ненужная и что все ей тут ненужно, все прежнее оторвано от нее и исчезло, точно сгорело, и пепел разнесся по ветру (302).

В данных высказываниях, использующих схему 2, мыслительные глаголы имеют следующие значения:

1) «понять (понимать)» – уяснить значение чего-нибудь, смысл чьих-нибудь слов, поступков; познать, постигнуть (561);

2) «сообразить» – понять, догадаться о смысле чего-нибудь (747);

3) «постигать» (постигнуть, постичь) – понять, уразуметь (570);

4) «сознавать» – сознать, воспринимать сознанием, усваивать, понимая (744).

Общим лексическим значением для этой группы глаголов выступает основное значение глагола «понять» (познать, постигнуть), который употреблен в большинстве примеров. В основном примеры со схемой 2 представляют мыслительный процесс главной героини (Нади) и только 4 примера – мыслительный процесс Саши. Объектами мысли Нади являются следующие факты: непонимание ее со стороны матери, мнение Саши по поводу праздной жизни Шуминых, бесправное положение матери в доме бабушки, душевное напряжение Нади перед нежелаемой свадьбой, болезнь Саши, смерть Саши. Объектами мысли Саши являются обстановка в доме Шуминых и судьба Нади.

Схема 3 представлена в рассказе «Невеста» 9 примерами при участии глаголов: помнить, вспомнить, приходить на память, вспомниться, припомниться, вырасти в воображении, не выходить из головы, забыть, приходить на память (всего 12 глагольных единиц). Примеры:

1. – *Вчера на ночь стала я читать повесть, в которой описывается один старик и его дочь... Я не дочитала, но там*

есть одно такое место, что трудно было удержаться от слез, – сказала Нина Ивановна и отхлебнула от стакана. – Сегодня утром **вспомнила** и тоже всплакнула (291). 2. **Вспомнила** она почему-то, что ее мать не любила своего покойного мужа и теперь ничего не имела, жила в полной зависимости от своей свекрови, бабули (292). 3. Наде **вспомнилось** как еще недавно она считала свою мать необыкновенной и с гордостью слушала слова, какие она говорила; а теперь никак не могла **вспомнить** этих слов; все, что **приходило на память**, было так слабо, не нужно (295). 4. Теперь уже для нее ясно было, что она уедет непременно, чему она все-таки не верила, когда прощалась с бабушкой, когда глядела на мать. Прощай, город! И все ей вдруг **припомнилось**: и Андрей, и его отец, и новая квартира, и нагая дама с вазой; и все это уже не пугало, не тяготило, а было наивно, мелко и уходило все назад и назад (298). 5. Дождь стучал в окна вагона, было видно только зеленое поле, мелькали телеграфные столбы да птицы на проволоках, и радость вдруг перехватила ей дыхание: она **вспомнила**, что она едет на волю, едет учиться, а это все равно, что когда-то очень давно называлось уходить в казачество (298). 6. Письма из дому приходили тихие, добрые, и казалось, все уже было прощено и **забыто** (299). 7. – Дорогой мой, милый Саша, – проговорила она, и слезы брызнули у нее из глаз, и почему-то **в воображении** ее **выросли** и Андрей Андреич, и голая дама с вазой, и все ее прошлое, которое казалось теперь таким же далеким, как детство... (299). 8. Ведь будет же время, когда от бабушкина дома, где все так устроено, что четыре прислуги иначе жить не могут, как только в одной комнате, в подвальном этаже, в нечистоте, – будет же время, когда от этого дома не

останется и следа и о нем забудут, никто не будет помнить (302). 9. *Но отчего все-таки Саша не выходит из головы?* (290).

В данных высказываниях мыслительные глагольные единицы имеют следующие значения:

1) «помнить» – сохранять, удерживать в памяти, не забывать (559);

2) «вспомнить» – возобновить в памяти, вернуться мыслью к прошлому; внезапно вернуться к забытому, упущенному (105);

3) «припомнить» – вспомнить, восстановить в памяти, вернуться мыслью к прошлому (597);

4) «приходить на память» – вспоминаться, не забываться;

5) «вспомниться / вспоминаться» – не забываться;

6) «вырасти в воображении» – вспомниться;

7) «не выходить из головы» – не забываться, помниться;

8) «забыть» – перестать помнить, утратить воспоминание о ком-чем-либо, упустить из сознания, перестать держать в мыслях, запомнить (198).

Общими лексическими значениями для данных слов являются основные значения глаголов «помнить» / «забыть» – сохранять, удерживать в памяти, не забывать / не сохранять в памяти, забыть. По употребительности в приведенных примерах первое место занимает глагол «вспомнить». Почти все примеры со схемой 3 представляют мыслительный процесс главной героини рассказа и только 1 пример изображает мыслительное состояние ее матери. Объектами мысли Нади выступают следующие предметы и факты: нелюбовь матери к покойному мужу; слова матери, какие Надя сначала слушала с гордостью, а затем не могла вспомнить; жених, его отец, новая квартира

жениха и обстановка в ней, отъезд из дома на учебу, обветшавший бабушкин дом. Предметом мысли Нины Ивановны является полузабытый эпизод из прочитанной повести и вызванные им эмоции.

Схема 4 представлена в рассказе «Невеста» 6 примерами при участии глаголов «знать» и «сознаться» (всего 6 глагольных единиц):

1. *Надя слышала это и в прошлом году и, кажется, в позапрошлом и **знала**, что Саша иначе рассуждать не может, и это прежде смешило ее, теперь же почему-то ей стало досадно (288).* 2. – *Я не могу, конечно, утверждать, что я верю (в гипнотизм – авт.), – ответила Нина Ивановна, придавая своему лицу очень серьезное, даже строгое выражение, – но должна **сознаться**, что в природе есть много таинственного и непонятного (289).* 3. – *Отчего я не сплю по ночам? – **Не знаю**, милая (291).* 4. *Главное, то, что толпы в нашем смысле, в каком она есть теперь, этого зла тогда не будет, потому что каждый человек будет веровать и каждый **будет знать**, для чего он живет, и ни один не будет искать опоры в толпе (292).* 5. *...Он еще ничего не сказал ей, но уже казалось, что перед нею открывается нечто новое и широкое, чего она раньше **не знала**, и уже она смотрела на него, полная ожиданий, готовая на все, хотя бы на смерть (297).* 6. – *Я бы **не знаю** что сделала, чтобы вы не были так бледны и худы (300).*

В данных высказываниях мыслительные глагольные единицы имеют следующие значения:

1) «(не) знать» – (не) иметь сведения о ком-чем-нибудь; обладать какими-либо познаниями, иметь о ком-чем-нибудь понятие, представление (232);

2) «сознаться» – представить сведения о ком-чем-нибудь (744).

Основное значение данных глаголов – (не) иметь сведения о ком-чем-нибудь.

В тексте рассказа А.П.Чехова «Невеста» глагол «знать» употреблен 2 раза без частицы «не» и 3 раза – с частицей «не»; глагол «сознаться» употреблен 1 раз. Участниками мыслительного процесса в высказываниях со схемой 4 выступают Надя, ее мать и Саша. Объектами мыслей Нади являются рассуждения Саши по поводу бездеятельности семьи Шуминых, представления о ее собственном прекрасном будущем, Сашина болезнь; объектом мысли Саши – смысл жизни; объектом мысли матери Нади – таинственное и непонятное.

Таким образом, концепт «мыслительная деятельность» в рассказе А.П.Чехова «Невеста» представлен 4-мя схемами при участии 66 мыслительных глаголов. Высказывания с этими глаголами свидетельствуют, что главная героиня рассказа наделена способностью думать, понимать, помнить и знать в разных формах проявления этих действий. Реализация мыслительного процесса героини представлена в 51 глагольной единице, причем этот процесс проходит достаточно активно, хотя и незаметно для окружающих, в то время как мыслительные процессы других персонажей выявлены только в 11 глагольных единицах: при характеристике матери – в 5 единицах, при характеристике Саши – в 6. Такое соотношение языковых средств, характеризующих мыслительную деятельность главной героини и других персонажей, свидетельствует об основной целевой установке автора рассказа – показать духовную зрелость Нади и

ее готовность взять свою судьбу в свои руки, совершенствовать свой духовный мир, свои личностные качества.

А.Л. ШАРАНДИН (Тамбов, Россия)

КАТЕГОРИИ РОДА, ПОЛА И ЛИЦА СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В ПАРАДИГМАТИЧЕСКОМ И СИНТАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Аннотация. Статья посвящена проблеме языкового статуса и взаимосвязи категорий рода, пола и лица в сфере русского существительного с учетом их категориальной природы. *Род* рассматривается как *категория-признак*, представленная разными видами согласовательных моделей синтагматического типа. *Пол* определяется как *содержательная категория-парадигма*, представленная совокупностью словообразовательных образований со значением пола. *Лицо* осмысливается как частная категория (субкатегория) в составе категории пола.

По выражению Б.А. Ларина, «уважение к ученому должно демонстрироваться уважением к его научным проблемам» [9: 235]. В научно-исследовательском пространстве профессора А.Б. Копелиовича многие коллеги найдут свою сопричастность к проблематике его исследований, поскольку исследовательская позиция юбиляра включает реализацию разных актуальных и значимых проблем для современного этапа развития лингвистики в целом и русистики в частности. Но тем не менее одна из них, несомненно, занимает особое место в его научном наследии. Это – проблема рода в системе языка. Именно неразрешимой «загадке рода» посвящены многие исследования А.Б. Копелиовича, поскольку данная тема, по его мнению, «затрагивая такие представления, которые имеют особое, мировоззренческое значение, позволяет выйти за пределы стереотипа, сложившегося на основе кажущейся очевидности, наподобие древнего представления о вращающемся вокруг Земли Солнце» [4: 4]. И в

этом плане особую методологическую значимость имеет рассмотрение им парадигматики и синтагматики в сфере рода существительного, которые исследователем осмысливаются как диалектическое единство [5].

Целью настоящей статьи является стремление ее автора взглянуть на эту проблему с учетом взглядов профессора А.Б. Копелиовича, но при этом и высказать некоторые наблюдения, которые, возможно, покажутся исследователю небезынтересными в дальнейших его научных изысканиях в сфере рода с позиций парадигматики и синтагматики.

Как известно, взаимосвязь парадигматики и синтагматики наиболее ярко проявляется во взаимодействии морфологии и синтаксиса. По мнению Н.А. Кобриной, «неразрывность морфологии и синтаксиса (парадигматики и синтагматики, по Ф. де Соссюру) есть отражение диалектичности человеческого мышления, знание того, что все характеристики слова, заложенные в нем как его потенциальные возможности и его морфологические черты, нацелены на его использование в синтаксисе. Это дает основание для рассмотрения в морфологии синтаксического потенциала слов всех категориальных классов» [3: 9]. Данное высказывание в определенном смысле коррелирует с известным высказыванием В.В. Виноградова о том, что «морфологические формы – это отстоявшиеся синтаксические формы» [1: 31].

Определяя отношения морфологии и синтаксиса как самостоятельных разделов грамматики, мы усматриваем, скорее всего, исследовательский подход, поскольку, на наш взгляд, морфология и синтаксис не даны как две онтологически самостоятельные сущности, а представляют собой единое целое.

В этом плане их отношения можно сравнить с отношениями лексики и грамматики. И хотя принято разграничивать лексическое значение и грамматическое значение, но это разграничение достаточно условно, имеет гносеологический характер, поскольку слово – это единство лексического и грамматического значений.

В наших работах слово как языковая знаковая единица определяется следующим образом. **Слово** – это лексический репрезентант концепта, который имеет звуковую оболочку, является синтагматическим членом высказывания и предстает в той или иной грамматической (морфологической) форме, совокупность которых образует его языковую репрезентативную парадигму [10]. Но при этом в качестве репрезентативной единицы выступает и синтагматическая модель, если она сохраняет свою релевантность и не трансформировалась в морфологическую форму.

Характеризуя отношения парадигматического и синтагматического аспектов, отметим, что в принципе морфологическая парадигматика имеет синтагматический характер, но синтагматика не всегда предполагает парадигматику: многие синтагматические отношения не «отстаиваются» в морфологические формы [11]. Это означает, что парадигматика в отношениях с синтагматикой маркирована.

Согласно традиционному подходу, род имеет как парадигматическую репрезентацию, которая представлена несловоизменяемой морфологической (грамматической) категорией, так и синтагматическую репрезентацию, представленную согласовательными моделями. А.Б. Копелиович выделяет 4 согласовательные модели: 1) атрибутивная – *наш*

врач; 2) предикативная – *врач сказал*; 3) атрибутивно-предикативная – *наш врач сказал*; 4) выделительная – *один из врачей* [4: 54]. При этом, как известно, грамматический статус рода существительного признается категориальным. Но здесь возникает вопрос: насколько правомерно род включать в один ряд с такими грамматическими категориями существительного, как падеж и число? Насколько правомерно рассматривать род в данном случае как категорию-парадигму?

Специфика рода существительных состоит в том, что у неодушевленных существительных он в семантическом плане не осознается (ср.: *пруд, река, озеро*), хотя в художественных текстах семантизация рода представлена. Отсутствие номинативного значения у рода позволяет исследователям считать основной функцией категории рода синтаксическую функцию связи слов – согласовательную функцию.

В связи с формальным характером рода у существительных, с отсутствием инвариантного грамматического значения и частных грамматических значений, объединяемых в ряды противопоставляемых форм слова, а также с учетом отсутствия у рода всеохватывающего характера по отношению к субстантивным лексемам (род у существительных типа *сливки, сани* не определяется) мы сочли возможным отказать роду существительного в статусе грамматической категории, понимаемой в ее традиционном определении как системы противопоставленных друг другу рядов морфологических форм с однородными значениями (более подробно см.: [12]). Это значит, что род существительных не может рассматриваться в одном понятийном ряду с такими грамматическими категориями существительного, как число и падеж. Но это и не означает, что

мы исключаем род из состава грамматических характеристик (показателей) существительного как части речи. Поэтому мы рассматриваем *род существительного как грамматический признак классифицирующего типа*, который позволяет распределять существительные по трем основным классам в единственном числе и участвует в распределении существительных по основным типам склонения. Это, в свою очередь, не означает, что распределение существительных по родам и типам склонения совпадает [4: 24-25]. Типы склонения формируются прежде всего на основе системы падежей, но род при этом также участвует в формировании того или иного типа склонения (по крайней мере, в школьном варианте).

Таким образом, у неодушевленных существительных род как категориальное явление формального типа не связан с категоризацией действительности (мира), а определяет формат языковых знаний, связанных с согласованием существительных с атрибутами и предикатами, выраженными изменяющимися по роду лексемами.

В отличие от неодушевленных существительных, в одушевленных существительных исследователи усматривают связь рода с категоризацией действительности, отражающую различия одушевленной субстанции по полу. В этом случае род имеет основание быть рассмотренным как семантическая категория, включающая в свое содержание отношение к полу. Так, В.Г. Руделев пишет: «Грамматической категорией рода называется способность части речи (существительного) иметь формы, отражающие разделение по полу» [8: 37]. Но является ли семантическая категория рода грамматической в том смысле, в

каком мы определяем, в частности, категорию числа существительного?

Если различия по полу закреплены за родом, а род – это грамматическая категория, то, следовательно, и различия по полу – это грамматические значения мужского рода и женского рода. В результате мы имеем образования, претендующие на статус форм одного и того же слова, поскольку, согласно традиционному определению, формы одного слова – это образования, различающиеся между собой грамматически, но тождественные лексически. Такое решение ведет к отрицанию несловоизменительного характера категории рода существительных и к рассмотрению ее как формообразовательной категории [6].

Далее. Грамматическая категория, например, числа существительного охватывает все лексемы этой части речи. Здесь же мы столкнемся с фактом, когда категория рода как семантическая, окажется соотнесенной только с одушевленными существительными. В этом случае даже возможно рассмотрение одушевленных и неодушевленных существительных, в принципе, как разных классов слов, своего рода разных частей речи, поскольку у них своя лексическая семантика (живое существо и предмет) и своя система словоизменения (одушевленные изменяются по числам, падежам и родам, а неодушевленные – по числам и падежам).

Согласятся ли сторонники рассмотрения рода существительных как грамматической (семантической) категории с такими последствиями? И не будет ли более непротиворечивым и более экономным представление рода существительных в качестве грамматического *признака*, а точнее, как категори-

признака? Ведь в этом случае не потребуются дополнения к критериям выделения грамматических категорий, тогда как признание за родом существительных статуса грамматической категории-парадигмы повлечет ряд дополнений.

На наш взгляд, *значение пола* – это не грамматическое значение рода, а *лексическое (словообразовательное)*. И поэтому наиболее полная оппозиция по полу типа *гусак – гусь – гусыня* представляет собой словообразовательную оппозицию по признаку пола, а не чисто грамматическую, которая лежит в основе понятия грамматической категории. Вследствие этого парадигма рода – это парадигма разных слов, а не форм одного и того же слова. В этом случае, по существу, мы не имеем родовой парадигмы, а имеем родовой признак, определяющий отнесение (категоризацию) слов по разным родовым классам, которые, в свою очередь, оказываются соотнесенными с формальными классами – типами склонения.

Таким образом, существительное в русском языке располагает *грамматическим признаком* рода, классифицирующим признаком, категорией-признаком.

Род и пол – это соотнесенные, но принципиально разные понятия: род характеризует языковые знания, связанные с технологией согласования изменяемых слов русского языка, тогда как пол имеет отношение к обыденным знаниям носителей языка в отношении живых существ, категоризируя и тем самым дифференцируя их по половому признаку с учетом его значимости для жизнедеятельности человека. В одних случаях половая определенность для него является актуальной, выраженной, а в других случаях – нейтрализованной, вследствие чего различия по полу не имеют своего лексического выражения.

Род как грамматический (формальный) признак и пол как семантический признак оказываются по-разному представленными в семантической структуре слова: род находится как бы за пределами семантической структуры слова, определяя его грамматический статус, тогда как пол включается в структуру лексического (словарного) толкования слова в качестве мотиватора в производных словах: *гусак* – самец-гусь, *гусыня* – самка-гусь, *учительница* – женщина-учитель и т.п. Пол оказывается выраженным даже в тех случаях, когда родовые различия утрачивают свою релевантность, т.е. во мн. числе (ср.: *гусаки, гусыни, учительницы*). Поэтому в оппозиции «род – пол» маркированным оппозитом является пол, а немаркированным – род. Вот почему троичная оппозиция по полу типа *гусак – гусь – гусыня* имеет в качестве маркированных оппозитов крайние члены, а срединный член (*гусь*) оказывается нейтрализованным по полу и осознается в большей степени как наименование живого существа, имеющего определенную родовую характеристику в ед. числе (во мн. числе и родовые и половые различия по существу оказываются нерелевантными).

В связи с отношениями «род – пол» такого же комментария требуют и отношения «род – лицо» по отношению к именной категории лица. Как отмечает А.Б. Копелиович, «наименьшей единицей проявления рода является согласовательная модель, минимальной же единицей категории лица является преимущественно слово» [4: 15]. По его мнению, к морфологическим (словообразовательным) средствам категории лица относятся коррелятивные однокоренные личные существительные, например: *учитель – учительница, блондин – блондинка*, которые образуют два типа оппозиций –

эквиполентную (*блондин – блондинка*) и привативную (*учитель – учительница*) [4: 17].

С точки зрения лексических толкований лицо, как и пол, оказывается, на наш взгляд, включенным в структуру слова: *блондин* – белокурый мужчина, *блондинка* – белокурая женщина, где *мужчина* и *женщина* являются лексическим средствами выражения лица (*мужчина* – «лицо, противоположное женщине по полу» [7: 313]; *женщина* – лицо, противоположное мужчине по полу [7: 165]). Поэтому значение лица, как и значение пола, не может рассматриваться в качестве грамматического значения рода, а представляет собой словообразовательное значение в личных существительных. Лицо, таким образом, является маркированным элементом в отношениях с родом.

В связи с этим возникает необходимость уточнить отношения между полом и лицом. Все личные существительные так или иначе характеризуются наличием признака пола, тогда как не все существительные, различающиеся по полу, могут быть охарактеризованы как личные (*гусь – гусак – гусыня*). Это означает, что лицо как семантический признак оказывается маркированным по отношению к семантическому признаку пола.

В результате *дифференциация существительных по роду, полу и лицу* может быть представлена следующим образом: 1) существительные, имеющие формальный признак рода (*пруд, река, озеро*); 2) существительные, имеющие признаки рода и пола (*тигр, гусь, лиса*); 3) существительные, имеющие признаки рода, пола и лица (*учитель, доярка*). В первой группе существительных отсутствуют какие-либо коррелятивные оппозиции по полу и лицу, а коррелятивные пары по роду представлены стилистическими формами типа: *табурет – табуретка, манжет – манжета*. Во

второй группе представлены троичные оппозиции типа: *гусак – гусь – гусыня* или двоичные типа: *тигр – тигрица, лиса – лис*. В третьей группе представлены коррелятивные оппозиции типа: *учитель – учительница, доярка – дояр, блондин – блондинка* и др. (о семантико-словообразовательных оппозициях по признаку пола см.: [2]).

Особое место в исследованиях рода занимают рассуждения о «смысловом согласовании» наряду с формальным согласованием, т.е. о синтагматике рода, представленной, как указывалось выше, определенными видами согласовательных моделей. По мнению А.Б. Копелиовича, «смысловым следует считать такое согласование, при котором выбор формы согласуемого слова мотивируется полом существа, названного именем существительным (*круглый сирота, наша врач, кенгуру бежала*)» [4: 6].

На наш взгляд, смысловая синтагматика может свидетельствовать о типе связи атрибутов и предикатов с существительным, когда их грамматические значения соотносятся с формальным согласованием, и в этом случае она не осознается носителем языка как собственно смысловая, поскольку не расходится с формальной: *большой тигр, тигр зарычал, большой тигр зарычал*, но **большая тигр, тигр зарычала; круглый сирота заплакал, круглая сирота заплакала*, но **круглый сирота заплакала*.

Другой тип связи представлен случаями расхождения смысловой синтагматики с формальным согласованием. Определяющим для осмысления отношения оказывается смысловое согласование: *красивая врач, врач вошла, красивая врач вошла, красивый врач вошла*. В этой синтагматике обращает

на себя внимание невозможность синтагматических отношений типа **красивая врач вошел*, которое свидетельствует о том, что смысловое согласование, представленное атрибутивным сочетанием (*красивая врач*), оказалось несовместимым с формальным предикативным сочетанием (*врач вошел*), тогда как формальное атрибутивное сочетание (*красивый врач*) оказывается совместимым со смысловым предикативным сочетанием (*врач вошла*).

Язык, на наш взгляд, стремится преодолеть смысловую синтагматику путем переключения ее в формальное согласование, но для этого необходимо усилить парадигматический потенциал существительного, образуя коррелятивное образование по полу: *умная студент – умная студентка, студент вошла – студентка вошла, умная студентка вошла*.

Таким образом, парадигматика оказывается закономерным и продуктивным этапом в развитии отношений между смысловым и формальным согласованием.

Итак, в отличие от рода существительного как категории-признака, как грамматического признака, который реализуется в синтагматике, представленной согласовательными моделями, пол оказывается категорией парадигматического типа, которая реализуется в слове, в его парадигматике, но только представленной не морфологической парадигмой (парадигмой форм слова), а словообразовательной парадигмой, которая включает в себя различного рода коррелятивные образования по полу. В целом категория пола выражает отношение к полу живого существа (лица) и представлена тремя рядами образований: исходным рядом, включающим мотивирующие субстантивные

лексемы, как правило, с нейтрализованным полом. В этом смысле они характеризуются как безотносительные к полу, как наименования живых существ и лиц (*гусь, тигр, лиса; учитель, врач, директор*). Два других ряда существительных являются маркированными по отношению к исходному ряду, обозначая либо живые существа и лица мужского пола, либо – женского пола. С точки зрения производности они оказываются мотивированными существительными, в семантической структуре которых присутствует сема того или иного пола (*гусак, гусыня, тигрица, лис; учительница, врачиха, директриса*).

Категория-признак рода и категория-парадигма пола лежат в разных плоскостях отражения и восприятия мира посредством когнитивных процессов концептуализации и категоризации, обнаруживая разную когнитивную природу. Род как формальный грамматический признак представляет собой концепт, связанный с языковыми знаниями по освоению согласовательных моделей между существительным и определяющими его атрибутами и предикатами. Поэтому языковой единицей данного концепта является согласовательная модель того или иного синтагматического типа. Пол же, будучи концептом содержательным, связан с познанием биологического мира, представленного животными и лицами с позиций отражения в них биологического пола, который играет существенную роль в осознании отношений между животными и людьми в их жизнедеятельности. Языковой единицей репрезентации данного концепта оказывается слово и его производные со значением пола, что позволяет связывать пол с парадигматическим характером слова.

Показательными для вывода о том, что род и пол лежат в разных плоскостях когниции, являются и данные исследований о генетическом развитии рода и пола (см. исследования А.Б. Копелиовича).

Что же касается именной категории лица (при условии ее выделения в грамматике) и ее связи с грамматическим родом, то эти отношения в определенном смысле соотносятся с отношениями рода и пола, поскольку лицо включает информацию по полу, конкретизируя ее в личностном (субъектном) плане и тем самым отличая от неличных существительных, обозначающих животных и также включающих информацию об отношении к полу. Поэтому, на наш взгляд, *категория лица* – это субкатегория, имеющая гендерный (социально значимый) характер противопоставления лиц по полу в составе более широкой категории пола. Среди животных признак социальной значимости пола также в ряде случаев имеет место и связан с ролью животных в хозяйственной деятельности человека. Но лицо оказывается наиболее востребованным для отражения в языке гендерных различий, и поэтому парадигматическая природа категории лица в сфере существительного является более яркой и разнообразной в плане представления языковыми единицами – производными словами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. 615 с.
2. Горват Г.Ф., Шарандин А.Л. Семантико-деривационные оппозиции по признаку пола // Семасиология и грамматика. Тамбов: ТГПИ, 1978. С. 25 – 30.
3. Кобрин Н.А., Болдырев Н.Н., Худяков А.А. Теоретическая грамматика современного английского языка. М.: Высшая школа, 2007. 368 с.
4. Копелиович А.Б. Именная категория лица в ее отношении к грамматическому роду. Владимир: ВГПУ, 1997. 96 с.

5. Копелиович А.Б. Методологическое единство синтагматического и парадигматического анализа // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Владимир: ВГПУ, 1995. С. 75 – 77.
6. Миртов А.В. Родоизменяемые существительные // Русский язык в школе. 1946. № 1.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1986. 796 с.
8. Руделев В.Г., Руделева О.А. Вначале было слово. Тамбов: ТГУ, 1995. 273 с.
9. Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века: Сборник статей в честь профессора С.Г. Ильенко. СПб.: СПбГУ, 1998. С. 235-241.
10. Шарандин А.Л. Типология концептуализации как вида мыслительной деятельности // Когнитивные исследования языка. Вып. 17: Актуальные проблемы взаимодействия мыслительных и языковых структур. М.-Тамбов: ИЯ РАН, ТГУ, 2008. С. 119 – 126.
11. Шарандин А.Л. Категории лица и числа русского глагола в аспекте взаимодействия лексики и грамматики, морфологии и синтаксиса // Когнитивные исследования языка. Вып. 13: Ментальные основы языка как функциональной системы. М.-Тамбов, ИЯ РАН, ТГУ, 2013. С. 406 – 417.
12. Шарандин А.Л. Курс лекций по лексической грамматике русского языка: Морфология. Тамбов: ТГУ, 2001. 312 с.

В.М. ШЕТЭЛЯ (*Москва, Россия*)

ЯЗЫК В ЭПОХУ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ: ОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ ПРИБОРЫ В НАЗВАНИЯХ XIX ВЕКА

Аннотация. В указанной статье рассматривается проблема языка в эпоху научно-технических открытий. Применение в быту XIX века технических новинок, что отражено в произведениях писателей той эпохи, определенным образом воздействовало на лексические запасы данного времени.

Ушедшая эпоха позапрошлого столетия обладает определенным колоритом, который был воспринят нами благодаря произведениям видных мастеров слова того времени.

Литературные образы, создаваемые русскими авторами XIX века, обладают определенной выразительностью в силу уместного употребления в текстах слов, называющих реалии уходящей эпохи, которыми могут быть, среди других, искусственные источники света: **карсель, кенкет, ревербер,**

рефлектор, а также названия сжигаемых субстанций, дающих свет (в прямом смысле этого слова).

Данные названия представляют интерес как в плане этимологии, так и в плане эволюции языковых систем в эпоху технических открытий, а также уместности употребления их в художественном тексте.

Русская литература отметила, что вместе с вводом технических новинок изменялась и жизнь общества. Л.Н. Толстой сожалея о прошедшем времени, писал: *В те наивные времена* (в 1800-х годах. – В.Ш.), *когда... на балах в канделябры вставлялись восковые и спермацетовые свечи...* [24: 123].

Вспомним, что персонаж А.В. Сухова-Кобылина Кречинский распоряжался: *Чтобы все было отлично. Зажги карсели, канделябров не зажигать...* [22: 180].

Получается, что в определенных случаях карсель заменял канделябр как более прогрессивный в ту пору прибор или, может быть, более дешевый способ освещения помещения.

Карсель представлял собой *лампу, в которой особым механизмом нагнеталось горючее* [22: 819].

Слово встречается в текстах разных авторов, см., напр.: *Ярко горел карсель в гостиной...* [16: 5, 152]; *против дивана находился осьмиугольный стол с поставленным на нем карселем* [28: 409].

Не в меру популярным в ту пору, но загадочным светильником для нас был кенкет.

Кенкет – *франц.* – *масляная лампочка, имеющая горелку ниже резервуара* [4: 261]. Как элемент описываемой обстановки помещения, слово **кенкет** встречается у ряда авторов, см., напр.: *Спальня Елены была освещена несколькими кенкетами* [17: 340];

люстры, кенкеты – все было навалено, и вовсе не в таком порядке, как в магазинах [9: 109]. По произведению Г.П. Данилевского можно предположить, что кенкет это не совсем то, что указано выше в словаре. Ср.: По стенам висели ... и несколько кенкетов для свечей [15: 291]. Из этого текста видно, что речь здесь о свечном светильнике – приборе со светом, исходящим от свечи.

Устройства подобного рода светильников совершенствовались. Для усиления свечения лампы к нему приспособлялись зеркальные отражатели.

Таким образом, от латинского слова *reverberare* – „отражать” произошло название **ревербер** – «лампа с металлическим зеркальным отражателем».

Н.М. Карамзин, а затем А.А. Фет в своих воспоминаниях отметили: *Вся нижняя часть Пале-Рояль состоит из галерей с ста осьмьюдесятью портиками, которые, будучи освещены реверберами, представляют ночью блестящую иллюминацию [18: 350]; четверместный дормез ... с раскидными постелями, с большим зеркалом... со всевозможными туалетными приспособлениями и ревербером для ночного чтения [25: 369].*

Нечто подобное реверберу по способу усиления света представлял собой **рефлектор** (лат. *reflecto* – „загибаю”, в новолат. „отражаю”) – *отражатель света в форме вогнутого зеркала [20: 12, 1263]: Потом надел на лампу рефлектор... [7: 108].*

Данные осветительные приборы, часто свечные или масляные, совершенствовались за счет отражателей, усиливающих отдачу света.

Новый виток в этом деле произошел вместе с использованием газа как сжигаемого в светильнике горючего.

Слово **газ**, **гас** было хорошо известно в начале XIX века, как придуманный голландским химиком Гельмонт термин *gaz* на базе лат. *chaos*. Отмечено уже у Нордстета, 1780 г. [20: 3, 14; 27: 1, 176].

В известном словотолкователе Яновского летательные свойства «Монгольфиева шара» описаны следующим образом: *Аэростатическая машина, инако называемая Монгольфиев шар, Баллон, есть та, которая быв наполнена Водородным Гасом или так называемым горючим воздухом, приготовляемым...* [29: 1, 297]. В другом месте Яновский поясняет: *Аэр, правильнее Аир, Гр. Воздух ... Под сим изъяснением разумеем доселе один воздух, но ныне уже разделений оному много. Зри Гас* [29: 1, 298].

Слово **газ**, **гас** лексикографически отмечено в русских словарях как *воздушная жидкость, тело или вещество, в виде воздуха* [14: 1, 340]; *всякое воздухообразное вещество* [4: 117]. На основе данного значения образуется прилагательное **гасовый**, напр.: *Для этого устраивается гасовый бассейн в форме рыбы, у которой отрублен хвост* [5: 1037].

Свойства газа в литературе той эпохи описывались неоднократно, напр.: *Вещества, имеющие наружный вид летучий, прозрачный, воздухообразный и физические свойства обыкновенного свойства, вообще именуется гасом (gas)* [8: 347]; *г. Куторга (натуралист) относил углерод к числу газов* [16: 4, 106-107]. Известный популяризатор науки Хотинский поясняет, откуда газ происходит: *Светильный газ из жирной гряди* [26: август, 1851, 146].

Слово приобретало даже переносную и метафорическую окраску, см., напр.: *Что все эти дымно-горькие, удушливые газы политических и социальных бурь...* [11: 383]; *Воображение надувало своим газом шар его надежды* [1: 160].

Применение газа для освещения помещений и улиц расширило значение этого слова. **Газ** – «газовое освещение», см. примеры употребления: *вся эта волшебная куча вспыхнула ввечеру при волшебном освещении газа* [10: 3, 200]; *газ испортил их площадь и разорвал покров темноты...* [3: 8]; *В зале цирка успели уже потушить газ* [13: 487]; *Между тем мы не знали, куда идти: газ еще туда не проник, и на улице ни зги не видно* [12: 231]; *Носились слухи, будто ныне зимою вся Москва будет освещаться гасом* [5: 874]; *Эта обстановка бронз, зеркал, газа, татар – все это было ему оскорбительно* [23: 1, 40].

На основе данного значения образуется прилагательное **газовый**, **гасовый**, напр.: *Нет улицы... разрытой для исправления водяной или газовой трубы...* [6: 332]; *В 1800-х годах, в те времена, когда не было еще ни железных, ни шоссейных дорог, ни газового, ни стеаринового света ...* [24: 123].

В обиход входит название **газовый рожок**, который во многом заменяет другие искусственные источники света, что и показано в художественной литературе, напр.: *Когда он вошел в ярко освещенную люстрами и бронзовыми газовыми рожками залу, шум еще продолжался* [23: 5, 116]; *За кулисами... висело за проволочной сеткой освещенное газовым рожком рукописное расписание вечера...* [19: 117 – 118].

Названное выше слово **газ**, **гас** в значении «летучего тела» имеет омофон **газ** (от франц. *gase*), который следует писать, по мнению Даля, именно как **газ** – для названия шелковой материи. *Газ – самая легкая, тонкая, реденькая шелковая ткань для женских уборов. Ныне в перв. знач. пишут гас, во втором газ* [14: 1, 340]. Напр.: *Все зефиры, да дымка, да кисеи, да газы...* [2: 406]; *Еще три звонка, и вошла маленькая дама в сером платье, в белом чепце, окутанная белым газом...* [21: 154].

От данного значения образовано прилагательное **газовый**: *княгиня Вера, в газовом золотошвейном платье* [2: 402]; *Перед ним стояли Вера и Полина Карповна, последняя в палевом, газовом платье, точно в тумане...* [11: 379]; *Я вытащила газовое платье с желтыми и белыми розами* [21: 520].

Таким образом, на примере данной терминологической подсистемы «осветительные приборы» можно проследить развитие языка и языка художественного произведения в эпоху научно-технических открытий. На примере создаваемых приборов искусственного света можно проследить развитие бытовой техники и ее роли в жизни персонажей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бестужев-Марлинский А.А. Лейтенант Белозор // Бестужев-Марлинский А.А. Повести / Сост., вступ. ст. и прим. В.И.Кулешов. М.: Правда, 1986. С.143 – 221.
2. Бестужев-Марлинский А.А. Фрегат «Надежда» // Бестужев-Марлинский А.А. Повести / Сост., вступ. ст. и прим. В.И.Кулешов. М.: Правда, 1986. С. 346 – 456.
3. Вяземский П.А. Старая записная книжка // Полн. собр. соч. Князя П.А.Вяземского. Издание Графа С.Д.Шереметева. СПб., 1886, т.Х.
4. Гавкин И.И. Краткий словарь иностранных слов. 60-ое изд. СПб., К., Харьков, 1912.
5. Газета «Северная пчела» за 1859, № 218.
6. Гаршин В.М. Избранное. М.: Совр., 1982.
7. Гаршин В.М. Надежда Николаевна // Повести о любви. Мин.: Вышэйшая школа, 1988, т.2, с.97-154.
8. Гас и гасоосвещение // Журнал для чтения, 1840, т.25, № 99.

9. Гоголь Н.В. Портрет // Гоголь Н.В. Собрание сочинений в шести томах. – М.: Гос. изд. худ. лит., 1959. Т. 3. С.71-127.
10. Гоголь Н.В. Рим (отрывок) // Гоголь Н.В. Собрание сочинений в шести томах. М.: Гос. изд. худ. лит., 1959. Т. 3. С.194-236.
11. Гончаров И.А. Обрыв: Роман. / Вступ. статья П. Николаева; Примеч. Л.Гейро. М.: Худ. лит., 1980 (Библиотека классики. Русская лит-ра).
12. Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия в двух томах. / Комм. К.И. Тюнькина. М.: Правда, 1985.
13. Григорович Д.В. Гуттаперчевый мальчик // Григорович Д.В. Избранное / Сост. и авт. вступ. статьи Н.Утехин. М.: Совр., 1984. С.486 – 527.
14. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., М., 1880 – 1882, т. 1 – 4.
15. Данилевский Г.П. Беглые в Новороссии; Воля (Беглые воротились): Романы / Вступ. статья и примеч. Э.Виленской. М.: Худ. лит., 1984.
16. Добролюбов Н.А. Собрание сочинений в девяти томах. М., Л.: Худ. лит., 1961 – 1964, т.1 – 9.
17. Дурова Н.А. Избранные сочинения кавалерист-девицы / Сост., вступ. ст. и примеч. Вл. Муравьева. М.: Моск. рабочий, 1983.
18. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Повести. М.: Правда, 1980.
19. Куприн А.И. В цирке // Куприн А.И. Рассказы / Ил. Ю.С.Гершковича. М.: Правда, 1983. С.101 – 128.
20. Словарь современного русского литературного языка. М., Л., 1948 – 1965. – Т. 1 – 17.
21. Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. М.: Наука, 1989.
22. Сухово-Кобылин А.В. Свадьба Кречинского; Дело; Смерть Тарелкина / Библиотека всемирной литературы. Серия вторая. Литература XIX века. М.: Худ. лит., 1974.
23. Толстой Л.Н. Анна Каренина: Роман в восьми частях. Части 1 – 4. Л.: Худ. лит., 1979; Части 5 – 8. Л.: Худ. лит., 1979.
24. Толстой Л.Н. Два гусара // Толстой Л.Н. Собрание сочинений в двенадцати томах. М.: Правда, 1987. – Т. 2. С.123 – 179.
25. Фет А.А. Воспоминания. М.: Правда, 1983.
26. Хотинский М.С. Указатель замечательных открытий по математическим, физическим и естественным наукам, составляемый для Журнала Министерства Народного Просвещения. СПб., 1850 – 1855.
27. Черный П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Рус. яз., 1993, т. 1 – 2.
28. Щедрин Н. (М.Е.Салтыков), В среде умеренности и аккуратности // Щедрин Н. (М.Е.Салтыков), Собрание сочинений. М.: Правда, 1951. Т.7. С. 257 – 538.
29. Яновский Н.М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту... СПб., 1803 – 1806, вып. 1 – 3.

Н.В. ЮДИНА (Владимир, Россия)

К ВОПРОСУ О «ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ СМЫСЛЕ»
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *НАУЧНЫЙ* В
СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ

Аннотация. Настоящая статья посвящена описанию синтагматических особенностей прилагательного *научный*, функционирующего в русскоязычном дискурсе XXI века. На основании проведенного анализа делается вывод о дуализме синтагматических способностей анализируемой лексемы, обнаруживающей, с одной стороны, расширение субстантивной сочетаемости, а с другой – снижение частотности употребления в письменной и устной речи.

«Если рядом со мной идешь...» [17] – так называется один из сборников стихов Августа Борисовича Копелиовича – доктора филологических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, интересного ученого, талантливого руководителя, любящего мужа, дедушки и прадедушки, отмечающего в декабре 2014 года свое 85-летие. Несмотря на то, что стихотворение, первая строчка которого стала названием сборника, носит лирический характер и является достаточно конкретным, на наш взгляд, эту строчку по праву можно считать метафоричной, сделав ее началом не только жизненного, но и научного кредо Августа Борисовича Копелиовича. Умение и способность человека «идти рядом» сродни синтагматическим свойствам лексических единиц, соединяющихся друг с другом и одновременно сосуществующих в линейном ряду. «Синтагматика форм» [15], «синтагматика значений» [16], «синтагматика словосочетаний» [14] и в целом синтагматика смыслов [13] – вот далеко не полный перечень научных интересов Августа Борисовича Копелиовича,

являвшегося на протяжении ряда лет идейным и духовным вдохновителем международной научной конференции «Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект», проводимой кафедрой русского языка Владимирского государственного педагогического университета (ныне – Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых) и ищущего и нашедшего «лингвистический смысл» [12] даже в далеко не лингвистических сферах и понятиях.

В этой связи в настоящей статье, которую мы хотели бы скромно подарить Августу Борисовичу Копелиовичу, «идут рядом» и являющееся ключевым в сознании любого ученого прилагательное *научный*, и ставший практически «родным» для всей владимирской кафедры русского языка «синтагматический аспект», и «лингвистические смыслы», в поисках которых всегда находимся мы, выпускники филологического факультета.

Изучение лингвистического аспекта функционирования научного стиля как одного из самых строгих функциональных стилей литературного языка получило активное развитие в отечественной лингвистике последних десятилетий, что обусловлено влиянием науки на все сферы развития современного общества. В этой связи пристальному вниманию и даже некоторому пересмотру подвергаются общие и специфические черты использования и употребления научного стиля в речи носителей русского языка XXI века. Как известно, научные тексты являются продуктом теоретического осмысления научных исследований и имеют своей целью сформировать и обосновать определенную гипотезу или концепцию, а также сообщить о ней адресату высказывания. В современной науке о

языке научные тексты как особый объект исследования активно изучаются на материале различных языков (см., напр., работы Е.А. Баженовой [3], М.Н. Кожинной [11], Н.А. Мишанкиной [21], Е.Н.Пономарёвой [26] и др. – на материале русского языка, а также исследования Р.С. Аликаева [1], Н.М. Разинкиной [27], Н.К. Рябцевой [28] и др. – в сфере английского и немецкого языков).

В рамках изучения научных текстов в целом особого внимания заслужило исследование научного метаязыка. По справедливому замечанию Ш. Балли, научный язык совпадает с понятийно-логическим языком [4: 144], при этом понятийный язык является более абстрактным, по сравнению с научным метаязыком [4: 248]. Составляющей частью научного метаязыка являются термины как единицы конкретной лексической системы, представляющей собой названия какой-либо отрасли науки, техники, искусства и др. Следует отметить, что системный характер изучение терминологии приобрело в науке о языке начиная со второй половины XX века и нашло своё отражение в работах таких отечественных лингвистов, как Е.И. Амосенкова [2], С.М. Барак [5], С.В. Гринев [9], П.Н. Денисов [10], В.М. Лейчик [19], В.Ф. Новодранова [22] и мн.др.

Стремительное развитие науки в конце XX – начале XXI вв. привело к бурному росту научной терминологии и широкому распространению ее в научно-популярной, публицистической и даже художественной литературе. Многие термины стали достоянием общеупотребительного словаря за счет расширения круга их значений, чему способствовало перенесение сферы их употребления из специальных текстов в публицистику и художественную литературу [7: 106]. Новые подходы к изучению

терминологии в лингвистике XXI века, в частности, в русле когнитивно-коммуникативных и семиотико-дискурсивных аспектов изучения языка нашли своё отражение в работах Е.И. Головановой [8], Ю.Е. Лариной [18], В.Ф. Новодрановой [23; 24] и ряда других языковедов.

Как отмечает большинство исследователей, научному стилю присущи такие функциональные характеристики, как логичность, ясность, понятность, доступность, последовательность, системность. В этой связи интересным представляется анализ особенностей функционирования прилагательного *научный*, которое представляется весьма «консервативным» с точки зрения его семантических и синтагматических возможностей, так же как и сам научный метаязык, к которому оно имеет непосредственное отношение.

Целью настоящей статьи является изучение и описание синтагматических особенностей функционирования прилагательного *научный* в русском языке XXI века. Материалом для анализа послужили более 800 контекстов с прилагательным *научный*, извлеченных из современных аудиовизуальных и печатных средств массовой информации (2000–2013 гг.). Кроме того, всестороннему анализу подвергнуто использование указанной лексики в современных русскоязычных лексикографических источниках.

Необходимо отметить, что прилагательное *научный* достаточно подробно описано во всех основных словарях русского языка. Так, в «Большом академическом словаре русского языка», базирующемся на основе 17-томного «Словаря современного русского литературного языка» (так называемый БАС), отмечаются следующие значения прилагательного

научный: 1. Только полн. ф. Относящ. к науке (в 1 и 2 знач.), связанный с ней. *Научная работа. Научная экспозиция* // Занимающийся исследовательской работой в какой-л. области науки. *Научные работники, сотрудники. Научный кружок. Научные учреждения.* 2. Основанный на принципах науки, отвечающий требованиям науки. *Научное мышление. Научный подход к проблеме* [6: 446].

В «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой (Малый академический словарь, МАС) приводится во многом схожее лексикографическое описание: 1. *Только полн. ф. прил. к наука* (в 1 знач.). *Научная проблема* // Связанный с исследованием каких-л. проблем, с организацией работы в той или иной области знаний. *Научное открытие. Научное учреждение.* 2. Основанный на принципах науки, отвечающий требованиям науки. *Научное познание мира. Научное мышление. Научный коммунизм* [29: 410].

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова даётся менее развёрнутое значение анализируемого слова: *Научный*. 1. см. наука. 2. Основанный на принципах науки, отвечающий требованиям науки. *Вполне н. подход* [25: 385].

Следует отметить интересную особенность, которая заключается в том, что основные толковые словари русского языка так или иначе выделяют два основных значения прилагательного *научный*. В этих же лексикографических справочниках приводится и основная сочетаемость данного прилагательного с существительными, при этом в «Словаре сочетаемости слов русского языка» под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина у анализируемого слова выделяется уже четыре самостоятельных значения, относительно которых авторами

приводится традиционная для этой лексемы сочетаемость, ср.: 1. (только полн. ф.) Такой, который относится к науке, научной деятельности, содержит изложение вопросов науки. *Работа, деятельность, понятие, метод, проблема, вопросы, исследование, поиск, открытие, познание, знание, прогресс, сфера, область, произведение, труд, статья, журнал, библиотека, зал (о библиотеке), руководство, руководитель, консультирование, консультант, сотрудничество, связи, контакты.* 2. (только полн. ф.) Такой, который занят разработкой вопросов науки. *Общество, кружок, объединение, учреждение, центр, коллектив, кадры, круги, работник, сотрудник.* 3. (только полн. ф.) Такой, который основывается на принципах науки. *Теория, вывод, подход к чему-л., точка зрения, основы чего-л., организация труда.* 4. Такой, который соответствует требованиям науки, истинному понятию о науке. *Теория, метод, классификация, систематизация, подход, точка зрения, положения, выводы* [30: 402].

Однако вполне очевидно, что детальность и точность описания значений в данном лексикографическом справочнике обусловлена, в первую очередь, методическими и лингводидактическими причинами: указанная дифференциация точнее, чем в обозначенных выше словарях русского языка, демонстрирует особенности сочетаемости прилагательного *научный*, которое и в настоящее время продолжает реализовывать свои синтагматические потенции, описанные в известных словарях русского языка.

Однако, как отмечает Н.С. Валгина, многие термины, усвоенные общелитературным языком, в конце XX – начале XXI вв. получили более расширенное значение. Частое применение к

фактам общественной жизни привело к затемнению специального, терминологического значения (такое значение сохраняется лишь в специальной научной литературе) [7: 102]. В этой связи есть предположение, что и прилагательное *научный*, имеющее непосредственное отношение к научному метаязыку, в последние десятилетия своего функционирования приобрело ряд новых сочетаемостных возможностей, наряду с традиционными, отмечаемыми в основных лексикографических справочниках XX в.

Исследование современного словоупотребления данного прилагательного, осуществленное на основе анализа более 800 контекстов функционирования леммы *научный*, обнаруживает следующие морфологические особенности синтагматики данной леммы: около 50% всех отмеченных комбинаций являются сочетаниями прилагательного *научный* с существительным мужского рода (ср., напр.: научный работник / подход / центр / сотрудник / доклад и мн. др.), примерно по 10% приходится на сочетания с существительными женского рода (ср., напр.: научная организация / конференция / библиотека и др.) и среднего рода (ср., напр.: научное сообщество / открытие / сотрудничество и др.), 30% отмеченных атрибутивных словосочетаний обычно имеют в качестве главного определяемого существительное множественного числа (ср., напр.: научные исследования / учреждения / публикации / эксперименты / разработки и пр.).

Тематический анализ наиболее частотных сочетаний прилагательного *научный* с существительными демонстрирует его более широкие возможности в семантическом плане, т.е. именно при тематической классификации могут быть выделены более чёткие границы между тем или иным значением данного слова.

Так, среди сочетаний с существительными выделяем следующие группы:

1) наименование лица по роду занятия: *научный работник / руководитель / сотрудник / консультант / редактор / человек; научные кадры* и др. В данной группе особо стоит выделить словосочетания, имеющие некоторую пейоративную окраску (напр., *научный конкурент*), а также наименования, имевшие такую окраску на определенном этапе своего функционирования, но утратившие её в связи с определенной терминологизацией всего сочетания (напр., *научный оппонент*);

2) характеристика определенных научных достижений: *научный авторитет / характер / статус / талант / потенциал, научная новизна* и др.;

3) наименование группы лиц, объединенных общими научными интересами, ср., напр., *научный мир / совет, научная ассоциация / школа / среда, научное сообщество, научные группы / круги*, а также места и формы их работы: *научный центр / вуз / городок / институт / отдел / форум, научная организация / конференция, научное предприятие, научные учреждения, центры / лаборатории* и др.;

4) наименование какого-либо действия в сфере науки: *научный поиск / прорыв / труд / подвиг, научная деятельность / работа, научное обеспечение / мнение, научные исследования* и др.;

5) наименование итога какой-либо научной работы: *научный задел / оборот / вклад / опыт, научная теория* и др., а также более или менее материализованного продукта научной деятельности: *научный доклад / факт / текст / бюллетень / сборник, научная литература / статья / информация, научное*

открытие / издание, научные результаты / журналы / публикации / разработки и др.;

6) наименование методических особенностей проведения той или иной научной работы: *научный подход / вопрос / интерес / стиль / метод / вывод / аспект / ресурс* и др.;

7) наименование научных направлений: *научный позитивизм / атеизм / социализм / креационизм* и др.

Исходя из представленных нами 7 тематических групп номинаций, включающих в свой состав прилагательное *научный*, мы можем соотнести указанные значения анализируемой лексемы с тематикой образуемых комбинаций следующим образом:

1) в сочетаниях третьей тематической группы прилагательное *научный* имеет значение «относящийся к науке, научной сфере»;

2) в субстантивных оборотах с анализируемым прилагательным первой и второй тематических групп лексема *научный* имеет значение «занимающийся разработкой вопросов науки»;

3) в четвёртой и пятой тематических группах значение прилагательного *научный* может быть описано как «основывающийся на принципах науки»;

4) в комбинациях шестой и седьмой тематических групп прилагательное *научный* характеризуется значением «соответствующий требованиям науки».

Проведенный анализ позволяет сделать предположение о том, что синтагматические потенции прилагательного *научный* в русском языке первых десятилетий XXI века при всей консервативности как языка науки и научного стиля, так и научной

терминологии расширяются под влиянием разного рода интра- и экстралингвистических факторов. Об этом свидетельствует и ряд собранных нами новых сочетаний с прилагательным *научный*. Степень их «новизны» может быть различной:

1. В одних случаях такие сочетания, в принципе, трудно квалифицировать как новые: они, очевидно, встречались в русском языке и ранее, однако до настоящего времени эти существительные не зафиксированы в русскоязычных словарях как возможные субстантивные определители прилагательного *научный*; напр.: *научный лидер / прорыв / фонд, научная премия / картина мира / коммуникация, научное общение*.

2. Другие сочетания возникли по причине необходимости обозначения новых реалий действительности, напр.: *научные роты, научный рейтинг / парк / продукт*.

3. Третьи комбинации можно охарактеризовать как варианты языковой игры; напр.: *научный календарь / анекдот / «слэм» / понедельник, научное развлечение*.

4. Кроме того, как отмечает Н.С. Валгина, результатом вхождения терминов в общелитературное языковое окружение становится смещение смысла в сторону его расширения за счет переносного употребления [7: 107]. В этой связи следует особо выделить метафорическое функционирование прилагательного *научный* с существительными; напр.: *научный Ренессанс* и др.

В контексте этой проблемы интересной представляется разработанная Н.А. Мишанкиной классификация уровней функционирования метафорических моделей, связанных с дискурсивной специализацией средств естественного языка, которая напрямую касается отбора метафорических моделей, задействованных в моделировании ментального пространства той

или иной научной сферы [21: 24]. Автор выделяет 4 уровня функционирования метафорических моделей, к которым относятся: 1) уровень научного текста, 2) уровень научной парадигмы, 3) уровень научного дискурса, 4) интердискурсивный уровень [21: 24-25]. Думается, что в контексте представленной иерархии синтагматика прилагательного *научный* имеет отчётливо выделяемую эволюцию: субстантивные сочетания с обозначенным прилагательным постепенно переходят из сферы интранаучного текста на интердискурсивный, синергетический уровень.

Вместе с тем, любопытным представляется и другой лингвистический факт: анализ лексикографических источников свидетельствует о снижении частотности использования прилагательного *научный* в русском языке. Так, «Частотный словарь русского языка» под редакцией Л.Н. Засориной (1977 год) фиксирует частотность прилагательного *научный* как 291 [31: 357], в то время как «Частотный словарь современного русского языка» О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова (2009 год) указывает частотность той же лексики как 155,1 [20].

Таким образом, подводя итоги анализа функционирования прилагательного *научный* в русском языке XXI века, укажем на то, что лексема *научный* продолжает сохранять свой «консервативный» научный статус как одно из самых не подверженных семантическим и синтагматическим изменениям слов русского языка. Вместе с тем, анализируемое прилагательное изменило своё лингвистическое «поведение» в XXI веке: с одной стороны, расширив свои синтагматические возможности и переключив сферу своего функционирования из интранаучного в интердисциплинарную, синергетическую сферу; а

с другой стороны, судя по лексикографическим источникам, снизив свою частотность употребления в письменной и устной речи носителей русского языка. Все эти и другие факты свидетельствуют о том, что наблюдение над функционированием прилагательного *научный* нуждается в дальнейшем продолжении с привлечением различных научных парадигм, множества научных взглядов и разнообразных научных мнений, свойственных русскому языку XXI века.

В завершение настоящей статьи хотелось бы с удовольствием пожелать уважаемому Августу Борисовичу Копелиовичу крепкого здоровья, интересных научных открытий, новых лингвистических смыслов и... чтобы всегда рядом шли самые любимые и близкие люди.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аликаев Р.С. Стилистическая парадигма языка науки: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1999.
2. Амосенкова Е.И. Некоторые принципы образования технических терминов в современном французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1953.
3. Баженова Е.А. Научный текст как система субтекстов: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2001.
4. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
5. Барак С.М. Терминологическая лексика. Ее место в словарном составе языка: на материале соврем. англ. терминологии ж.-д. трансп.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1955.
6. Большой академический словарь русского языка / Под ред. Л.И. Балахоновой, Л.Е. Кругликовой, Н.Е. Соловьева, В.П. Фелицыной, А.А. Шушкова. М. –Л., 2008. Т. 11.
7. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2001.
8. Голованова Е.И. Лингвистическая интерпретация термина: когнитивно-коммуникативный подход // Известия Уральского государственного университета: Гуманитарные науки. Вып. 8. 2004. №33. С. 18-25.
9. Гринев С.В. Специальная лексика и терминологическая лексикография // Сб. трудов Института языкознания АН СССР. М., 1991. С. 16-24.
10. Денисов П.Н. Выступление на совещании по лингвистическим проблемам научно-технической терминологии // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970. С. 21-24.
11. Кожина М.Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972.

12. Копелиович А.Б. Лингвистический смысл родообразующих противопоставлений // Проблемы семантической и синтаксической типологии / Отв. ред. В.И. Подлесская, Л.И. Куликов. М.: Наука, 1989. С. 15-20.
13. Копелиович А.Б. Синтагматический аспект механизма аналогии // Африка: проблемы перехода к гражданскому обществу. VI конференция африканистов. Тезисы доклада. М.: РАН, 1994. С. 152-156.
14. Копелиович А.Б. Синтагматика количественно-именных словосочетаний // Актуальные проблемы современной русистики. Тезисы доклада / Отв. ред. М.В. Сандакова. Киров, 1996. С. 50-51.
15. Копелиович А.Б. Синтагматика форм. Согласование и параллелизм // Доклады высшей школы. Филологические науки. 2000. № 5. С. 57-65.
16. Копелиович А.Б. Синтагматика форм и синтагматика значений (еще об управлении) // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции (Москва, 8-10 июня) / Отв. ред. А.М. Молдован, В.Н. Белоусов. М., 2003. С. 68-70.
17. Копелиович А.Б. «Если рядом со мной идешь...»: сборник стихов. Владимир, 2009.
18. Ларина Ю.Е. Прагматика термина как семиотическое свойство. Ростов-на-Дону, 2007.
19. Лейчик В.М. Термины и терминосистемы – пограничная область между естественным и искусственным в языке // Вопросы терминологии и лингвистической статистики. Воронеж, 1976. С. 3-28.
20. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М., 2009 // <http://dict.ruslang.ru/freq.php?>
21. Мишанкина Н.А. Лингвокогнитивное моделирование научного дискурса: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2010.
22. Новодранова В.Ф. Латинские основы медицинской терминологии: именное словообразование: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990.
23. Новодранова В.Ф. Современные направления терминологических исследований // Медицинская терминология и гуманитарные аспекты образования в медицинском вузе. Самара, 1998. С. 17-18.
24. Новодранова В.Ф. Когнитивные науки и терминология // Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания: Материалы Круглого стола. М., 2000. С. 89-93.
25. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 60 000 слов и фразеологических выражений. М., 2007.
26. Пономарёва Е.Н. Научный стиль как объект освоения носителями языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004.
27. Разинкина Н.М. Развитие языка английской научной литературы: Лингвостилистическое исследование. М., 1978.
28. Рябцева Н.К. Научная речь на английском языке. Руководство по научному изложению. Словарь оборотов и сочетаемости общенаучной лексики: Новый словарь-справочник активного типа (на английском языке). М., 1999.
29. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М., 1999. Т. 2.

30. Словарь сочетаемости слов русского языка / Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; П.Н. Денисов, Н.К. Зеленова, Е.М. Кочнева и др.; Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. 3-е изд., испр. М., 2002.
31. Частотный словарь русского языка / Под ред. Л.Н. Засориной. М., 1977.

Л. ЯСАИ (*Будапешт, Венгрия*)

К ПРОБЛЕМЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ (на примере одушевленности и числа имени существительного)

Аннотация. Статья посвящена вопросу о статусе двух категорий имени существительного, требующих в своей характеристике уточнений – с одной стороны, проблеме одушевленности / неодушевленности и, с другой стороны, категории числа, квалифицируемой, как правило, в качестве безоговорочно словоизменяемой.

0. Общие замечания. Выделение разного рода категорий в познавательном процессе на основе общности каких-либо свойств уже с древних времен является естественной потребностью человеческого мышления. Такая потребность всегда оказывалась необходимой при изучении и научном описании языков. Разумеется, в стремлении лингвиста описать языковую действительность постоянно возникает необходимость категоризации разного рода языковых, в частности грамматических явлений. При этом существенно и с учебной точки зрения, чтобы выделяемые и характеризуемые категории и разряды находились в соответствии с определенными принципами, принятыми в данной науке. Произвольный характер и чрезмерная степень индивидуальных трактовок при определении грамматических категорий неизбежно приводит к разношерстности подходов, что может повлечь за собой и нежелательные последствия: сложившиеся таким образом теоретические рамки не будут способствовать усвоению иностранного языка, – более того, отсутствие общепринятой концепции может стать и препятствующим фактором в процессе

обучения. В нижеследующих рассуждениях ставится вопрос о том, в какой мере и с какой последовательностью осуществляется принцип адекватной и, по возможности, единой категоризации при описании указанных в заголовке двух грамматических феноменов. Конечно, с такой целью можно было бы подвергнуть анализу и уточнению все традиционно выделяемые категории любой самостоятельной части речи, но целесообразно в этом плане отдавать предпочтение таким категориям, при трактовке которых в лингвистической литературе обнаруживаются явные несоответствия и противоречия.

Кроме того, как нам представляется, постановка и изложение данных вопросов может показать, что выбор подходящей грамматической концепции должен определяться, в частности, и прикладными целями лингвистики, а в нашем случае, и лингводидактической направленностью при подаче грамматического материала.

1. О статусе противопоставления одушевленности и неодушевленности. Если рассмотреть разные описания темы одушевленности и неодушевленности, то уже при первом приближении обращает на себя внимание следующая проблема: В одних грамматиках – в том числе и в академической грамматике (в Русской грамматике 1980-го г.) – это противопоставление не считается грамматической, т. е. морфологической категорией, а входит в список лексико-семантических (лексико-грамматических) разрядов существительных [8: 58–60], [9: 197, 201–203, [10: 462–464], значит, данное противопоставление рассматривается наряду с разрядами собственных и нарицательных, конкретных и отвлеченных, единичных и собирательных существительных. В венгерской русистике по такой же концепции характеризуется

явление одушевленности в учебнике И. Пете [7: 209]. Во многих других грамматиках, однако, одушевленность / неодушевленность представляет собой классифицирующий тип грамматических категорий [5: 53–54], [11: 155–157]. В венгерской русистике такой подход наблюдается в учебнике «Курс современного русского языка» под ред. Ф. Паппа [1: 212–217].

1.1. Видимо, обе интерпретации рассматриваемого явления имеют свои традиции. Учитывая, однако, и «национальную специфику» венгерской аудитории при изучении русского языка как иностранного, я считаю, что придерживаться в этом плане целесообразно второй трактовки – той концепции, согласно которой противопоставление одушевленности и неодушевленности – это не просто лексико-семантическое деление имен существительных, а оно должно рассматриваться в качестве грамматической категории, относящейся к классификационному типу. Очевидным представляется такой подход потому, что единственным объективным критерием различения и разграничения грамматических категорий и лексико-семантических разрядов принято считать формальную маркированность какой-либо оппозиции, т. е. обязательность ее формального (морфемного) выражения (см. изложение и обзор понимания грамматического (категориального) в работах [6: 70–74], [3: 239–246]). Что касается в этом плане обязательности выражения одушевленности, то в создавшемся таким образом противопоставлении (в отличие от «подлинных» лексико-семантических разрядов) этот формальный критерий осуществляется в совпадении винительного и родительного падежей у одушевленных существительных. Поскольку одушевленность / неодушевленность связывается исключительно

с прямой переходностью глагола, здесь, конечно, нет смысла ожидать маркированности, охватывающей всю падежную парадигму существительного.

С другой стороны, следует и оговориться. Известно, что указанное обозначение одушевленности в винительном падеже реализуется с некоторыми ограничениями, поскольку только существительные мужского рода, оканчивающиеся на согласный (значит, за исключением существительных типа *дедушка*), выражают данное противопоставление в обоих числах – и в единственном, и во множественном. С полной последовательностью эта категория выражается лишь во множественном числе, когда она охватывает и существительные женского рода, и существительные мужского рода женского склонения. Тем не менее, относя данную оппозицию не к грамматическим категориям, а к лексико-грамматическим разрядам, А.В. Бондарко аргументирует это таким образом: «Оппозиция одушевленных и неодушевленных существительных имеет грамматическое выявление в некоторых формах падежа и в категории рода, но собственной системы рядов морфологических форм не имеет» [2: 57].

1.2. В нашем понимании при рассмотрении одушевленности акцент следует поставить на обязательности ее выражения. В свете указанной обязательной маркированности – не убедительно, более того, с точки зрения иностранной аудитории даже «опасно», если явление одушевленности трактуется не как грамматическая категория, а как лексико-семантическое противопоставление. На практике же, а именно в прикладной отрасли лингвистики, такая интерпретация влечет за собой весьма нежелательные последствия, хорошо известные

преподавателям: иностранный учащийся склонен воспринимать выражение одушевленности и неодушевленности таким явлением, которое лишено морфемной характеризованности (это так и есть в неславянских языках), и поэтому в винительном падеже он не различает (или непоследовательно различает) данную особенность русской грамматики. Такого рода нарушение с психологической точки зрения вполне понятно: тем, кто начинает учить русский язык, на самом деле нелегко понять необходимость различения живого в собственно биологическом смысле и одушевленного в грамматическом понимании, особенно если явление одушевленности отождествляется с противопоставлениями лексико-семантического, т. е. формально нехарактеризованного типа. Изложенное выше объясняет, почему я настаиваю на таком понимании одушевленности, согласно которому мы здесь имеем дело с грамматической категорией, а именно с ее классификационным типом.

2. К уточнению статуса категории числа имени существительного. С принятием концепции, рассмотренной выше, морфологические категории имен существительных делятся: на классификационный тип, который представлен категориями рода и одушевленности / неодушевленности и на словоизменительный тип, эталонным примером которого является падеж. В этом отношении, однако, неясен статус категории числа, хотя ей обычно приписывают словоизменительный характер и делают это без особых комментариев. Таким образом, создается впечатление, что словоизменительный характер категории числа имени существительного является само собой разумеющимся. Не желая полностью отрицать данное мнение, я позволю себе высказать на

этот счет и некоторые сомнения. Прежде чем подвергнуть критике чисто словоизменительную трактовку, следует указать, что согласно такой концепции представлен этот вопрос и в Русской грамматике [10: 471], и такую интерпретацию практически безоговорочно принимает учебная практика, в том числе и в венгерских вузах. По поводу трактовки этого вопроса мне известна лишь одна авторитетная работа, в которой аргументы приводятся в пользу признания категории числа в качестве классифицирующей категории (с указанием на принципиальное сходство между грамматическим родом и числом существительного), – это упомянутая выше монография И.Г. Милославского (правда, в ней автор не исключает и трактовки в рамках словоизменения) [5: 68–69]. Что касается классифицирующего (т. е. чисто классифицирующего) подхода к этому вопросу, я также не могу безоговорочно с ним согласиться, так как флексийный способ образования форм множественного числа, конечно, естественнее толковать в рамках словоизменения. Дополняя в этой связи традиционную аргументацию, я считаю необходимым обратить внимание на нижеследующие моменты.

2.1. Если принять мнение о том, что категория числа относится к словоизменительному типу, то она в этом плане должна быть приравнена к категории падежа. Однако легко можно заметить, что в таком сравнении категория числа существительных представляет «в меньшей мере» словоизменительную категорию, чем падеж, так как в категории числа обнаруживаются и элементы классификации, с одной стороны, и признаки особой, флексийной формы словообразования, с другой (см. ниже).

Во-первых, при изучении этой категории при самом первом приближении существительные классифицируются и по этой общеизвестной классификации различаются: 1) существительные, выступающие в обоих числах (по-видимому, их большинство), 2) группа *singularia tantum* с многочисленными примерами (*мебель, скот, железо, горе* и др.) и 3) группа *pluralia tantum*, также с многочисленными примерами (*брюки, деньги, сутки, похороны* и др.). Данная классификация осложняется тем, что границы между этими группами могут быть относительными, так как в случае многозначности существительных принадлежность к той или иной группе может зависеть от реализуемого в том или ином контексте значения. Имеются в виду регулярные случаи многозначности, такие как, например: в слове *акварель* – в значении 'краска' это слово не имеет множественного числа (*писать акварелью*), тогда как в значении 'картина' оно употребляется в обоих числах (*посмотреть на выставке все акварели*). Ср. еще слово *опыт* как сущ. *sing. tantum* и – в другом значении (напр., *химические опыты*) – как соотносительность по числам: *опыт–опыты*. Значит, деление существительных с точки зрения их отношения к числу иногда говорит не столько в пользу словоизменения, сколько в пользу словоклассификации.

Во-вторых, в отличие от венгерского языка, в русском языке может иметь место и так называемая лексикализация множественного числа (причем она может проявляться в разной степени). Под лексикализацией здесь понимается появление новой номинации, когда при образовании множественного числа развиваются такие лексические значения (иначе, такие типы употребления), которые отсутствуют в единственном числе: *час* – *часы* (прибор для измерения времени), *род* – *роды*

(физиологический процесс), *бег* – **бега** (соревнования, гонки лошадей или некоторых других животных), *песок* – **пески** (песчаные пространства), *клещ* – **клещи** (инструмент для захвата), *танец* – **танцы** (вечер, на котором танцуют), *камень* – **камни** (болезнь) и т. п., таких примеров довольно много. Наличие таких фактов также опровергает чисто словоизменительный характер категории числа существительных. Надо упомянуть и о том, что множественная форма у некоторых вещественных существительных (*вина, меды* и др.) также не представляет просто «дублирование» значения ед. числа, а обозначает сорта, виды данного вещества.

С другой стороны, как уже указывалось, флексийный способ образования числовых форм несомненно тяготеет в сторону словоизменения, и поскольку флексия является одновременно и формантом выражения падежа (как эталонного проявления словоизменения), парадоксально было бы утверждать, что данная морфема в одной функции выступает как словоизменительная, а в другой – как классифицирующая. По крайней мере, как я полагаю, многие грамматисты видят в этом парадокс и, как кажется, именно во избежание этого неудобства числовое противопоставление трактуют как словоизменительное.

2.2. Наконец, рассматривая данную проблему в более широком плане, безотносительно к переходу в другую часть речи, я хочу обратить внимание на принципиальное сходство категории числа и категории глагольного вида касательно их коррелятивных отношений. Предлагаемую аналогию можно обосновать, в частности, следующими параллелями:

1) Обе категории (вид и число сущ.) базируются на двучленной оппозиции, выражаемой, во-первых, морфологически, во-вторых, синтаксически.

2) Большинство глаголов образует видовую пару, большинство существительных входит в «числовую пару».

3) И в той и в другой части речи (обычно по семантическим причинам) имеет место «категориальная дефектность», т. е. отсутствие коррелятивности: это глаголы *imperfectiva* и *perfectiva tantum* (*висеть* и *грянуть*) и существительные *singularia* и *pluralia tantum* (*горе* и *ножницы*).

4) В обеих категориях возможна относительная синонимия противопоставляемых членов, т. е. при функционировании этих категорий наблюдается не только «конкуренция видов» (напр., *Где вы это купили / покупали?*), но и «конкуренция чисел» (напр., *В этом озере водится и карп / водятся и карпы*).

5) Аналогом двувидовости как морфологической нехарактеризованности глагольного вида (напр., *использовать, исследовать, электрифицировать*) можно считать выражение единственного и множественного числа в случае несклоняемых существительных: противопоставление единичности и множественности у них осуществляется не морфологически, а (только) синтаксически – посредством согласования (ср.: *одно модное пальто* и *все модные пальто, у этого шимпанзе* и *у этих шимпанзе*).

2.3. Как мы видим, единственным принципиальным различием является с нашей точки зрения то, что в формировании видовых корреляций участвуют приставки и суффиксы, а в формировании числовых корреляций – флексии. Однако отнести вид глагола к классифицирующему типу и число

имени существительного к словоизменительному типу исключительно на основе указанного морфологического различия кажется не для всех убедительным. В современной аспектологии некоторые исследователи – в частности, М.Я. Гловинская, Н.В. Перцов – рассматривают вид в качестве промежуточной категории [4: 3], [6: 138, 142], в которой выявляются и признаки словообразования, и признаки словоизменения, значит, на самом деле, предлагается такое компромиссное решение, когда вид – это смешанная, своеобразная «словоизменительно-классификационная» категория. Такая трактовка, как мне кажется, представляет естественный выход из запутанного положения. В свете убедительной силы такого объяснения спрашивается: почему тогда при своей грамматической характеристике категория числа не разделяет участь категории вида? Не точнее ли бы отразились реальные факты в категориальном наименовании числа существительного, если смягчить жесткую и несколько одностороннюю формулировку таким образом: число имени существительного – это **преимущественно** словоизменительная категория, или **непоследовательно** **выражаемая** словоизменительная категория, или, выражаясь «более радикально», такая **промежуточная** категория, которая находится на грани словоизменения и грамматической классификации?

ЛИТЕРАТУРА

1. Болла К., Палл Э., Папп Ф. Курс современного русского языка. Изд. 5-е, Будапешт, 1990.
2. Бондарко А. В. Категории и разряды славянской функциональной морфологии // Славянское языкознание. VII международн. съезд славистов, Варшава 1973. Доклады советской делегации, М., 1973. С. 42–62.
3. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики. (На материале русского языка) М., 2002.

4. Гловинская М. Я. Теоретические проблемы видо-временной семантики русского глагола. АДД. М., 1986, 1–35.
5. Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. М., 1981.
6. Перцов Н. В. Инварианты в русском словоизменении. М., 2001.
7. Пете И. Морфология русского языка в сопоставлении с венгерским. Будапешт, 1988.
8. Поспелов Н. С. Имена существительные и их основные группы. // В. В. Виноградов (под ред.), Современный русский язык. Морфология. Изд-во московского ун-та, 1952, 57–61.
9. Розенталь Д. Э. (Под ред.) Современный русский язык. Ч. 1. (Лексика, фонетика, словообразование, морфология) Изд. 2-е, М., 1976.
10. Шведова Н. Ю. (Главн. ред.) Русская грамматика. Т. 1. Москва, 1980.
11. Шведова Н. Ю., Лопатин В. В. (Под ред.) Краткая русская грамматика. М., 1989.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамова Е.А. – ст.преп. Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Абрамова И.Ю. – магистрант Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Алиев Телман Асадович – доц. Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых; канд. филол. наук

Бакалова С.В.

Бекасова Е.Н.

Богрова К.М. – доц. Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых; канд. филол. наук

Буробин Р.В.

Варюшенкова Е.Н. – доц. Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых; канд. филол. наук

Веденеева М.А.

Демидов Д.Г. – проф. Санкт-Петербургского государственного университета, докт. филол. наук

Жданова Е.А. – асс. Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Желонкина Т.П. – доц. Балтийского федерального университета имени И.Канта (город Калининград); канд. филол. наук

Зубкова Л.Г.

Исаев И.И.

Искренкова М.С. – доц. Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых; канд. филол. наук

Колесова И.Е. – старший преподаватель Вологодского государственного педагогического университета; канд. филол. наук

Красина Е.А. – проф. Российского университета дружбы народов; докт. филол. наук

Красухин К.Г.

Кузьмина Н.В.

Лекант П.А. – проф. Московского государственного областного университета; докт. филол. наук

Лендваи Э. – проф. Печского университета (Венгрия); докт. филол. наук

Монина Т.С. -

Негрышев А.А. – доц. Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых; канд. филол. наук

Петров А.В.

Пименова М.В. – проф. Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых; докт. филол. наук; проф.

Поленова Г.Т. – зав. кафедрой немецкого языка Таганрогского государственного педагогического института им. А.П. Чехова; докт. филол. наук

Рацибурская Л.В. - зав. кафедрой современного русского языка и общего языкознания Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; докт. филол. наук

Руделев В.Г.

Сандакова М.В.

Сафронова Н.А. – доц. кафедры русского языка Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых; канд. филол. наук

Селиванова Е.А. – зав. кафедрой теории и практики перевода Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого (Украина), докт. филол. наук, профессор

Сигал К.Я.

Столбунова Г.И. – ст.преп. Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Федосов В.А. – проф. Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых; докт. филол. наук

Целикова Н.В. – доц. кафедры русского языка Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых; канд. филол. наук

Чернова Л.А. – проф. Московского государственного областного социально-гуманитарного института; докт. филол. наук; доц.

Шарандин А.Л. – проф. Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина; докт. филол. наук

Шетэля В.М. – доц. Московского педагогического государственного университета

Юдина Н.В.

Ясаи Л. – проф. Будапештского университета им. Этвеша Лоранда (Венгрия); докт. филол. наук

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ
А.Б. КОПЕЛИОВИЧА

1970

1. К вопросу о категории общего рода в современном русском языке // Уч. зап. МОПИ им. Н.К.Крупской. Т.278. Серия "Русский язык". Вып. 17. М., 1970. С. 192 – 199.
2. К вопросу об определении категории общего рода в современном русском языкознании // Уч. зап. ВГПИ. Т. 21. Серия "Русский язык". Вып.3 / Отв. ред. О.С. Нестеренко. Владимир, 1970. С. 87 – 115.

1971

3. Синтаксические свойства конструкций типа "один из" в сочетании с именем существительным // Уч. зап. ВГПИ. Т.33. Серия "Русский язык". Вып. 4 /Отв. ред. А.Б. Пеньковский. Владимир, 1971. С.32-36.
4. Семантико-грамматическое развитие категории рода в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971. 20 с.

1977

5. О личных существительных прилагательного склонения (ЛСПС) // Грамматические классы слов / Отв. ред. А.Я. Баудер. Тамбов, 1977. С.15 –27.
6. К вопросу о кодификации имен существительных общего рода // Грамматика и норма / Отв. ред. Л.И. Скворцов. М.: Наука, 1977. С.178-192.
7. Род как словообразовательная категория // Проблемы ономазиологии. Науч. труды. Т.175 / Отв. ред. М.С. Малеева. Курск, 1977. С. 50 – 52.
8. Род как словообразовательная категория // Вопросы грамматического строя русского языка / Отв. ред. Д.А. Ячинская. Хабаровск, 1977. С. 3 – 19.

9. Семантико-синтаксические условия употребления личных существительных в славянских языках // Тыпалогія славянскіх моў і ўзаемадзеянне славянскіх літаратур. Тэз. дакл. 3 Рэсп. канф. Мінск, 1977. С. 18 – 183.

10. К вопросу о категориальном значении имени числительного // Семасиология и грамматика. Тез. докл. и сообщ. к научн. конф. языковедов Центрально-Черноземной зоны / Отв.ред. В.Г. Руделев. Тамбов, 1977. С. 39 – 40.

1978

11. Омонимия: определение понятия, принципы классификации, терминология // Лексика и словообразование (на материале литературного языка и народных говоров) / Отв. ред. А.Я. Скшидло. Хабаровск, 1978. С. 38 – 42.

1982

12. К вопросу о разноуровневой структуре грамматического рода (диахронный аспект) // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. Тезисы докладов и сообщений. (Волгоград, 21-24 сентября 1982 г.). М., 1982. С. 170 – 171.

1984

13. Взаимодействие синтагматического и парадигматического уровней как условие формирования рода в древнерусском языке // Совещание по вопросам диалектологии и истории языка (лингвогеография на современном этапе и проблемы межуровневого взаимодействия в истории языка). (Ужгород, 18-20 сент. 1984 г.). Тез. докл. и сообщений. 3 т. М., 1984. С. 274 – 275.

1985

14. Формирование родовых отношений на базе форм именного склонения в древнерусском языке // Доклады высшей школы. Филологические науки. 1985. № 2. С. 38 – 43.

15. Какого рода слово “товарищ”? // Языковые единицы русского языка в функциональном аспекте. / Отв. ред. Т.И. Лукиных. Иркутск, 1985. С. 19-23.

1986

16. Формальное, неформальное и смысловое согласование по категории рода в русском языке // Современный русский синтаксис: словосочетание и предложение./ Отв. ред. А.Б. Пеньковский. Владимир, 1986. С. 40-48.

17. Становление нормы в области смыслового согласования атрибутивных и предикативных слов // Становление и развитие норм русского языка XVII-XX веков. Межвуз. сб. научн. трудов / Отв. ред. Л.М. Городилова. Хабаровск, 1986. С. 87 – 109.

1988

18. Очерки по истории грамматического рода. Владивосток: ДВГУ, 1988. Монография. 120 с.

19. Род личных существительных (ЛС) как проблема диалектного словаря // Сибирские говоры: функционирование и взаимовлияние диалектной речи и литературного языка./ Отв. ред. Т.Т. Белоусова. Красноярск: КГПИ, 1988. С. 132 – 146. В соавторстве.

1989

20. Формирование родовых отношений в индоевропейских языках // Доклады высшей школы. Филологические науки. 1989. № 3. С. 45 – 52.

21. Лингвистический смысл родообразующих противопоставлений // Проблемы семантической и синтаксической типологии / Отв. ред. В.И. Подлесская, Л.И. Куликов. М.: Наука, 1989. С. 15 – 20.

22. Именная категория лица в ее отношении к роду. Комсомольск-на-Амуре, 1989. 87 с. Материалы для спецкурса.

1990

23. Род как проблема типологии // Всесоюзная конференция по лингвистической типологии: Тезисы докл. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1990. С. 75 – 77.

1990

24. Проблемы диахронии грамматического рода индоевропейских языков в синтагматическом аспекте. Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. М., 1990. 56 с.

1991

25. Структура родообразующих противопоставлений и тенденции развития и.-е. рода // Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. Конференция к 60-летию со дня рождения В.А. Дыбо: Тез. докл. М., 1991. С. 103-107.

26. Категория лица и грамматический род // Доклады высшей школы. Филологические науки. 1991. № 3. С. 40-49.

1993

27. Личные существительные как проблема лексикографии // Русская историческая лексикология и лексикография: результаты, проблемы, перспективы. Тез. докл. Всероссийской науч. конф. / Отв. ред. А.Д. Васильев. Красноярск, 1993. С. 105 – 107.

1994

28. К вопросу о классификации лексических значений // Актуальные проблемы современной русистики. Тез. конф. / Отв. ред. Л.А. Климкова. Арзамас, 1994. С. 7.

29. Неединственность мотивации как проблема деривационного словаря // Функционально-семантические аспекты изучения слова. Тез. конф. / В.В. Краснянский. Орехово-Зуево, 1994. С. 4 – 6.

30. Синтагматический аспект механизма аналогии // Африка: проблемы перехода к гражданскому обществу. У1 конф. африканистов. Тез. докл. М.: РАН, 1994. С. 152 – 156.

1995

31. Вариативность имени в судьбе индоевропейской грамматики // Явление вариативности в языке. Тез. докл. Кемерово, 1994. С. 253 – 254.

32. Минимальная единица (МЕ) категории рода // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тез. междунар. конференции. Том 1. М.: МГУ, 1995. С. 254 – 256.

33. Отв. ред. кн.: Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Тез. межд. конф. Владимир: ВГПУ, 1995. 220 с.

34. Происхождение индоевропейского рода в синтагматическом аспекте. Владимир, 1995. 124 с.

35. Методологическое единство синтагматического и парадигматического анализа // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Тезисы конф. Владимир, 1995. С. 75 – 77.

36. Слово, словесная позиция (СП), деривационное гнездо (ДГ) // Слово: Материалы конференции / Отв. ред. А.С. Щербак. Тамбов, 1995. С. 73 – 74.

37. Анализ словосочетаний. Методическая разработка // Виды лингвистического анализа. Ч. 1. Комсомольск-на-Амуре, 1995. С. 107 – 114.

38. О некоторых неоднозначно понимаемых вопросах морфемики и словообразования // Проблемы русской морфемики. Тез. конф. Орехово-Зуево, 1995. С. 24 – 25.

39. Согласование и грамматические категории имени // Проблемы изучения языков Африки. Материалы конференции, посвященной 30-летию отдела африканских языков / Отв. ред. В.А. Виноградов, А.И. Коваль. М.: РАН, 1995. С. 100 – 107.

1996

40. Синтагматика квантитативно-именных словосочетаний // Актуальные проблемы современной русистики. Тез. докл. / Отв. ред. М.В. Сандакова. Киров, 1996. С. 50 – 51.

41. О принципах составления учебного словаря лингвистических терминов (на материале раздела “Фонетика”) // Актуальные проблемы стилелогии и терминоведения. Тез. конф. / Отв. ред. Р.Ю. Кобрин. Нижний Новгород, 1996. С. 97 – 98.

42. Правило йотированной буквы при морфемном анализе // Русское слово. Тез. конф. / Отв. ред. В.В. Краснянский. Орехово-Зуево, 1996. С. 67 – 68.

43. Русские былины как документ истории грамматического рода // Матер. Всероссийской науч. конф. “Русский язык: прошлое, настоящее, будущее”. А. Актуальные проблемы лингвистики. Ч. 1. А 1. История языка // Альманах “Говор”. Саратов Сыктывкар, 1996. С. 33 – 36.

1997

44. О разграничении формы и значения в синтагматике // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Тез. конф. Владимир: ВГПУ, 1997. С.116 – 118.

45. Проблемы деривационного форманта при сложении // Словообразовательное гнездо и принципы его описания. Тез. конф. / Отв. ред. Н.А. Николина. М., 1997. С. 31 – 32.

46. К вопросу о конверсии в системе согласовательных классов // IV международная конференция по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. Тезисы докладов. Ч.1. М., 1997. С. 123 –126.

47. Именная категория лица в ее отношении к грамматическому роду. Материалы для спецкурса. Изд. 2-е, испр. Владимир: ВГПУ, 1997. 96 с.

48. Принципы составления словаря лингвистических терминов (на материале раздела “Фонетика”) // Вестник Владимирского

государственного педагогического университета. Владимир, 1997. С. 112 – 118.

49. Классификация согласовательных моделей (на материале и.-е. языков) // Африка в меняющемся мире. VII всероссийская конференция африканистов. Тезисы докладов. Вып. 2 / Отв. ред. А.М. Васильев. М.: РАН, 1997. С. 357 – 360.

50. К вопросу о градуальной оценке деэтимологизации и членимости основы // Русское слово. Тез. конф. / Отв. ред. В.В. Краснянский. Орехово-Зуево, 1997. С. 36 – 37.

51. Отв. ред. кн.: Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы межд. конф. Владимир, ВГПУ, 1997. 318 с.

1998

52. Об одном принципе синтагматического анализа // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе. Лингвистика. Матер. межвузовской конф. Тверь: ТГУ, 1998. С. 12 – 14.

53. Деривационное гнездо и гнездо родственных слов в сопоставительном аспекте // Семантика языковых единиц. Материалы VI межвузовской конф. / Отв. ред. Е.И. Диброва. М.: МГОПУ, 1998. С. 322 – 324.

54. Денотативная ориентация атрибута как фактор развития смыслового согласования // Язык. Африка. Фульбе. Сб. научных статей в честь А.И. Коваль / Сост. В.Ф. Выдрин и А.А. Кибрик. СПб. – М.: Европейский дом, 1998. С. 67 – 77.

55. Категория рода: два направления поисков // Африка: общества, культуры, языки. Матер. выездной сессии Научного совета, состоявшейся в Санкт-Петербурге 6 – 8 мая 1996 г. / Отв. ред. И.В. Следзевский. М.: РАН, 1998. С. 161 – 165.

56. Синтагматика форм 1. Согласование и параллелизм // Филология. Международный сб. научн. трудов / Отв. ред. В.И. Фурашов. Владимир: ВГПУ, 1998. С. 109 – 118.

1999

57. Отв. ред. кн.: Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы межд. конф. Владимир, 1999. 234 с.

58. Конфиксоид как деривационный формант // Славянские чтения: Мат. докл. и сообщ. регион. конф. Чебоксары: Чуваш. ун-т, 1999. С. 32 – 35.

59. Образование слов со сложными основами: проблема форманта // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы межд. конф. Владимир, 1999. С. 89 – 91.

60. Онтология рода: типологический аспект // 5-я межд. конф. по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки: Материалы и резюме докладов / Отв. ред. В.Б. Касевич. Санкт-Петербург: С.-Пб. ун-т, 1999. С. 141 – 145.

61. Согласование и параллелизм // Разноуровневые характеристики лексических единиц: Сб. науч. статей по мат. докл. и сообщ. Часть 3. Морфология и синтаксис / Отв. ред. И.А. Королева. Смоленск, 1999. С. 91 – 92.

62. Генезис категории рода: мифы и реальность // Африка на пороге третьего тысячелетия. VIII конференция африканистов. Тезисы / Отв. ред. А.М. Васильев. М.: РАН, 1999. С. 268 – 269.

2000

63. Эволюция термина “управление” // Актуальные проблемы современной русистики. Материалы Всероссийской научно-практической конф. памяти В.И. Чернова: В двух частях. Часть первая / С.В. Чернова. Киров: ВГПУ, 2000. С. 125 – 127.

64. Правило йотированной буквы при морфемном анализе // Русский язык в школе. 2000. № 4. С. 28 – 32.

65. Правило йотированной буквы при морфемном анализе // Вопросы преподавания русского языка в школе. Выпуск 1. Владимир: ИУУ, 2000. С.10 – 23.

66. Направление мотивации в парах типа *умница – умник* // Вопросы преподавания русского языка в школе. Выпуск 1. Владимир: ИУУ, 2000. С. 4 – 9.

67. Синтагматика форм. Согласование и параллелизм // Доклады высшей школы. Филологические науки. 2000. № 5. С. 57 – 65.

68. Направление мотивации в парах типа *умница – умник* // Вузовская русистика: Межвузовский сборник научно-методических статей / Отв. ред. Н.Р. Скалон. Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2000. С. 22 – 25.

69. А.А. Потебня о происхождении грамматического рода // Чтения, посвященные дням славянской письменности и культуры. Материалы региональной научной. конф. 1. Чебоксары, 20-21 мая 2000 г. С. 30 – 36.

2001

70. Проблемы общей теории грамматического рода // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы четвертой международной конференции. Владимир, 2001. С. 90 – 94.

71. Отв. ред. кн.: Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы четвертой международной конференции. Владимир: ВГПУ, 2001.

2002

72. Информация о Международной научной конференции “Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект”, организованной кафедрой рус. языка ВГПУ в 2001 г. // Вопросы языкознания. 2002. № 1. С. 157 – 159. В соавторстве.

73. К вопросу о морфемной структуре непроизводной основы // Русский литературный язык: номинация, предикация, экспрессия: Межв. сб. науч. трудов, посвященный 70-летию профессора П.А. Леканта. М.: МАНПО, 2002. С. 69 – 73.

74. Словообразование и морфемика: практика лингвистического анализа. Методические рекомендации. Владимир: Изд-во ВГПУ, 2002. 51 с. 3 п.л.

2003

75. К вопросу о правомерности термина “радиксоид” // Русское слово: синхронический и диахронический аспекты. Матер. междунар. науч. конференции, посвященной 130-летию со дня рождения Д.Н. Ушакова / Отв. ред. Ю.В. Елисеев. Орехово-Зуево, 2003. С. 127 – 128.

76. Взаимомотивация как явление синхронии // Актуальные проблемы современной филологии. Языкознание: Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Ч. 1. Киров: ВятГГУ, 2003. С. 140 – 145. 0,3 п. л.

77. Синтагматика форм и синтагматика значений (еще об управлении) // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции (Москва, 8-10 июня) / Отв. ред. А.М. Молдован, В.Н. Белоусов. М., 2003. С. 68-70.

78. Графика и морфемный анализ // Человек и его язык (К 75-летию проф. В.П. Недялкова) / Отв. ред. чл.-корр. САН ВШ Е.А. Пименов, М.Вл. Пименова. Кемерово: Комплекс “Графика”, 2003. Вып. 4. (Серия “Филологический сборник”). С. 33-38.

79. Межсловные связи: слабые и сильные позиции // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы пятой междунар. конф. Владимир: ВГПУ, 2003. С. 105 – 106.

80. Отв. ред. кн: Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы V междунар. конф. Владимир: ВГПУ, 2003. 253 с.

81. Средства обозначения пола и грамматический род (диахронный аспект) // Менталитет и ментальность / Отв. ред. Е.А. Пименов, М.Вл. Пименова. Кемерово – Landau: Графика, 2003. Вып. 9. Серия “Этногерменевтика и этнориторика”. С. 58 – 63.

2004

82. Подчинительные связи слов адъективного типа // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы / Сост. М.Л. Ремнева, О.В. Дедова, А.А. Поликарпов. М.: МГУ, 2004. С. 225 – 226

83. Информация о Международной научной конференции “Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект”, организованной кафедрой русского языка в 2003 г. // Вопросы языкознания. 2004, № 3. С. 130 – 133. В соавторстве.

84. Подчинительные связи адъективных слов // Категории в исследовании, описании и преподавании языка: Сборник научных трудов к 80-летию Е.С. Собликовой / Под ред. Н.А. Илюхиной. Самара: Изд-во “Самарский университет”, 2004. С. 94 – 102.

85. Гипотеза А.А. Потевни о происхождении грамматического рода // О.О. Потевня й актуальні питання мови та культури: Зб. наук. праць. К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2004. С. 187-191.

2005

86. К вопросу об определении имени числительного // Материалы шестой межд. научн. конф. “Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект”. Владимир: ВГПУ, 2005. С. 86 – 90.

87. Категориальные особенности имени числительного // Языковые значения, формы и категории: Сборник научных статей к 70-летию В.И. Фурашова. Владимир: ВГПУ, 2005. С. 76 – 90.

88. Дойти до самой сути (К 70-летию профессора В.И. Фурашова) // Языковые значения, формы и категории: Сборник научных статей к 70-летию В.И. Фурашова. Владимир: ВГПУ, 2005. С. 3 – 13.

89. Отв. ред. книги: Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы шестой международной конференции. Владимир: ВГПУ, 2005. 224 с.

2006

90. Конференция “Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект”: Хроникальные заметки // Вопросы языкознания, 2006, № 5. С. 156 – 159. В соавторстве.

91. О границах морфологической и синтаксической синтагматики // Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике: Матер. Междунар. науч. конфер.: в 4 частях / Отв. ред. Е.А. Пименов, М.Вл.Пименова. Кемерово: Юнити, 2006. Часть 4-я. (Серия “Филологический сборник”. Вып. 8). С. 54-59.

92. Хроника // Вестник ВГПУ: научно-методический журнал. Выпуск 13. Владимир: Нерль, 2006. С. 116-120. В соавторстве.

93. Дойти до самой сути (К 70-летию профессора В.И.Фурашова) // Вестник ВГПУ: научно-методический журнал. Вып. 13. Владимир: Нерль, 2006. С. 123- 128.

94. Проблема определения рода существительных в условиях диалектного словаря // Актуальные проблемы русской диалектологии: Тезисы докл. Междунар. конф. 23-25 октября 2006 г. М.: ИРЯ РАН им. В.В. Виноградова, 2006. С. 100-102.

95. Б.Н. Головин о границах морфологической и синтаксической синтагматики // Научное наследие Б.Н. Головина и актуальные проблемы современной лингвистики: Сб. ст. по матер. междунар. науч. конференции, посвященной 90-летию профессора Б.Н. Головина. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2006. С. 210-214.

2007

96. Подлежащее и сказуемое: паритет или субординация? // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект: К 100-летию профессора А.М. Иорданского. Материалы седьмой междунар. конфер. Владимир: ВГПУ, 2007. С. 147-152.

97. К вопросу о синтаксической связи в конструкциях типа паромход «Ока» // Язык как зеркало времени: К 75-летию со дня рождения профессора Р.Д. Кузнецовой. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2007. С. 107-110.

2008

98. Имя числительное как часть речи // Русский язык в школе. 2008. № 3. С. 64-69.

99. Аффиксоиды и аффиксоидность // Активные процессы в современном русском языке: Сб. научных трудов, посвященный 80-летию со дня рождения профессора В.Н. Немченко. Нижний Новгород: Издатель Ю.А. Николаев, 2008. С. 115-119.

100. Род и грамматика межсловных синтаксических связей. М. – Владимир: Ин-т языкознания РАН, ВГГУ, 2008. 147 с.

101. К вопросу о типологии синтагматики форм // Словесность в вузе и школе: Сборник научных статей / Отв. ред. В.И. Фурашов. Владимир: ВГГУ, 2008. С. 35-49.

102. Хроника: VII Конференция «Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект» // Вестник ВГГУ. Выпуск 18. Серия «Гуманитарные науки». Владимир: ВГГУ, 2008. С. 215-220. В соавторстве.

2009

103. Через графику к морфеме // Русский язык в школе. 2009. № 2. С. 20-23.

104. Правило йотированной буквы при морфемном анализе // Русский язык: Методическая газета для учителей-словесников, № 3 (февраль), 2009. М.: Изд. дом «Первое сентября». С. 7-12.

105. К вопросу о синтаксических отношениях, выражаемых в сфере согласования // Семантика. Функционирование. Текст: Межвуз. сб. науч. трудов. Памяти В.И. Чернова (к 75-летию со дня рождения). Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009. С. 123-125.

106. Синтаксические отношения, категория падежа, управление // Синтаксические категории и единицы: синтагматический аспект: Матер. восьмой междун. конфер. (Владимир, 24-26 сентября 2009 года). Владимир: ВГГУ, 2009. С. 146-155.

107. К вопросу о формальных связях детерминантов в предложении // Русский язык в системе славянских языков: история и современность (выпуск III). Сб. научных трудов. М.: Изд-во МГОУ, 2009. С. 161- 166.

108. Синтагматика адъективного слова // «Слово – чистое веселье...»: Сб. статей в честь Александра Борисовича

Пеньковского / Отв. ред. А.М. Молдован. М.: Языки славянской культуры, 2009. С. 457-470. 2 п. л.

2010

109. Двумерные отношения в морфемике и словообразовании // Основные тенденции развития русского языка: лингвофилософский аспект: Сб. материалов международной научной конференции / Отв. ред. А.С. Малахов. Владимир: ВГГУ, 2010. С. 56-69. 1.5 п.л.

110. Найти свое призвание (К 75-летию профессора В.И. Фурашова) // Вестник ВГГУ. Выпуск 23-24 (серия «Гуманитарные науки»). Владимир: ВГГУ, 2010. С. 247-251.

111. Хроника (о восьмой Международной конференции, организованной кафедрой русского языка ВГГУ) // Вестник ВГГУ. Выпуск 23-24 (серия «Гуманитарные науки»). Владимир: ВГГУ, 2010. С. 284-288. (В соавторстве).

2011

112. Учитель учителей (В.И. Фурашов) // Русский язык в школе. 2011. № 5. С. 55-58.

113. В защиту согласовательной теории родогенеза // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы девятой Международной конференции (Владимир. 22-24 сентября 2011 года). Владимир: ВГГУ, 2011. С. 221-225.

114. Некоторые спорные вопросы словообразования и синтаксиса. Монография. Владимир: ВлГУ, 2011. 156 с.

115. Морфемный и словообразовательный анализ слова // Язык как объект лингвофилософского исследования: Коллективная монография / Отв. ред. А.С. Малахов; Министерство образования и науки РФ. ГОУ ВПО «Владимирский государственный гуманитарный университет». Владимир, 2011. С. 102- 138.

2012

116. Три в одном или три «большие разницы» // В лабиринте сознания, времени и языка: сборник статей в честь 80-летия профессора В.Г. Руделева / отв. ред. А.С. Щербак, научный ред. А.Л. Шарандин; М-во обр. и науки РФ, ФГОУ ВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина». Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. 328с.

2013

117. Именная категория лица: диахронный аспект // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы десятой международной конференции (Владимир, 24-26 сентября 2013 года), посвященной 60-летию кафедры русского языка. Владимир: Транзит-ИКС, 2013. С. 229 – 234.

2014

118. Падежный параллелизм и его роль в организации согласовательных отношений // Материалы V Международной научной конференции, посвященной памяти православных просветителей святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (23-24 мая 2013 г.). Владимир: ВлГУ. С. 56 – 59.

Неопубликованные работы:

Введение в общую теорию грамматического рода. Монография. В рукописи. 250 с.

Материалы для “Словаря личных существительных общего рода на -а”. В рукописи. 80 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Фурашов В.И. К 85-летию со дня рождения профессора А.Б. Копелиовича	5
Негрышев А.А. О школе А.Б. Копелиовича	13
Абрамова Е.А., Столбунова Г.И. Методика обучения сочинению (к вопросу об итоговом сочинении в школе)	16
Абрамова И.Ю. Имя собственное в структуре художественного текста (на материале произведений владимирского писателя С. Никитина)	26
Алиев Т.А. Об употреблении некоторых синонимов в современном русском языке	35
Бакалова С.В. Параллелизм как способ синтаксической связи	41
Бекасова Е.Н. Синтагматическая и парадигматическая обусловленность гетерогенности русского литературного языка	50
Богрова К.М. К вопросу о соотношении сравнения, подобия, тождества (на материале древнерусских текстов)	58
Буробин Р.В. Нейтрализации родовых форм атрибута в согласовательных моделях: потенциал парадигмы и его реализация в текстах (на примере готских и древнеанглийских моделей с указательным местоимением)	64
Варюшенкова Е.Н. О синтаксических функциях инфинитива при опорном существительном <i>манера</i>	73
Веденеева М.А. Приставочно-суффиксальные и сложносуффиксальные имена существительные общего рода на -а в современном русском языке	81
Демидов Д.Г. Чередования <i>ж//жд</i> и <i>ч//щ</i> В «Слове о полку Игореве» (по следам открытого для критики исследования)	90
Жданова Е.А., Рацибурская Л.В. Проблема морфемного статуса препозитивных частей многоосновных неологизмов	99
Желонкина Т.П. Непрямой ответ на вопрос	108
Зубкова Л.Г. Языковые единицы и категории в свете сущностных свойств языка и системных принципов	118
Исаев И.И. Актуальные задачи современной русской диалектологии	125
Искренкова М.С. О синтаксической функции некоторых однокоренных образований	137
Колесова И.Е. Проблемы параллельного словообразования в русских диалектах	141
Красина Е.А. Семантика и синтактика русских перформативных предикатов	147
Красухин К.Г. Становление аспектно-временной и системы в праиндоевропейском	154
Кузьмина Н.В. Средства выражения оценки в русском языке	170
Лекант П.А. Русские междометия в аспекте анализма	176

Лендваи Э. Бинарные оппозиции в межкультурной коммуникации	183
Малахов А.С. К вопросу о соотношении аппозитивных сочетаний и аппозиции	196
Монина Т.С. Синтагматика как фактор формирования речевой семантики слова	202
Негрышев А.А. К текстоцентрической модели дискурса	213
Петров А.В. Числовое значение суффиксальных универбов русского языка	222
Пименова М.В. Деривационное гнездо, гнездо родственных слов и корневая группа	232
Поленова Г.Т. К вопросу о происхождении категории рода (на материале енисейских языков)	240
Руделев В.Г. И снова – о слове и числе	251
Сандакова М.В. Метонимическая мотивация в сфере прилагательного	263
Сафронова Н.А. «Псевдвременность» как одно из значений относительного синтаксического времени обособленных конструкций	271
Селиванова Е.А. Категория притяжательности в русском языке: вербализация и когниция	276
Сигал К.Я. Материалы к синтагматической грамматике сочинительной связи словоформ	290
Федосов В.А. Единицы языка: значение и форма	302
Целикова Н.В. Топикализация как средство выражения эго-категории	310
Чернова Л.А. Синтаксический концепт «мыслительная деятельность» в художественном тексте	314
Шарандин А.Л. Категории рода, пола и лица существительного в парадигматическом и синтагматическом аспектах	326
Шетэля В.М. Язык в эпоху научно-технических открытий: осветительные приборы в названиях XIX века	339
Юдина Н.В. К вопросу о «лингвистическом смысле» функционирования прилагательного <i>научный</i> в современном русском языке: синтагматический аспект	346
Ясаи Л. К проблеме грамматической категоризации (на примере одушевленности и числа имени существительного)	359
Сведения об авторах	370
Список опубликованных работ А.Б. Копелиовича	372

ЯЗЫКОВЫЕ КАТЕГОРИИ И ЕДИНИЦЫ:

Сборник научных статей к 85-летию профессора А.Б. Копелиовича

Ответственный за выпуск: М.В. Пименова

Компьютерная верстка, макет: К.М. Богрова

Подписано в печать	Формат 60x84 ^{1/16}
Усл. печ. л. -	Уч. изд. л. -
Бумага типографская	Печать офсетная
Заказ №	Тираж 300 экз.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии ВлГУ

600024, г. Владимир, ул. Университетская, д.2

(0922) 33-87-40